«ИМЯ ТВОЁ НЕИЗВЕСТНО, ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН»

3 декабря — День Неизвестного Солдата

День Неизвестного Солдата — памятная дата, которую ежегодно отмечают в России 3 декабря в целях увековечения памяти, воинской доблести и бессмертного подвига российских и советских воинов, погибших в боевых действиях на территории нашей страны или за её пределами, чьи имена остались неизвестными.

Дата 3 декабря была выбрана в связи с тем, что в этот день в 1966 году в ознаменование 25-летней годовщины начала разгрома немецко-фашистских войск под Москвой прах неизвестного солдата был перенесён из братской могилы, находящейся на 41-м километре Ленинградского шоссе под Москвой (на въезде в г. Зеленоград), и торжественно захоронен в Александровском саду, у стены Московского Кремля.

На месте захоронения праха у Кремлёвской стены 8 мая 1967 года открыли мемориальный архитектурный ансамбль «Могила Неизвестного Солдата». В центре мемориала находится надгробная площадка из красного гранита с бронзовой пятиконечной звездой, в середине которой горит Вечный огонь славы, зажжённый от пламени, пылающего на Марсовом поле в Санкт-Петербурге. На надгробии надпись: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен» (автор С.В. Михалков).

На территории бывшего Советского Союза, а также в Восточной Европе и на Дальнем Востоке находятся десятки могил, увековечивших память погибших неизвестных героев. Но мемориал у Кремлёвской стены стал символичным местом поклонения для всех, кто не знает, как погибли его близкие и где они погребены.

День Неизвестного Солдата — это не только день памяти погибших в годы Великой Отечественной войны, но и дата, которая объединяет всех погибших и пропавших без вести во время военных конфликтов.

Министерство обороны РФ на постоянной основе проводит мероприятия по поиску и установлению военнослужащих, числящихся пропавшими без вести. Эта работа ведётся в ходе поисковых экспедиций, кропотливого изучения архивных документов. Обеспечен открытый доступ к архивным документам, в т.ч. и на электронных ресурсах. В результате проведённых мероприятий были установлены судьбы около 800 тыс. военнослужащих, числившихся пропавшими без вести.

Каждый год десятки тысяч людей благодаря помощи созданного при участии Минобороны России электронного ресурса Обобщённый банк данных (ОБД) «Мемориал» находят информацию о родных и близких, связь с которыми оборвалась в годы Великой Отечественной войны. Работа по поиску и увековечению памяти погибших при защите Отечества продолжает осуществляться Министерством обороны РФ в ходе поисковых экспедиций и исследования архивных документов.

Проведением поисковой работы в целях выявления неизвестных воинских захоронений и непогребённых останков, а также установления имён погибших и пропавших без вести при защите Отечества занимаются также общественные организации, одной из которых является Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», созданное в 2013 году. Региональные отделения движения открыты в 84 регионах Российской Федерации. В их работе принимают участие более 45 тыс. человек. За 10 лет поисковиками захоронено более 220 тыс. советских солдат, установлено 12 тыс. имён.

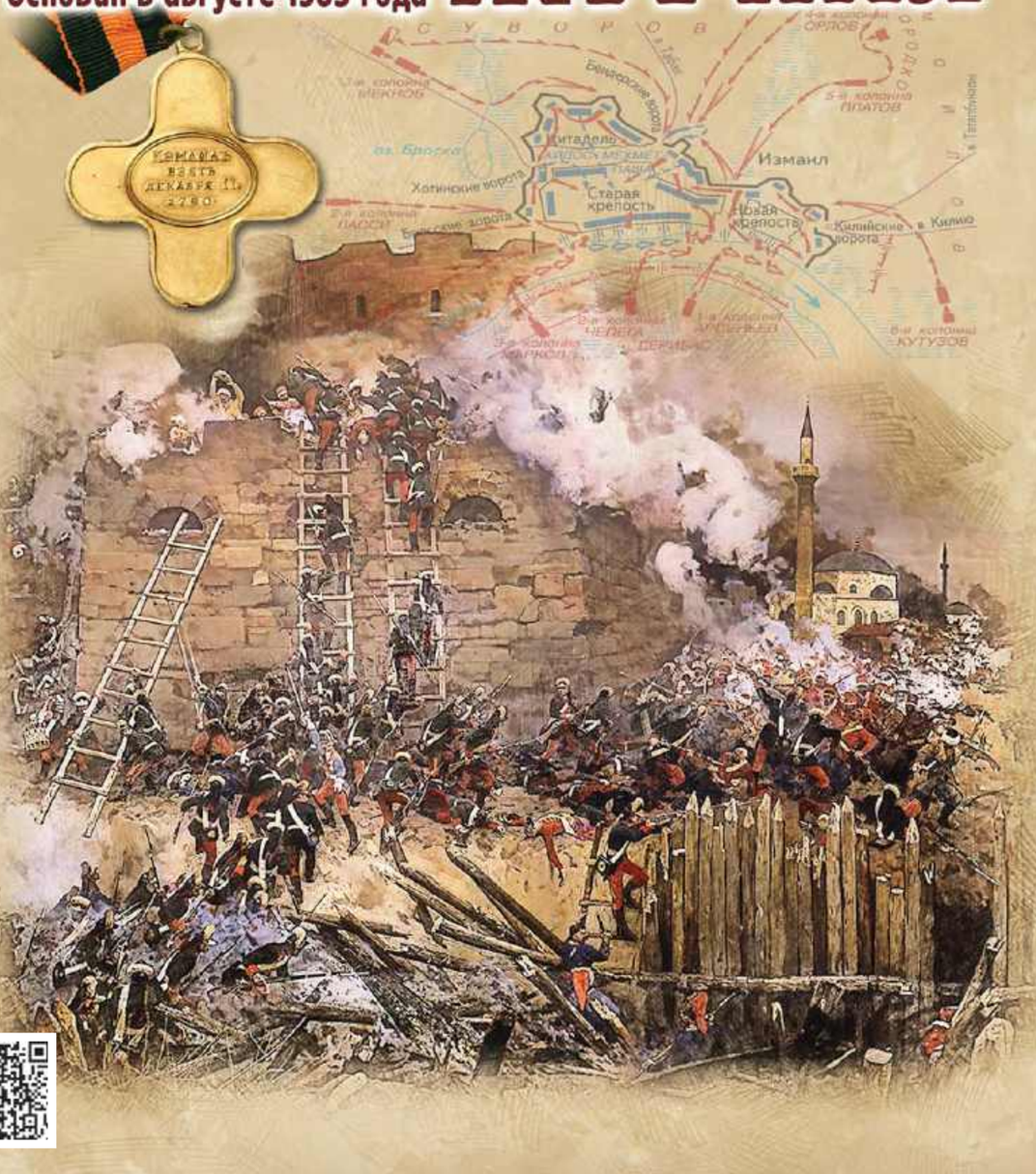
Впервые День Неизвестного Солдата отмечался в России 3 декабря 2014 года. Памятные мероприятия прошли не только у мемориала «Могила Неизвестного Солдата», но и на Федеральном военном мемориальном кладбище в подмосковных Мытищах, а также во всех частях и соединениях Вооружённых сил РФ.

С тех пор в День Неизвестного Солдата по всей стране проходят торжественные акции и вахты Памяти при участии как ветеранских организаций, так и инициативной молодёжи.

Публикация Н.Л. Крыловой

Могила Неизвестного Солдата у стены Московского Кремля

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
12/2025
ISSN-0321-0626
Основан в августе 1939 года

«ГРОМ ПОБЕДЫ, РАЗДАВАЙСЯ!»

К 235-летию взятия русскими войсками под командованием А.В. Суворова турецкой крепости Измаил

Штурм и взятие турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием графа А.В. Суворова произошли 22 декабря (11 декабря по ст.ст.) 1790 года. День воинской славы отмечается 24 декабря, поскольку в существующей редакции федерального закона даты исторических событий, происходивших до введения григорианского календаря, получены путём прибавления 13 дней к датам по юлианскому календарю. Однако разница в 13 дней между григорианским и юлианским календарями накопилась лишь к XX веку. В XVIII веке она составляла 11 дней.

Штурм Измаила стал решающим моментом Русско-турецкой войны 1787—1791 гг., в ходе которой Османская империя намеревалась отвоевать земли, отошедшие к России после войны 1768—1774 гг. В 1787 году она потребовала от России возвращения Крыма, отказа от покровительства Грузии и согласия на осмотр проходивших через черноморские проливы русских торговых судов. Не получив удовлетворительного ответа, турецкое правительство в августе объявило России войну.

В свою очередь российская императрица Екатерина II решила воспользоваться ситуацией и расширить свои владения в Северном Причерноморье.

Военные действия развивались для России успешно. Турецкие войска потеряли Очаков и Хотин, были разгромлены при Фокшанах и на реке Рымник. Турецкий флот потерпел поражения в Керченском проливе и у острова Тендра. Российский флот захватил господство на Чёрном море, обеспечив условия для наступательных действий армии и гребной флотилии на Дунае. Овладев крепостями Килия, Тульча и Исакча, русские войска подошли к крепости Измаил на Дунае, прикрывавшей стратегическое балканское направление.

Измаил считался неприступным. Крепость была перестроена под руководством французских и немецких инженеров. С трёх сторон её окружал вал протяжённостью 6 км, высотой до 8 м с земляными и каменными бастионами. Перед валом был вырыт ров шириной 12 м до 10 м глубиной, который в отдельных местах заполнялся водой. С южной стороны крепость прикрывал Дунай. Внутри было много каменных построек, которые могли использоваться для ведения обороны. Гарнизон насчитывал 35 тыс. человек при 265 крепостных орудиях.

В ноябре 1790 года русская армия численностью в 31 тыс. человек (в т.ч. 28,5 тыс. человек пехоты и 2500 конницы) при 500 орудиях осадила Измаил с суши. Речная флотилия под командованием генерала Осипа де Рибаса, уничтожив почти всю турецкую флотилию, заблокировала крепость со стороны Дуная.

Два штурма Измаила окончились неудачей, и русские войска перешли к осаде и артиллерийским обстрелам крепости.

Штурм и взятие русскими войсками турецкой крепости Измаил (1790)

С началом осенней непогоды в армии, располагавшейся на открытой местности, начались массовые заболевания. Разуверившись в возможности взять Измаил штурмом, генералы решили отвести войска на зимние квартиры.

Главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал князь Г.А. Потёмкин направил на руководство осадой генерал-аншефа (на тот момент) А.В. Суворова, который прибыл к Измаилу 13 декабря (2 декабря по ст.ст.). Суворов решил провести основательную подготовку к атаке. Были сооружены валы и стены, подобные измаильским. Шесть дней и ночей солдаты отрабатывали способы преодоления рвов, валов и крепостных стен. Одновременно для обмана противника имитировалась подготовка к длительной осаде, закладывались батареи, проводились фортификационные работы.

18 декабря (7 декабря по ст.ст.) 1790 года Суворов направил коменданту Измаила Айдозли Мехмет-паше ультиматум: «Я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи и воля; первые мои выстрелы — уже неволя; штурм — смерть!» Тот ответил: «Скорее Дунай потечёт вспять и небо упадёт на землю, чем сдастся Измаил!»

Суворов решил немедленно атаковать. В течение 20 и 21 декабря (9 и 10 декабря по ст.ст.) крепость подверглась бомбардировке из 600 орудий. Штурм, ставший классикой военного искусства, начался в половине шестого утра 22 декабря (11 декабря по ст.ст.). Суворов планировал затемно сбить противника с вала, а затем максимально использовать светлое время суток, чтобы не прерывать бой на ночь. Свои силы он разделил на три отряда по три штурмовые колонны в каждом. Отряд генерал-поручика Павла Потёмкина (7500 человек) атаковал с запада, отряд генерал-поручика Александра Самойлова (12 тыс. человек) — с востока, отряд генерал-майора Осипа де Рибаса (9000 человек) — с юга через Дунай. Кавалерийский резерв (2500 человек) бригадира Фёдора Вестфалена в четырёх группах занял позиции против всех крепостных ворот.

На западе колонны генералов Бориса де Ласси и Сергея Львова форсировали вал, открыв ворота для кавалерии. Левее солдатам колонны генерала Фёдора Мекноба пришлось под огнём связывать попарно штурмовые лестницы, чтобы преодолеть более высокие укрепления. С восточной стороны спешенные казаки полковника Василия Орлова и бригадира Матвея Платова выдержали сильную контратаку турок, от которых досталось и колонне генерала М.И. Кутузова, занявшей бастион у восточных ворот. На юге начавшие штурм чуть позже колонны генерала Николая Арсеньева и бригадира Захара Чепеги под прикрытием речной флотилии замкнули кольцо.

Около полудня колонна де Ласси первой достигла центра крепости. Для поддержки пехоты использовались полевые пушки, картечью очищавшие улицы от турок. К часу дня победа была фактически одержана, однако в отдельных местах схватки продолжались. К 16 ч сопротивление полностью прекратилось.

Турецкий гарнизон потерял убитыми 26 тыс. человек, 9000 были пленены, но в течение суток до 2000 из них умерли от ран. Победителям досталось около 400 знамён и бунчуков, 265 орудий, остатки речной флотилии — 42 судна, множество богатой добычи. Потери русских войск убитыми и ранеными были оценены в 4000 и 6000 человек соответственно.

Русская победа имела большое значение для дальнейшего хода войны, которая в 1792 году завершилась Ясским миром, закрепившим за Россией Крым и Северное Причерноморье от Кубани до Днестра. Взятию Измаила посвящён гимн «Гром победы, раздавайся!» (композитор О.А. Козловский, слова Г.Р. Державина), ставший неофициальным гимном Российской империи.

Публикация Н.Л. Крыловой

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: *mil_hist_magazin@mail.ru* или *ric_vig_1@mil.ru*.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (100—150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;

5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;

6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;

7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 х 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил:
   поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см;
   межстрочный интервал — полуторный;
   абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами);
   перенос слов — отключён;
   инициалы между собой пробелами не отделяются;
   при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-);
   кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:

1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;

2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.

Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;

3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисуночные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки:
119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mil.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить:
• по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;
• Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя;
• интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для подписчиков всех регионов;
• интернет-каталогам агентств на сайтах:
www.podpiska.pochta.ru
www.akc.ru
www.pressa-rf.ru;
• заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 17.10.2025
Подписано к печати 20.11.2025
Формат 60x84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 5166-2025
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Тел.: (495) 941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46
E-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
117342, г. Москва, Севастопольский проспект, д. 56/40
Цена свободная
© «Военно-исторический журнал», 2025
Отдел распространения периодической печати — 8(495) 941-39-52
E-mail: kr_zvezda@mail.ru,
Web-сервер: http://www.redstarprint.ru
Секретариат — 8(495) 191-15-51

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ: МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

декабрь

№ 12 (788)

2025

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

ЧАЧУХ
Игорь Мадинович,
заслуженный
журналист РФ,
полковник запаса

Заместитель главного редактора

КИКНАДЗЕ
Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАРАН,
полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;

Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат
исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник в отставке;

Н.Л. КРЫЛОВА;
А.Л. КУРСОВА;
С.В. МАНЮКОВ,
полковник в отставке;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник в отставке;

А.В. ПЕТРОЧИНИН;
А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;
О.А. ТВИРОВА

Ответственный секретарь

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА
(заместитель
ответственного секретаря);
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;
А.М. ПЕТРОВ,
полковник в отставке

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка

Е.Н. ПЛЕТНЁВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ
капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера использована гравюра С. Шифляра «Штурм Измаила 11 (22) декабря 1790 года», выполненная по акварельному рисунку художника-баталиста М.М. Иванова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — советник директора Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

Yu.A. PETROV — Advisor to the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

‹‹Военно-исторический журнал›› включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science; Белый список и Единый государственный перечень научных изданий

СОДЕРЖАНИЕ

	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
2-я стр. обл.	«Гром победы, раздавайся!». К 235-летию взятия русскими войсками под командованием А.В. Суворова турецкой крепости Измаил (*Публикация Н.Л. Крыловой*)
	ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
4	**Ю.М. СТАВИЦКИЙ, В.А. БЕЛОЗЁРОВ, Ю.А. ВОЛКОВ, Д.О. КОПЫТОВ** — «Личный состав инженерных войск... способствует достижению побед на полях сражений». История и современное состояние инженерных войск России
	ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.
20	**А.А. ИСТОМИН** — «Закончить строительство оборонительных сооружений с обводом вокруг Ярославля, Рыбинска и Костромы». Тыловой рубеж Московской зоны обороны
	ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
32	**А.Н. ПЛУЖНИКОВ, В.В. КАНИЩЕВ** — «Ад огня и смерти не поколебал людей, и они дружно пошли в наступление». Варшавско-Ивангородская операция 1914 года в полковых журналах боевых действий
40	**И.А. ЗАХАРЧЕНКО** — «Такими воинами родина наша может, по справедливости, гордиться, как гордимся ими мы...». Солдаты-приамурцы — георгиевские кавалеры Первой мировой войны
	ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв.
48	**Л.А. РЫБОЧКИН** — «Афганский опыт имеет особую ценность...». Особенности подготовки водителей и механиков-водителей 40-й армии в Афганистане (1979—1989 гг.)
	ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ
54	**А.В. ГРОМОВ** — «...О действии артиллерии нашей увериться хочет». Российские единороги и «шуваловские» гаубицы в Австрии (1758—1760 гг.)
	ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ
64	**К.А. НАСОНОВ** — «Страдания красноармейцев достигли невыразимых пределов». Медицинское обеспечение военнослужащих РККА и членов их семей (1918—1941 гг.)
	ИЗ ИСТОРИИ ФОРТИФИКАЦИИ
76	**С.В. ГОРОХОВ** — «Начало историческому изучению инженерной части в России...». Городни и тарасы в Сибири и на Дальнем Востоке в свете исследований Ф.Ф. Ласковского
	АРМИЯ И ОБЩЕСТВО
82	**С.Н. ТРЕТЬЯКОВА** — «На юге вы бились со славой, — и север вам честь воздает...». Встреча защитников Севастополя в Архангельске в 1856 году
90	**Е.Д. ТВЕРДЮКОВА** — «Неужели я не заслужил своей солдатской честью... мотоколяски». Обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны автотранспортными средствами в СССР
	ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ
100	**М.В. ПОПОВ, М.В. СУВОРОВ** — «Советские люди, сильные духом, должны быть физически крепкими и знать военное дело». Военные кафедры в вузах Свердловска второй половины 1930-х годов
	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
4-я стр. обл.	«Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен». 3 декабря — День Неизвестного Солдата (*Публикация Н.Л. Крыловой*)

106 — КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА
112 — ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
113 — УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ» В 2025 ГОДУ

CONTENTS

MEMORABLE DATES	
«Thunder of victory, resound!» On the 235th anniversary of the capture of the Turkish fortress of Izmail by Russian troops under the command of A.V. Suvorov (*Publication by N.L. Krylova*)	**p. 2 of the cover**
MILITARY CONSTRUCTION	
Yu.M. STAVITSKIY, V.A. BELOZYOROV, Yu.A. VOLKOV, D.O. KOPYTOV — «The personnel of the engineering troops... contributes to achieving victories on the battlefield». History and current state of the engineering troops of Russia	**4**
GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
A.A. ISTOMIN — «Complete the construction of defensive structures with a perimeter around Yaroslavl, Rybinsk, and Kostroma». Rear line of the Moscow defense zone	**20**
FIRST WORLD WAR	
A.N. PLUZHNIKOV, V.V. KANISHCHEV — «The hell of fire and death did not shake the people, and they continued to fight together». Warsaw-Ivangorod operation of 1914, as described in regimental battle journals	**32**
I.A. ZAKHARCHENKO — «Our homeland, in all fairness, can be proud of such warriors, as we are proud of them...». Amur soldiers, Knights of the St. George Cross from the First World War	**40**
LOCAL WARS AND WAR CONFLICTS IN THE 20th AND 21st CENTURIES	
L.A. RYBOCHKIN — «The Afghan experience holds special significance...». Features of training drivers and driver-mechanics for the 40th Army in Afghanistan (1979—1989)	**48**
FROM THE HISTORY OF WEAPONS AND EQUIPMENT	
A.V. GROMOV — «...They want to be sure about the might of our artillery». Russian unicorns and Shuvalov howitzers in Austria (1758—1760)	**54**
HISTORY OF MILITARY MEDICINE	
K.A. NASONOV — «The suffering of Red Army soldiers reached unimaginable levels». Medical care for Red Army soldiers and their families during the period of 1918—1941	**64**
FROM THE HISTORY OF FORTIFICATION	
S.V. GOROKHOV — «The beginning of the historical study of engineering in Russia...». Gorodnyas and Tarasas in Siberia and the Far East, in light of F.F. Laskovskiy's research	**76**
ARMY AND SOCIETY	
S.N. TRETYAKOVA — «In the South, you fought with honor, and the North honors you...». Meeting of the defenders of Sevastopol in Arkhangelsk, 1856	**82**
Ye.D. TVERDYUKOVA — «Have I not deserved, with my military service, a motorized vehicle?» Providing disabled veterans of the Great Patriotic War with cars in the USSR	**90**
MILITARY TRAINING AND EDUCATION	
M.V. POPOV, M.V. SUVOROV — "«Soviet people, strong in spirit, must be physically strong and knowledgeable in military affairs.» Military departments in Sverdlovsk universities in the second half of the 1930s	**100**
MEMORABLE DATES	
«Your name is unknown, but your heroism is immortal». December 3, Day of the Unknown Soldier *(Publication by N.L. Krylova)*	**p. 4 of the cover**

MILITARY HISTORIAN'S BOOKSHELF — 106
MEMORABLE DATES — 112
INDEX OF ARTICLES
PUBLISHED IN THE MILITARY-HISTORICAL JOURNAL FOR 2025 — 113

Ю.М. Ставицкий,
В.А. Белозёров,
Ю.А. Волков,
Д.О. Копытов

«ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК... СПОСОБСТВУЕТ ДОСТИЖЕНИЮ ПОБЕД НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ»

История и современное состояние инженерных войск России

Сведения об авторах. *Ставицкий Юрий Михайлович — начальник инженерных войск ВС РФ, генерал-лейтенант (Москва. E-mail: stavitsky-yum@mail.ru);*

Белозёров Василий Александрович — ведущий инженер Военно-научного комитета инженерных войск ВС РФ (Москва. E-mail: belozerov-va@yandex.ru);

Волков Юрий Аркадьевич — доцент учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (национального исследовательского университета), кандидат исторических наук, доцент (г. Долгопрудный. E-mail: yuriyvolkov2271@rambler.ru);

Копытов Дмитрий Олегович — директор Учебно-методического центра по оценке защищённости сферы деятельности Минобрнауки России МГТУ им. Н.Э. Баумана; старший преподаватель Академии гражданской защиты МЧС России (г. Химки); научный сотрудник Военно-инженерной академии (Московская обл., г.о. Красногорск, р.п. Нахабино) (Москва. E-mail: dokopytov@mail.ru).

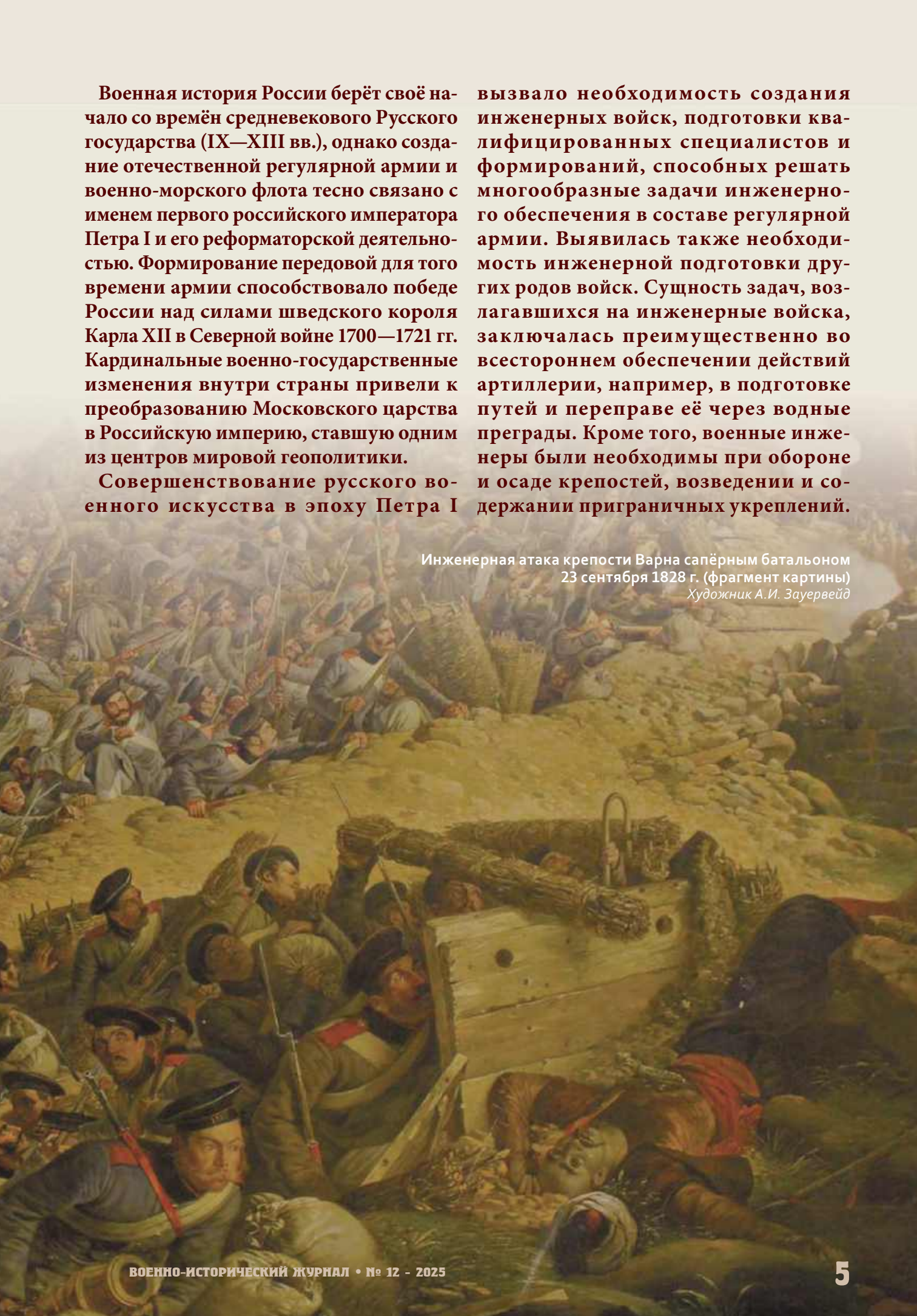
Аннотация. *В статье рассмотрена история инженерных войск России, созданных Петром I одновременно с формированием регулярной российской армии и военно-морского флота. С тех пор инженерные войска, являясь специальными войсками в составе отечественных Вооружённых сил, прошли славный боевой путь, достойно проявив себя в многочисленных войнах и вооружённых конфликтах, и остаются чрезвычайно востребованными в настоящее время. Ещё более древняя, ведущая начало из глубины веков, — история отечественного военно-инженерного искусства. В статье освещаются основные события военной истории России; опыт боевого применения инженерных войск; реформы и преобразования, которым они подвергались за 325-летний период существования; роль выдающихся военных инженеров в укреплении военной мощи России. Авторский коллектив пришёл к выводу, что совокупность знаний об отечественных инженерных войсках сохраняет актуальность и сегодня. Материалы статьи могут найти применение в военно-исторических исследованиях, практике обучения и воспитания слушателей воссозданной Военно-инженерной академии, курсантов Тюменского и Нижегородского гвардейского высших военно-инженерных командных училищ, специалистов инженерных войск, в военно-патриотическом воспитании молодёжи.*

Ключевые слова: *инженерные войска; военно-инженерное искусство; средства инженерного вооружения; военно-инженерная подготовка территории страны; оборонительные рубежи; инженерные боеприпасы; разминирование; органы управления инженерными войсками; военно-инженерное образование; научно-техническая революция в военном деле; контртеррористическая операция; Специальная военная операция.*

Военная история России берёт своё начало со времён средневекового Русского государства (IX—XIII вв.), однако создание отечественной регулярной армии и военно-морского флота тесно связано с именем первого российского императора Петра I и его реформаторской деятельностью. Формирование передовой для того времени армии способствовало победе России над силами шведского короля Карла XII в Северной войне 1700—1721 гг. Кардинальные военно-государственные изменения внутри страны привели к преобразованию Московского царства в Российскую империю, ставшую одним из центров мировой геополитики.

Совершенствование русского военного искусства в эпоху Петра I вызвало необходимость создания инженерных войск, подготовки квалифицированных специалистов и формирований, способных решать многообразные задачи инженерного обеспечения в составе регулярной армии. Выявилась также необходимость инженерной подготовки других родов войск. Сущность задач, возлагавшихся на инженерные войска, заключалась преимущественно во всестороннем обеспечении действий артиллерии, например, в подготовке путей и переправе её через водные преграды. Кроме того, военные инженеры были необходимы при обороне и осаде крепостей, возведении и содержании приграничных укреплений.

Инженерная атака крепости Варна сапёрным батальоном 23 сентября 1828 г. (фрагмент картины)
Художник А.И. Зауервейд

П.К. Сухтелен

К.И. Опперман

Великий князь Николай Павлович

Великий князь Михаил Павлович

Законодательное оформление инженерных войск началось с учреждения по указу Петра I специальной артиллерийской школы, воспитанники которой получали инженерные знания[1]. Располагалась школа в Москве, на Пушкарском дворе. Произошло данное знаменательное событие 21 января (10 января по старому стилю) 1701 года. Непосредственная связь с Пушкарским двором выразилась в том, что первые инженерные формирования включались в штат артиллерии — в указе Петра I прямо отмечалось: «...инженерам быть при артиллерии»[2].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1370 от 18 сентября 1996 года день 21 января считается Днём инженерных войск, а согласно Указу № 549 от 31 мая 2006 года он включён в список памятных дней Вооружённых сил Российской Федерации.

Первые штаты инженерных подразделений законодательно также были оформлены при Петре I. По указу от 19 февраля (8 февраля) 1712 года в штате артиллерийского полка были сформированы минёрная рота (75 человек), понтонная команда (35 человек) и инженерная команда (инженерные чины — 37 человек). Численность военных ин-

И.И. Ден

Великий князь Николай Николаевич Старший

Д.С. Заботкин

А.П. Кобелев

женеров при артиллерийском полку составляла 14 проц. его общего состава[3]. Одновременно с утверждением штата был установлен первый Табель шанцевого инструмента. Петровская лопата-заступ, изготавливавшаяся простой ковкой железа, просуществовала в войсках до 1833 года[4]. Организационно инженерные формирования до 1802 года входили в состав артиллерии. В первой четверти XVIII века и в последующем они составляли около 3 проц. от численности сухопутных войск[5]. Основная часть инженерных чинов находилась в ведении Артиллерийского приказа, а с 1718 года — Военной коллегии.

Впервые обязанности начальника инженерных войск были изложены в Уставе воинском, утверждённом Петром I 10 апреля (30 марта) 1716 года. С 1722 года при каждом артиллерийском полку имелся инженерный офицер в обер-офицерском звании, руководивший инженерными работами и обучавший офицеров инженерству, т.е. с этого времени в русской армии зародилась система полковых инженеров, существующая и в настоящее время. В конце Петровской эпохи инженерные войска представляли собой инженерный полк, минёрную роту, военных инженеров и кондукторов в крепостях, инспекторов из инженеров в губерниях[6].

Начиная с крупнейшего сражения Северной войны — Полтавской битвы (1709 г.), в сражениях Семилетней войны 1756—1763 гг., в ходе осады турецких крепостей в русско-турецких войнах второй половины XVIII века победам русского оружия во многом способствовали грамотные

Штурм крепости Нотебург 11 октября 1702 года
Художник А. Коцебу, 1846 г.

решения отечественных полководцев, эффективно использовавших знания и опыт военных инженеров и возможности инженерных формирований при планировании и в ходе сражений.

Выдающиеся русские военачальники Б.Х. Миних (дослужившийся до фельдмаршала, но приглашённый на русскую службу в качестве военного инженера), П.С. Салтыков, П.А. Румянцев, А.В. Суворов и другие внесли весомый вклад в развитие отечественного военно-инженерного искусства.

В конце XVIII века в русской армии появляются полевые инженерные войска, основателем которых считается император Павел I. По его указу в 1797 году создаётся первый пионерный (инженерный) полк. А при следующем императоре, Александре I, по указу от 4 ноября (22 октября) 1802 года учреждается Инженерная экспедиция — самостоятельный, независимый от артиллерии орган управления инженерными силами и средствами в составе Министерства сухо-

Таблица

Начальствующий состав инженерных войск России с 1802 года по настоящее время

Годы управления инженерными войсками	Наименование органа управления инженерными войсками	Должность	Звание, ФИО	Годы жизни
1802—1810	Инженерная экспедиция	Инспектор	Инженер-генерал Пётр Корнилович Сухтелен	1751—1836
1810—1812	Инженерный департамент			
1812—1818		Инспектор	Инженер-генерал Карл Иванович Опперман	1765—1831
1818—1825		Генерал-инспектор по инженерной части	Великий князь Николай Павлович	1796—1855
1825—1849		Генерал-инспектор по инженерной части	Великий князь Михаил Павлович	1798—1849
1849—1856		Инспектор по инженерной части	Инженер-генерал Иван Иванович Ден	1786—1859
1856—1862		Генерал-инспектор по инженерной части	Великий князь Николай Николаевич Старший	1831—1891
1862—1891	Главное инженерное управление			
1891—1894		Главный начальник инженеров	Генерал-лейтенант Дмитрий Степанович Заботкин	1837—1894
1895—1897		Главный начальник инженеров	Генерал-лейтенант Александр Павлович Кобелев	1838—1897
1897—1904		Главный начальник инженеров	Генерал-лейтенант Александр Петрович Вернандер	1844—1918
1904—1909		Генерал-инспектор по инженерной части	Великий князь Пётр Николаевич	1864—1931
1909—1912		Генерал-инспектор по инженерной части	Инженер-генерал Александр Петрович Вернандер	1844—1918
1912—1913		Генерал-инспектор по инженерной части	Инженер-генерал Николай Фомич Александров	1851—1915
1913—1915	Главное военно-техническое управление			
1915—1917		Начальник главного управления	Генерал-лейтенант Гавриил Георгиевич Милеант	1864—1936
1917—1918		Полевой инспектор инженерной части при Ставке ВГК	Инженер-генерал Константин Иванович Величко	1856—1927
1918	Штаб Высшего военного совета	Инспектор инженеров Штаба Высшего военного совета	Военный инженер Василий Васильевич Малков-Панин	1859—1948
1918—1921	Штаб Революционного Военного Совета Республики (РВСР)	Инспектор инженеров Штаба РВСР	Военный инженер Александр Петрович Шошин	1861—1924
1921—1924	Главное военно-инженерное управление РККА	Начальник и военный комиссар управления	Военный инженер Исаак Ефимович Коросташевский	1892—1938

1924—1930	Военно-инженерная инспекция РККА	Инспектор инженеров РККА	Комбриг Арсений Дмитриевич Малевский	1891—1938
1930—1931		Инспектор инженеров РККА	Комдив Николай Николаевич Петин	1876—1937
1931—1932	Военно-инженерное управление РККА	Начальник инженеров РККА		
1932—1934	Управление начальника инженеров РККА			
1934—1937	Инженерное управление РККА	Начальник инженеров РККА и управления	Комкор Николай Николаевич Петин	
1937—1939		Начальник инженеров РККА и управления	Комдив Иван Прокофьевич Михайлин	1892—1941
1939—1940		Начальник инженеров РККА и управления	Генерал-майор инженерных войск Иван Андреевич Петров	1898—1954
1940—1941	Главное военно-инженерное управление Красной Армии	Начальник Главного управления	Генерал-майор инженерных войск Аркадий Фёдорович Хренов	1900—1987
1941—1942	Управление начальника инженерных войск Красной Армии	Начальник инженерных войск Красной армии	Генерал-майор инженерных войск Леонтий Захарович Котляр	1901—1953
1942—1946		Начальник инженерных войск Красной армии	Маршал инженерных войск Михаил Петрович Воробьёв	1896—1957
1946—1948	Управление начальника инженерных войск Сухопутных войск	Начальник инженерных войск Сухопутных войск		
1948—1952	Управление начальника инженерных войск Советской армии	Начальник инженерных войск Советской армии		
1952—1960		Начальник инженерных войск Советской армии	Маршал инженерных войск Алексей Иванович Прошляков	1901—1973
1960—1965	Управление начальника инженерных войск Министерства обороны СССР	Начальник инженерных войск Министерства обороны СССР		
1965—1975		Начальник инженерных войск Министерства обороны СССР	Маршал инженерных войск Виктор Кондратьевич Харченко	1911—1975
1975—1987		Начальник инженерных войск Министерства обороны СССР	Маршал инженерных войск Сергей Христофорович Аганов	1917—1996
1987—1991		Начальник инженерных войск Министерства обороны СССР	Генерал-полковник Владимир Павлович Кузнецов	1938—2012
1992—1999	Управление начальника инженерных войск Министерства обороны РФ	Начальник инженерных войск Министерства обороны РФ		
1999—2003		Начальник инженерных войск Министерства обороны РФ	Генерал-полковник Николай Иванович Сердцев	1948—2021
2003—2008	Управление начальника инженерных войск Вооружённых сил РФ	Начальник инженерных войск Вооружённых сил РФ		
2008—2010		Начальник инженерных войск Вооружённых сил РФ	Генерал-лейтенант Юрий Петрович Балховитин	1958
с 2010		Начальник инженерных войск Вооружённых сил РФ	Генерал-лейтенант Юрий Михайлович Ставицкий	1961

Составлена по: Белозёров В.А. Немного об истории и начальствующем составе инженерного управления. М.: Press-Book, 2022. С. 62, 64, 65, 176 (вклейка); Инженерные войска России: исторический очерк / Под ред. Н.И. Сердцева. М.: ВИУ, 2001. С. 136, 137, 324—326; История инженерных войск России. Т. 1. М.: Красная Звезда, 2015. С. 311—314, 357—359, 418—423.

А.П. Вернандер

Великий князь Пётр Николаевич

Н.Ф. Александров

Г.Г. Милеант

путных войск, предназначенный для «содержания в добром порядке всех российских крепостей и укреплений». Экспедиции подчинялись все инженерные формирования за исключением понтонёров, входивших до 1822 года в состав артиллерии.

В 1810 году экспедиция преобразуется в Инженерный департамент, его первым инспектором (начальником инженерных войск) назначается инженер-генерал и генерал-квартирмейстер П.К. Сухтелен[7]. Под его руководством вырабатываются новые принципы применения инженерных войск, совершенствуется их организационно-штатная структура — в полках создаются однотипные батальоны в составе минёрной и трёх пионерных рот каждый.

Русские инженерные войска внесли значительный вклад в победу над европейской армией Наполеона Бонапарта во время Отечественной войны 1812 года: в ходе сражений и походов военные инженеры выполняли фортификационные, дорожные, мостовые, переправочные работы, устраивали заграждения на дорогах и перед позициями войск. Возрастание объёмов инженерных задач потребовало увеличения численности инженерных войск — вместо двух пионерных полков были развёрнуты сапёрный, два пионерных полка и гвардейский сапёрный батальон.

Опыт Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. привёл к отказу от полкового звена управления, увеличению количества отдельных батальонов (2 сапёрных и 7 пионерных) — по одному на каждый армейский корпус. В 1819 году батальоны были сведены в три бригады: по одной на полевую армию,

Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 года
Художник Н.Д. Дмитриев-Оренбургский, 1883 г.

К.И. Величко

В.В. Малков-Панин

А.П. Шошин

И.Е. Коросташевский

кроме гвардейского сапёрного батальона, входившего в состав гвардейского корпуса в Санкт-Петербурге, и пионерного батальона в составе отдельного Кавказского корпуса.

В 1822 году в инженерные войска из артиллерии были переданы понтонные роты, что позволило обеспечивать переправами все рода войск.

С целью совершенствования подготовки военных инженеров в условиях усложнения инженерных задач по обеспечению боевых действий массовых армий в 1816 году учреждается Главное училище инженеров, на базе которого 6 декабря (24 ноября) 1819 года решением императора Александра I создаётся Главное инженерное училище (ГИУ) под руководством героя Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенанта Е.К. Сиверса. Эта дата считается днём основания училища, в настоящее время — Военно-инженерной ордена Кутузова академии имени Героя Советского Союза генерал-лейтенанта инженерных войск Д.М. Карбышева, воссозданной в 2023 году[8].

В ходе Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. инженерные войска обеспечили успешный штурм крепостей Браилов, Ахалцих, Варна, которой удалось овладеть только после подрыва одного из её бастионов в результате подведения сапёрами минной галереи.

Во второй половине XIX века инженерные войска являлись участниками всех войн и военных кампаний Российской империи и подтвердили свою высокую боевую эффективность. В годы Крымской войны 1853—1856 гг. во время героической обороны главной базы Черноморского флота Севастополя (1854—1855 гг.) военными инженерами в ответ на массовое использование

А.Д. Малевский

Н.Н. Петин

И.П. Михайлин

И.А. Петров

противником нарезного оружия были предложены применение полевых позиций на основе стрелковых окопов (ложементов), соединённых между собой участками траншей, и устройство заграждений перед ними в виде пороховых фугасов. Организатором инженерной обороны Севастополя по праву считается военный инженер Э.И. Тотлебен. В обороне Севастополя непосредственное участие принимали 2, 3, 4, 6-й сапёрные батальоны, которые одновременно с ведением подземно-минной борьбы и наращиванием системы укреплений вместе с пехотой и артиллерией отбивали вражеские штурмы.

Штандарт начальника инженерных войск ВС РФ

В разгар Крымской войны офицерские классы ГИУ преобразуются в Николаевскую инженерную академию, вошедшую в состав объединённой Императорской военной академии, а кондукторские классы — в Николаевское инженерное училище. В 1867 году Николаевская инженерная академия переходит в ведение Главного инженерного управления[9]. Это решение в полной мере способствовало развитию как инженерных войск, так и военно-инженерного образования, что подтверждается и современной практикой — в настоящее время Военно-инженерная академия находится в ведении Управления начальника инженерных войск Вооружённых сил Российской Федерации.

В ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. инженерные войска впервые в практике ведения боевых действий применили самоокапывание при штурме крепости Плевна, обеспечили переправу русских войск через Дунай в районе Зимницы, способствовали успешному штурму турецких крепостей, устойчивости оборонительных позиций русских войск на горных перевалах, а также их преодолению в зимних условиях. Этот опыт подтвердил необходимость совершенствования полевой подготовки инженерных сил, проведения совместных занятий с пехотой, кавалерией и артиллерией, разработки новых форм боевого применения.

К началу Русско-японской войны 1904—1905 гг. инженерные войска включали в себя действующие, резервные полевые и крепостные части и подразделения. Полевые инженерные войска, в состав которых входили сапёрные, понтонные, военно-телеграфные подразделения и инженерные парки, предназначались для подготовки путей и переправ, оборудования оборонительных позиций, устройства заграждений перед ними и в глубине обороны, организации связи. На крепостные инженерные войска в составе сапёрных, минных, военно-телеграфных и воздухоплавательных подразделений возлагались задачи по обороне крепостей, обеспечению связи, разведке, корректировке огня артиллерии с помощью привязных аэростатов.

Инженерные войска под руководством генерал-лейтенанта Р.И. Кондратенко (до его гибели) успешно отразили четыре японских штурма крепости Порт-Артур. Отечественный фортификатор К.И. Величко руководил созданием передовой для своего времени системы обороны в районе городов Ляоян, Мукден, реки Шахе, на Сыпингайских позициях, основу которой

А.Ф. Хренов

Л.З. Котляр

М.П. Воробьёв

А.И. Прошляков

составляла система траншей, прикрытых невзрывными и взрывными заграждениями[10].

После окончания Русско-японской войны в ходе реформ 1905—1912 гг. в военных округах вводится должность инспектора полевых инженерных войск, с 1912 года — инспектора инженерной части округа со своим управлением, при этом в качестве высшей инстанции в инженерных войсках учреждается должность генерал-инспектора по инженерной части с управлением при нём.

К началу Первой мировой войны 1914—1918 гг. в России в полевых инженерных войсках имелись 39 отдельных сапёрных, 9 понтонных, 3 воздухоплавательных батальона, отдельная сапёрная рота, 5 отдельных телеграфных рот, 4 осадных инженерных парка, что не превышало 2,3 проц. общей численности вооружённых сил. С объявлением мобилизации планировалось дополнительно сформировать 6 понтонных батальонов, 41 отдельную сапёрную и 5 радиотелеграфных рот[11].

В годы Первой мировой войны под руководством военных инженеров силами инженерных формирований был выполнен значительный объём инженерных задач. В манёвренный период войны основные усилия были сосредоточены на обеспечении встречных сражений и закреплении захваченных рубежей: инженерные подразделения строили мосты, оборудовали переправы, привлекались к штурму крепостей. На протяжении позиционного, наибольшего по длительности периода войны основным содержанием деятельности инженерных войск стали совершенствование фортификационного оборудования позиций и устройство заграждений.

Важнейшей задачей, решённой инженерными войсками в годы Первой мировой войны, было успешное обеспечение прорыва позиционной обороны противника в ходе наступательной операции Юго-Западного фронта в 1916 году, получившей наименование «Брусиловский прорыв». При его подготовке для скрытия сосредоточения войск были оборудованы инженерно-штурмовые плацдармы на основе системы параллельных траншей, соединённых ходами сообщения, включавшие замаскированные артиллерийские позиции, укрытия для пехоты, командные и наблюдательные пункты. Плацдармы соединялись между собой и со складами боеприпасов сетью «позиционных» дорог. Эти мероприятия, а также инженерная разведка перед началом наступления, проделывание проходов в заграждениях своих и противника, оборудование путей, наведение переправ, закрепление захваченных рубежей способствовали прорыву глубокоэшелонированной обороны австро-венгерских войск и выходу наших

Флаг инженерных войск ВС РФ

В.К. Харченко

С.Х. Аганов

В.П. Кузнецов

Н.И. Сердцев

наступавших войск на оперативный простор.

Итогом Первой мировой войны относительно инженерных войск стало усиление их войскового звена для повышения самостоятельности соединений в инженерном плане, создание большого количества военно-строительных и дорожных формирований, выделение из состава инженерных войск железнодорожных, воздухоплавательных, авиационных, автомобильных, связных формирований, получивших в дальнейшем самостоятельное развитие как видов и родов войск.

С победой советской власти на территории бывшей Российской империи начался новый этап в развитии отечественных, уже советских, инженерных войск на основе лучших боевых традиций русских военных инженеров. В годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции 1917—1922 гг. советские инженерные формирования в ходе оборонительных действий выполняли преимущественно фортификационные, дорожно-мостовые, подрывные задачи, требовавшие специальных знаний и навыков. При подготовке и в ходе наступления на них возлагались: оборудование исходного рубежа ударной группировки, обеспечение преодоления заграждений, прорыва укреплённых позиций, форсирование водных преград, оборудование и содержание путей. Опыт развития инженерных войск в тот период стал прочным фундаментом для их совершенствования в предвоенные годы.

Развитию советских инженерных войск в межвоенный период уделялось значительное внимание. Организационная структура инженерных формирований войскового звена развивалась в направлении увеличения в их составе технических подразделений, оснащённых новыми средствами инженерного вооружения (СИВ). Для их разработки 6 октября 1919 года был создан Военно-инженерный полигон, в последующем преобразованный в Научно-исследовательский институт инженерной техники РККА. Наибольший вклад в решение проблем технического оснащения и боевого применения инженерных войск в межвоенный период внесли такие известные учёные и военные инженеры, как Ф.И. Голенкин, Н.Н. Кохановв, С.А. Хмельков, Д.М. Карбышев[12]. Под руководством Г.П. Чистякова и Д.М. Карбышева 26 апреля 1930 года была разработана и внедрена в войска первая «Система инженерного вооружения РККА», включавшая 109 образцов[13].

Тем не менее техническая оснащённость и порядок принятия новых СИВ оставались слабым местом инженерных войск Красной армии. Большинство видов инженерной техники в силу ограниченности возможностей промышленности имели народнохозяйственное происхождение. По основным СИВ потребности войск накануне войны были удовлетворены на 18—53 проц.[14] Увеличение количества специального инженерного вооружения (сапёрные танки СТ-26, минные заградители СТ-27, окопокопатели, лесопильные рамы, копры, электростанции) в планах заказа началось лишь в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.)[15].

В 1940 году вместо Инженерного управления в качестве центрального руководящего органа было создано Главное военно-инженерное управление (ГВИУ). Его начальник являлся и начальником инженерных войск Красной армии. С расформированием Управления военно-технического снабжения ГВИУ в 1940 году были переданы функции снабжения, что в дальнейшем себя оправдало и сохранилось до настоящего времени[16]. В межвоенные годы инженерные войска возглавляли: военный инженер И.Е. Коросташевский, комбриг А.Д. Малевский, комкор Н.Н. Петин, комдив И.П. Михайлин, генерал-майоры инженерных войск И.А. Петров, А.Ф. Хренов, Л.З. Котляр.

Неувядаемой славой покрыли себя инженерные войска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В это время командованию Красной армии и руководству инженерных войск пришлось решать целый ряд сложных проблем. В 1941 году по решению Верховного Главнокомандования были сформированы 10 сапёрных армий, 8 из них участвовали в подготовке стратегических оборонительных рубежей. В целях эффективного использования инженерной техники на их базе в июне 1942 года были сформированы 9 отдельных парков инженерных машин Резерва Главного командования из расчёта по одному на фронт численностью 531 человек[17].

На протяжении всей войны непрерывно совершенствовалась организационно-штатная структура инженерных войск. Огромное значение имело создание в составе общевойсковых и танковых объединений штатных инженерно-сапёрных бригад и создание инженерных формирований РВГК[18]. Увеличение количества бригад и их введение в состав армий положили начало созданию комплектов инженерных войск оперативного уровня. Опыт войны подтвердил также необходимость обеспечения мобильности органов управления инженерными войсками, т.е. предоставления в нужном количестве транспортных средств, оснащения их устойчивыми и надёжными средствами связи.

Проблема повышения технической оснащённости инженерных войск решалась в годы войны путём массового производства основных СИВ со значительным упрощением их конструкций, заменой материалов на более распространённые, налаживанием их производства на неспециализированных предприятиях и даже в войсках.

Такой подход представляется актуальным и сейчас, во время проведения Специальной военной операции на Украине.

Ю.П. Балховитин

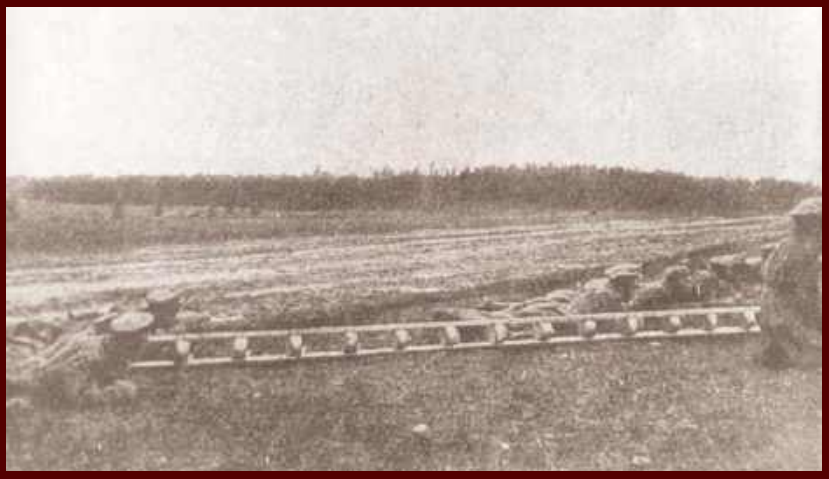
Великая Отечественная война стала важнейшей вехой в развитии инженерного обеспечения боевых действий и боевого применения инженерных войск: значительно расширился комплекс инженерных мероприятий, увеличился объём инженерных задач в обороне, сократились сроки и усложнились способы их выполнения. Новым в применении инженерных частей стало их использование непосредственно в наступлении для повышения эффективности штурмовых действий по овладению сложными участками местности, городами-крепостями, а также укреплёнными позициями с долговременными сооружениями. Недаром Маршал Советского Союза Г.К. Жуков назвал участие инженерных войск в Белорусской стратегической наступательной операции 1944 года «инженерной операцией»[19].

К завершающему этапу войны сложились основные принципы боевого применения инженерных войск, актуальные и в наше время: использование по прямому предназначению; массирование на главных направлениях; сосредоточение усилий на выполнении задач, определявших успех боя и операции; тесное взаимодействие с другими родами войск.

В послевоенные годы развитие инженерных войск после кратковременного сокращения в 1945—1949 гг. характеризовалось с начала 1950-х годов их резким увеличением, вызванным развёртыванием Объединённых вооружённых сил блока НАТО, качественным ростом технической оснащённости Советской армии, внедрением в войска ядерного и высокоточного оружия. Это привело к возрастанию объёмов задач инженерного обеспечения. В данных условиях было принято решение о включении в инженерные формирования войскового, оперативного звена и РВГК технических подразделений, способных значительно механизировать выполнение инженерных задач в боевых условиях.

Под руководством начальников инженерных войск маршалов инженерных войск М.П. Воробьёва, А.И. Прошлякова, В.К. Харченко, С.Х. Аганова, генерал-полковника В.П. Кузнецова были разработаны эффективные образцы инженерного вооружения. Войска получили семейство инженерных гусеничных машин большой мощности на базе тяжёлого артиллерийского тягача АТ-Т: путепрокладчики БАТ, траншейные и котлованные машины БТМ и МДК, а также машины на танковой и специальной гусеничной базе — ГМЗ, ИМР, ИРМ. На вооружение поступили инженерные боеприпасы и миноискатели, понтонные парки и переправочные средства, комплекты фортификационных сооружений и маскировочных средств[20].

К концу 1960-х годов сложилась система военно-инженерного образования, включавшая Военно-инженерную академию, три военно-инженерных училища (Калининградское,

Сапёры подтаскивают удлинённый заряд для подрыва проволочного заграждения противника
Юго-Западный фронт, июнь 1916 г.

Советские сапёры устанавливают мины ТМ-42 перед передним краем обороны
Курская дуга, Центральный фронт, 1943 год

Разведка маршрута в Пандшерском ущелье
1980-е гг.

Каменец-Подольское, Тюменское), Военно-политическое училище инженерных войск и войск связи (Донецкое). Подготовка младших специалистов инженерных войск в то время проводилась в школах, расположенных в г. Волжский, г. Тапа Эстонской ССР и в Группе советских войск в Германии[21]. Центром научно-технический мысли инженерных войск являлся 15 ЦНИИИ имени Д.М. Карбышева.

В 1980-х годах организационно-штатная структура инженерных войск была унифицирована с целью повышения возможностей соединений в инженерном отношении как в оборонительных, так и в наступательных действиях. Кроме того, непрерывно возрастало количество инженерно-технических частей и подразделений, что существенно повышало возможности инженерных войск по выполнению задач инженерного обеспечения в новых условиях вооружённой борьбы. К отличительным чертам технического оснащения инженерных войск в те годы по праву можно отнести: возможность полной механизации выполнения всех задач инженерного обеспечения; массовый выпуск СИВ советской промышленностью; создание крупных запасов СИВ и инженерных боеприпасов; хорошее владение СИВ военнослужащими инженерных и других родов войск.

Не только боевой учёбой, совершенствованием органов управления, СИВ, инженерных боеприпасов, подготовкой офицеров и младших специалистов занимались руководители, учёные, преподаватели, военнослужащие и служащие инженерных войск в послевоенные годы. Они участвовали в сплошном разминировании территории СССР, восстанавливали и строили дороги, мосты, гидротехнические сооружения, предприятия как на территории Советского Союза, так и в освобождённых государствах

Восточной Европы, в качестве военных советников и специалистов выполняли интернациональный долг в Алжире, Анголе, Сирии, Египте, Ливии, Йемене, Вьетнаме, Лаосе и многих других дружественных государствах, участвовали в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, землетрясения в Армении, ликвидации последствий других чрезвычайных ситуаций.

Подводя итог деятельности советских инженерных войск в послевоенные годы, можно утверждать, что они к декабрю 1991 года находились в состоянии высокой боевой готовности и были способны выполнить все возлагавшиеся на них задачи.

Новый период в истории отечественных, уже российских, инженерных войск начался с конца 1991 года. В тяжелейших условиях конца XX — начала XXI века они в целом сохранили свой облик и номенклатуру СИВ, которая к тому времени достигала 1900 наименований, включая инженерную технику, инженерные боеприпасы и имущество.

Строительство инженерных войск Вооружённых сил Российской Федерации велось в условиях выполнения ими разнообразных и сложных боевых задач. В их числе — операция по восстановлению конституционного порядка в Северо-Кавказском регионе 1994—1996 гг., миротворческие миссии (вооружённый конфликт в Приднестровье 1992 г., грузино-абхазский конфликт 1992—2008 гг.), участие в ликвидации последствий техногенных аварий и природных катастроф, а также разминировании местности, защите мостов и гидротехнических сооружений во время ледохода, оказание помощи населению при наводнениях.

С 1999 года инженерные войска возглавляли генерал-полковник Н.И. Сердцев и генерал-лейтенант Ю.П. Балховитин. В тот период продолжалось выполнение задач в соответствии с предназначением инженерных войск. При этом неоднократно изменялись структура подготовки военно-инженерных кадров, система инженерно-технического обеспечения. В результате проведённых организационных мероприятий состав и численность инженерных войск были значительно сокращены.

Ю.М. Ставицкий

Серьёзным испытанием для инженерных войск явилось обеспечение боевых действий во время контртеррористической операции на Северном Кавказе 1999—2000 гг., в ходе которой был решён весь комплекс задач инженерного обеспечения, способствовавший разгрому террористических группировок.

Определённый опыт был получен при обеспечении боевых действий войск во время вооружённого конфликта в Абхазии и Южной Осетии в августе 2008 года. Входившие в состав российских полковых тактических групп инженерные подразделения выполняли задачи по инженерному обеспечению и сопровождению колонн. А в завершающей стадии конфликта, когда отступление грузинских войск переходило в стихийное бегство, сапёрам приходилось обезвреживать неразорвавшиеся боеприпасы или осматривать арсеналы снарядов и миномётных мин, в целости и сохранности попадавших в руки российских военных[22].

Начиная с 2010 года были значительно увеличены состав и численность инженерных войск, основу которых составили инженерные бригады и полки; восстановлена система подготовки военно-инженерных кадров. В настоящее время подготовка военных инженеров осуществляется в Военно-инженерной академии, Тюменском и Нижегородском гвардейском высших военно-инженерных командных училищах и четырёх инженерных учебных центрах, в т.ч. в 66-м межведомственном методическом учебном центре и Международном противоминном центре, в составе которого имеется отряд разминирования. Специалистами отряда был выполнен ряд уникальных задач. В 2016—2018 гг. были проведены четыре операции по гуманитарному разминированию в Сирийской Арабской Республике: от взрывоопасных предметов были очищены города Пальмира (Тадмор), Халеб (Алеппо) и Дейр-эз-Зор. Начиная с 2018 года по настоящее время продолжается операция по гуманитарному разминированию в Лаосской Народно-Демократической Республике.

В декабре 2018 года по поручению Президента Российской Федерации инженерные войска приняли участие в ликвидации схода горной породы обрушившейся сопки объёмом 4 млн кубометров, который разделил Бурейское водохранилище на две части и грозил затоплением населённых пунктов и коммуникаций. В кратчайшие сроки при экстремально низких температурах сапёры, работая в ледяной воде, взрывным способом обеспечили к 1 февраля 2019 года работу Бурейской

ГЭС и безопасный режим в период весеннего паводка. Был получен большой экономический эффект. Более 80 военнослужащих инженерных войск были удостоены специально учреждённой медали «Участнику ликвидации последствий чрезвычайной ситуации на реке Бурея»[23].

Необходимо отметить, что инженерные войска одни из немногих в Вооружённых силах Российской Федерации имеют две специальные награды — медали «За разминирование» и «За усердие при выполнении задач инженерного обеспечения», которыми военнослужащие награждаются за успешное выполнение поставленных перед ними задач.

В условиях Специальной военной операции инженерные войска решают сложные задачи инженерного обеспечения боевых действий как в тактическом, так и в оперативном звене, непрерывно совершенствуя способы их выполнения. Воинам приходится находить ответы на внезапно возникающие вопросы в ходе оборудования позиций и пунктов управления, при минировании и разминировании местности, преодолении водных преград и других естественных препятствий. С большой эффективностью применяются инженерная техника и инженерные боеприпасы. Налажена взаимозаменяемость в экипажах машин и боевых расчётах. Указами Президента Российской Федерации 28-й понтонно-мостовой бригаде, 30, 31, 32, 39, 40-му инженерно-сапёрным, 89, 91-му сапёрным полкам присвоены почётные наименования «гвардейские». Приказом Министра обороны РФ № 548 от 28 августа 2025 года Нижегородское высшее военно-инженерное командное училище переименовано в Нижегородское гвардейское высшее военно-инженерное командное Ковельское Краснознамённое училище.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении боевых задач, тысячи военнослужащих инженерных войск награждены государственными наградами. Девять воинов-инженеров удостоены высокого звания Героя Российской Федерации.

В текущем, 2025 году министр обороны Российской Федерации А.Р. Белоусов, поздравляя военнослужащих и ветеранов инженерных войск, отметил их серьёзный вклад в укрепление обороноспособности страны на протяжении многих десятилетий. «Более трёх столетий личный состав инженерных войск с честью выполняет свой воинский долг, вносит весомый вклад в укрепление обороноспособности страны, способствует достижению побед на полях сражений», — говорится в поздравлении.

«Эффективная работа военных инженеров — во многом заслуга преподавателей военных вузов и учебных центров, которые готовят высококлассных специалистов. Также это результат усилий учёных, конструкторов и сотрудников предприятий оборонно-промышленного комплекса, создающих качественно новые, надёжные, универсальные средства инженерного вооружения»[24], — подчеркнул министр обороны.

А.Р. Белоусов выразил уверенность, что военнослужащие инженерных войск и впредь будут успешно справляться со своими задачами и обеспечивать защиту национальных интересов страны.

Проанализированный в статье исторический опыт развития и боевого применения инженерных войск Российской империи, СССР, Российской Федерации свидетельствует о том, что они всегда успешно решали задачи по защите Отечества, нередко выступая в качестве не

Дистанционное минирование

только обеспечивающего, но и боевого рода войск, хотя к такой категории (роду войск) они так и не были отнесены. Инженерные войска по-прежнему относятся к специальным войскам... Но героические традиции, заложенные прошлыми поколениями, продолжаются, что подтверждает краткий анализ боевой деятельности военных инженеров в последние десятилетия. Не вызывает сомнений, что инженерные войска и впредь будут делать всё, чтобы соответствовать требованиям научно-технического прогресса и Военной доктрины Российской Федерации, успешно действовать в меняющихся военно-политических условиях.

Примечания

[1] *Письменский А.Г.* История военно-инженерного образования сухопутных войск России: монография. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 29.

[2] Петр I (имп.; 1672—1725). Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. 1. 1688—1701. СПб.: Гос. типография, 1887. С. 449.

[3] *Бирюков П.И., Прийменко П.П.* Инженерные войска. М.: Воениздат, 1982. С. 28.

[4] *Юшкова Л.А.* Из истории шанцевого инструмента // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18—20 мая 2016 г. Ч. 5. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 431.

[5] История инженерных войск России. Т. 1. М.: Красная Звезда, 2015. С. 75.

[6] Инженерные войска / Под. ред. П.И. Бирюкова. М.: Воениздат, 1982. С. 29.

[7] *Ласковский Ф.Ф.* Материалы к истории инженерного искусства в России. Ч. II. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1861. С. 191.

[8] *Ставицкий Ю.М., Письменский Г.И., Волков Ю.А., Копытов Д.О.* Военно-инженерная ордена Кутузова академия имени Героя Советского Союза генерал-лейтенанта инженерных войск Д.М. Карбышева: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2024. № 4. С. 36—36. URL: https://www.noo-journal.ru/vak/2024-4-41/stavitskiy-pismenskiy-volkov-kopytov-voenno-inzhenernaya-akademiya-imeni-karbysheva.

[9] Там же.

[10] История инженерных войск России. Т. 1. С. 218—220.

[11] Там же. С. 209.

[12] *Волков Ю.А., Мельниченко Н.С., Копытов Д.О. и др.* Военно-инженерная академия: история и современность: исторический очерк / Под ред. Г.И. Письменского. М.: ВИА, 2005. С. 77, 78.

[13] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33776. Оп. 1. Д. 858. Л. 42.

[14] *Егоров Е.П., Андреев В.П., Бегунов С.Ф. и др.* Инженерные войска Советской Армии 1918—1945 / Под ред. С.Х. Аганова. М.: Воениздат, 1985. С. 35, 36.

[15] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 69. Оп. 2757. Д. 9. Л. 18—19, 166—190.

[16] РГВА. Ф. 22. Оп. 32. Д. 4003. Л. 87.

[17] ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1077. Д. 4500.

[18] *Малиновский Г.В.* Бригады инженерных войск Красной Армии 1941—1945 гг. М.: Патриот, 2005. С. 14—17.

[19] *Батов П.И.* В походах и боях. М.: Воениздат, 1974. С. 399.

[20] Военно-инженерная академия. 200 лет. Т. II. 1917—2019. М.: Буки — Веди, 2019. С. 97.

[21] *Копытов Д.О., Дутов С.Э., Волков Ю.А.* Военно-инженерное образование в России: история, современность и перспективы развития // Русская система обучения ремёслам: истоки и традиции: альманах. Т. IX. М.: МГТУ имени Н.Э. Баумана, 2023. С. 162, 163.

[22] *Шеин О.* Разгром грузинских захватчиков под Цхинвали. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 135.

[23] Герои всех исторических эпох. Биография. Подвиг. Портрет. 2021. № 1. С. 60, 61.

[24] Белоусов поздравил военных и ветеранов с Днём инженерных войск // ТАСС. 2025. 21 января. URL: tass.ru/armiya-i-opk/22928103.

Yu.M. Stavitskiy, V.A. Belozyorov, Yu.A. Volkov, D.O. Kopytov

«THE PERSONNEL OF THE ENGINEERING TROOPS... CONTRIBUTES TO ACHIEVING VICTORIES ON THE BATTLEFIELD»

History and current state of the engineering troops of Russia

Information about authors. *Yuriy Stavitskiy — chief of the Engineering Troops of the RF Armed Forces, lieutenant general (Moscow. E-mail: stavitsky-yum@mail.ru);*

Vasiliy Belozyorov — leading engineer of the Military Scientific Committee of the Engineering Troops of the RF Armed Forces (Moscow. E-mail: belozerov-va@yandex.ru);

Yuriy Volkov — assistant professor of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences of the Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Cand. Sc. (Hist.), associate professor (town of Dolgoprudniy. E-mail: yuriyvolkov2271@rambler.ru);

Dmitriy Kopytov — Director of the Educational and Methodological Center for Assessing the security of the sphere of Activity of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation Bauman Moscow State Technical University; senior lecturer at the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Khimki); researcher at the Military Engineering Academy (Moscow Region, Krasnogorsk, Nakhabino village) (Moscow. E-mail: dokopytov@mail.ru).

Summary. *The paper examines the history of the engineering troops of Russia, which were created by Peter the Great simultaneously with the regular army and navy. Since then, these special forces have gone through a glorious path of combat, having proven their worth in numerous wars and conflicts. To this day, the engineering corps remains in extreme demand. Their history is closely intertwined with even more ancient military engineering, rooted in centuries past. The paper covers the main events in the military history of Russia, including the experience of using engineering troops in combat, the reforms and transformations they underwent over their 325-year history, and the role of prominent military engineers in strengthening Russia's military power. The authors conclude that the knowledge about domestic engineering troops is still relevant today. The materials in the paper can be useful for military historical research, training and education at the Military Engineering Academy and other military schools, as well as for the military-patriotic upbringing of young people.*

Keywords: *Engineering troops; military engineering art; engineering weapons; military preparation of the country's territory; defensive lines; engineering ammunition; demining; command and control bodies; military education; scientific and technological revolution; counter-terrorism; special military operations.*

А.А. Истомин

«ЗАКОНЧИТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ С ОБВОДОМ ВОКРУГ ЯРОСЛАВЛЯ, РЫБИНСКА И КОСТРОМЫ»

Тыловой рубеж Московской зоны обороны

Сведения об авторе. *Истомин Александр Алексеевич — публицист, лауреат Всероссийского литературного конкурса имени генералиссимуса А.В. Суворова в номинации «Публицистика» (г. Ярославль. E-mail: sanches667@mail.ru).*

Аннотация. *В статье на основе документов из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Ярославской области, Центра документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области, а также публикаций из периодических печатных изданий и научных трудов рассказывается о возведении на территории Ярославской области оборонительных сооружений в течение 1941—1942 гг. Десятки тысяч местных жителей вместе с красноармейцами сапёрных армий в короткие сроки построили новый оборонительный рубеж длиной в несколько сотен километров с сотнями огневых точек. Обеспечение людей техникой, инструментами, продуктами и одеждой полностью легло на районные, городские и областные предприятия и организации. Мобилизованные строители жили в крайне тяжёлых бытовых условиях, работая по 9—10 часов ежедневно, без выходных и праздников. Впервые массовое устройство землянок для личного состава стало неотъемлемой частью строительства укрепрайона. Начиная со второй половины 1942 года многие из строителей влились в инженерные и стрелковые части действующей армии.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; строительство оборонительных сооружений; Главное управление оборонительного строительства; Главное управление оборонительных работ; Управление полевого строительства; сапёрная армия; Юго-западный рубеж; Северо-восточный рубеж; Заволжский рубеж; Ярославский обвод; Ярославль; Кострома; Рыбинск; Углич.*

Построенный в основном за три месяца, оборонительный рубеж на своём северном фасе сомкнулся с Череповецким, на западе — с Калязинским, на востоке — с Ивановским рубежами, образовав тем самым единую резервную линию обороны столицы с севера и северо-востока — Тыловой рубеж Московской зоны обороны. По земле фронт не дошёл до его западных границ 50—70 км. Готовый в любой день принять войска прикрытия, Ярославский укрепрайон простоял так до конца войны. Опыт, полученный при его возведении, используется в том числе и в наше время.

История фортификационных сооружений в России насчитывает несколько веков. Но их понастоящему массовое строительство началось незадолго до Великой Отечественной войны. 20 марта 1941 года приказом НКО № 0122 было организовано Управление оборонительного строительства Красной армии и введено положение о нём. На его укомплектование было обращено прежнее Управление оборонного строительства. Данная структура была выделена из состава Главного военно-инженерного управления и подчинена заместителю народного комиссара обороны маршалу Б.М. Шапошникову. В его ведении находились все вопросы строительства новых укреплённых районов, достройки и оборудования существовавших крупных объектов ПВО в округах, а также их эксплуатации[1].

Пик возведения оборонительных сооружений наступил после 22 августа 1941 года, когда ГКО своим постановлением № ГКО-543сс возложил строительство части оборонительных сооружений на НКВД СССР, в составе которого было организовано Главное управление оборонительных работ (ГУОБР). Одновременно военным советам Северного, Северо-Западного, Юго-Западного, Южного фронтов, Ленинградского, Орловского и Харьковского военных округов, секретарям обкомов ВКП(б) Мурманской, Ленинградской, Вологодской,

Ярославской, Орловской областей и ЦК КП(б) Украины надлежало мобилизовать для нужд оборонительных работ строительные организации наркоматов и местных организаций с личным составом, механизмами, оборудованием, автомобильным и гужевым транспортом, а также производить мобилизацию местного населения и местного гужтранспорта в количестве и сроки по заявкам начальников строительных управлений оборонительных сооружений НКВД[2].

В соответствии с данным документом бюро Ярославского обкома ВКП(б) протоколом № 112 от 17 октября 1941 года постановило «закончить строительство оборонительных сооружений с обводом вокруг Ярославля, Рыбинска и Костромы. Считать строительство оборонительных сооружений основной и первоочередной задачей» и предписало вновь образованному штабу во главе со вторым секретарём обкома А.Н. Ларионовым с 18 октября приступить к строительству, проведя мобилизацию всех людских и материальных ресурсов области. Для выполнения указанных мероприятий планировалось срочно мобилизовать 204 тыс. человек из числа жителей области, из которых создавались отряды по 500 человек во главе с начальником и комиссаром отряда, назначавшимися из числа руководящих работников партийного и советского аппарата, а также из руководящих работников предприятий, учреждений и хозяйственных организаций области.

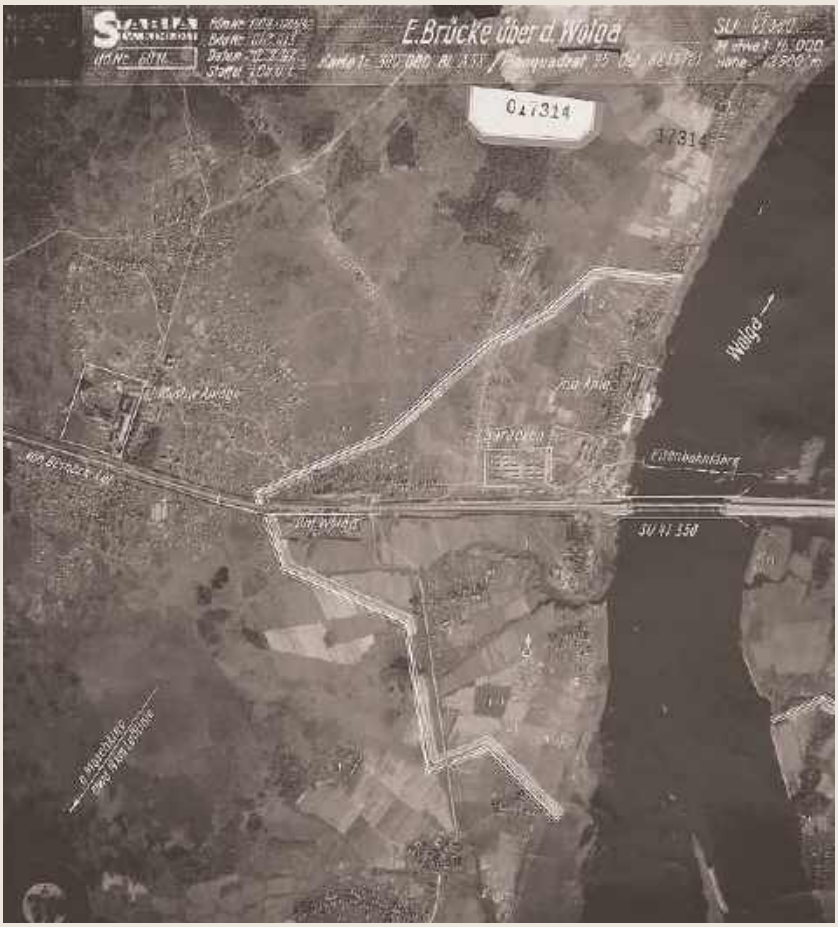
Ввиду невозможности сразу организовать бесперебойное снабжение такого количества людей продуктами всем рабочим надлежало иметь при себе запас еды на 5—6 дней. В дальнейшем организацию питания занятых на строительстве укрепрайона возложили на облпотребсоюз и тресты кафе, столовых и ресторанов Ярославля, Рыбинска и Костромы[3].

Работа по возведению оборонительных сооружений являлась платной трудовой повинностью для мужчин в возрасте от 16 до 60 лет и для женщин от 16 до 55 лет. На время возведения укрепрайона у строительных и хозяйственных организаций изымались ручной инструмент, гужевой и автомобильный транспорт, трактора, строительные материалы, механизмы (экскаваторы, транспортёры, бетономешалки, сварочные агрегаты и др.). В течение 2—3 дней предписывалось развернуть на строительстве сеть медицинских пунктов, укомплектовав их квалифицированными кадрами[4].

Работа по возведению оборонительных сооружений являлась платной трудовой повинностью для мужчин в возрасте от 16 до 60 лет и для женщин от 16 до 55 лет

Одним из важнейших участков Ярославского укрепрайона (УРа) был Юго-западный — по правому берегу Волги, на стыке Рыбинского, Некоузского и Мышкинского районов, возле посёлка Волга, поскольку здесь находился стратегически важный оборонный объект — новый железнодорожный мост, отлитый полностью из железобетона и сданный в эксплуатацию 8 октября 1941 года[5].

На левый берег вынесли форпост для создания предмостного оборонительного рубежа, основой которого был противотанковый ров длиной около 7 км. Он начинался у железной дороги в 350 м от железнодорожного вокзала. Отсюда дугами подхо-

Аэрофотосъёмка противотанкового рва на ст. Волга
Некоузский район

Пулемётный бронеколпак изнутри
Угличский район

Пулемётный бронеколпак
Угличский район

Остатки бутовой кладки стенки дота
д. Глебово, Рыбинский район

дил к реке на севере за деревней Гладышево, на юге — у деревни Зиновская. Дороги, ведущие к реке и селениям, перекрывались стальными ежами, а дорога от фабрики к вокзалу ещё и надолбами. У деревни Коплино на высоком берегу ручья, на западной окраине деревни Петровское, на станции вблизи железнодорожного вокзала в выемках насыпи были подготовлены дзоты, землянки и связывавшие их траншеи. Людей, присланных для строительства оборонительных сооружений, называли окопниками. Мобилизованы они были из Ярославской области, а также из соседней Калининской. По воспоминаниям местных жителей, жили окопники в деревнях, расположенных на берегу Волги: Ильинское, Красный Рыбак, Коплино, Петровское, Починок, Торхово, Гладышево, Прошино, Зиновская, посёлок Заря. В каждом доме размещались по пять-шесть человек. Спали на полу на соломе, на нарах, печках, лавках. Это были подростки, женщины, пожилые мужчины с Украины и Белоруссии, непригодные к строевой службе, а также жители близлежащих деревень. Хлеб выдавали по карточкам — 400 г в день. С работы приходили поздно — рабочий день длился по 9—10 часов. Возведение продолжалось примерно 1,5 месяца[6]. Укрепления хорошо видны на немецкой аэрофотосъёмке тех лет.

Следует упомянуть отдельно, что часть жителей области была направлена на строительство оборонительных укреплений Северо-Западного фронта. Отправка проходила в 4 этапа:

— 10 августа — 10 245 человек;
— 12 августа — 10 086 человек;
— 25 августа — 30 041 человек;
— 6 и 7 октября — 30 тыс. человек.

Все они строили укрепрайон Ленинградской области: Боровичи — Валдай — Угловка, Волховстрой — Тальцы-Мологские, Свирьстрой. Таким образом, всего туда мобилизовали 80 372 человека (по другим данным, 85 тыс. человек)[7]. Впоследствии

среди особо отличившихся 46 были награждены медалью «За оборону Ленинграда»[8].

Осенью произошла дальнейшая реорганизация в системе оборонительного строительства. Постановлением ГКО № ГКО-782сс от 13 октября 1941 года[9] при НКО было создано ГУОС — Главное управление оборонительного строительства (в некоторых документах — Главоборонстрой) с целью форсированного возведения намеченных оборонительных линий типа полевых укреплений, в подчинение которого передавались все строительные организации НКВД, работавшие в интересах оборонительного строительства, а также военно-полевые армейские и фронтовые строительные организации (военно-полевые строительства).

Главной задачей было создание первой линии от Медвежьей горы по восточному берегу Онежского озера и восточному берегу Екатерининского канала, далее — Череповецкий УР, Рыбинско-Ярославско-Иваново-Вознесенский УР, Горьковский УР, линии рек Ока, Цна, Дон в районе Лебедяни и далее на юг по восточному берегу Дона. Одновременно с этим — строительство второй линии по северному и восточному берегам Волги от Горьковского УРа до Астрахани, с УРами Казанским, Ульяновским, Куйбышевским (двойная линия), Саратовским, Сталинградским. Окончание работ — 10 декабря 1941 года. Обкомы, крайкомы, облисполкомы и крайисполкомы обязывались выделять по заявкам управлений оборонительных работ НКО местные строительные материалы (кирпич, паклю, лес) и из наличия на территории областей — кровельное листовое железо для изготовления печей, толь, проволоку, скобы и гвозди[10].

В тот же день было принято постановление ГКО № ГКО-787сс, согласно которому в целях обеспечения строительства глубоких тыловых рубежей и одновременной подготовки боевых сапёрных частей было принято решение о формировании в составе НКО шести сапёрных армий, каждая в составе пяти сапёрных бригад. Состав бригады: 19 сапёрных батальонов, один автотракторный батальон и отряд механизации. Комплектование сапёрных армий проводилось за счёт призыва мужчин в возрасте до 45 лет, в первую очередь контингентов, отводившихся из прифронтовой полосы, имевших строительные специальности, общей численностью 300 тыс. человек. Для новых формирований Главного военно-инженерного управления (ГВИУ) Красной армии выделялись из имевшихся в наличии 500 грузовых автомобилей, 3000 тракторов и 1000 тракторных прицепов[11].

Каждая сапёрная армия состояла из управления во главе с военным советом (штат № 012/91, штатная численность: 40 военнослужащих и 35 вольнонаёмных) и 2—4 отдельных сапёрных бригад. В состав сапёрной бригады входили: управление (штат № 012/92: 43 военнослужащих и 33 вольнонаёмных); 19 отдельных сапёрных батальонов из трёх рот 4-взводного состава (штат № 012/93: 497 военнослужащих); отряд механизации, включавший взвод дорожных и мостовых работ, лесозаготовительный взвод, взвод позиционных работ (штат № 012/94: 102 военнослужащих) и отдельный автотракторный батальон из автомобильной и тракторной рот по 4 взвода каждая (штат № 012/95: 391 военнослужащий). Штатная численность сапёрной бригады — 9979 бойцов и командиров. В действительности же укомплектованность личным составом батальонов и бригад сапёрных армий в силу ряда причин крайне редко была полной.

Весь оборонительный район строился силами местного населения, а также 3-й сапёрной армии НКО, сформированной в Московском военном округе со штабом в Ярославле (в составе 4, 5, 6 и 7-й сапёрных бригад) и строившей оборонительные сооружения в Ярославской, Ивановской и Горьковской областях на рубеже Пошехоново (Пошехонье) — Рыбинск — Горький — Чебоксары и Ивановский оборонительный обвод. В конце декабря 1941 года три сапёрные бригады армии были переброшены на строительство Владимирского оборонительного рубежа. Армией командовали: полковник Я.Д. Раппопорт (ноябрь 1941 — февраль 1942 г.), генерал-майор инженерных войск И.А. Петров (февраль—апрель 1942 г.), полковник И.Н. Брынзов (апрель—август 1942 г.), полковник С.П. Гречкин (август—сентябрь 1942 г.)[12].

Основу оборонительных сооружений составляли сплошные линии окопов с блиндажами, землянками, дотами и дзотами, а также пулемётными бронеколпаками из железобетона через каждые 400—500 м. В качестве заграждений перед ними устанавливались минные поля, противотанковые рвы, стальные ежи, железобетонные надолбы, земляные эскарпы и контрэскарпы, частоколы из брёвен, вкопанных под углом, заграждения из колючей проволоки.

Рекогносцировочные работы были проведены на протяжении 780 км по фронту, и вся территория была разделена на 271 батальонный район (территория, оборонявшаяся одним стрелковым батальоном), из которых к строительству были приняты 207[13].

Изначально согласно рекогносцировочным и проектным работам на территории области планировалось возвести 23 тыс. огневых точек, 7000 землянок и 1900 км противотанковых и противопехотных препятствий[14]. Фактически было выполнено значительно меньше в связи с менявшейся ситуацией на фронте и как следствие — консервацией почти половины строившихся рубежей.

14 октября 1941 года поздно вечером в Москве состоялось заседание, на которое были срочно вызваны первый се-

Остатки дзота
д. Коткино, Рыбинский район

Противотанковый ров, залитый водой
с. Коприно, Рыбинский район

Противотанковый ров
с. Коприно, Рыбинский район

кретарь Ярославского обкома ВКП(б) Н.С. Патоличев, секретари Ярославского горкома партии Горбань, Рыбинского горкома Туркин, Костромского горкома Новожилов, а также партийное руководство Ивановской и Горьковской областей. И.В. Сталин показал всем присутствовавшим разработанную Генеральным штабом карту оборонительных рубежей, проходивших вокруг Углича, Рыбинска, Ярославля, Костромы. Ивановская и Горьковская области также имели на карте свои укрепрайоны. Отдельно была обозначена общая линия обороны для всех трёх регионов. Когда в разговоре речь зашла о заполнявшемся Рыбинском водохранилище, Сталин сказал: «Рыбинское море и Рыбинский гидроузел надо оборонять»[15]. В тот же день Генштабом РККА был утверждён рубеж обороны на территории Ярославской области, которая находилась в зоне ответственности 3-го Управления оборонительных работ НКО (начальник управления В.Д. Журин)[16].

Изначально управление включало в себя 12 полевых строительств (ПС): № 17,18,19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 32 (ПС-33, сформированное в Ярославской области, возводило укрепления на территории Новгородской обл., в районе г. Малая Вишера)[17]. Штаб находился в Ярославле на ул. Свободы, д. 66[18].

2 ноября 1941 года сюда прибыли на усиление полевые строительства № 2, 3, 4 Главоборонстроя из Калининской области. Но уже на следующий день все рабочие, годные к строевой службе из состава данных ПС, были призваны для укомплектования маршевых батальонов РККА[19].

5 ноября 1941 года согласно директиве № 11/УР Генерального штаба КА для ускорения работ руководство строительством укрепрайонов было возложено на командования резервных армий (№ 58, 59, 39, 28, 60, 26, 10, 61), формировавшихся в тыловых округах.

Таким образом, командующий 39-й армией отвечал за оперативно-тактическое руководство рекогносцировками и строительством полевого укреплённого оборонительного рубежа по восточному берегу р. Шексны на фронте от р. Юг до устья Шексны. В зоне ответственности командующего 28-й армией находились территории по левому берегу р. Волги на фронте от устья р. Шексны до устья р. Унжи, Ярославского и Ивановского обводов по линии Молога (иск.), Углич, Маймеры, Ростов, Крапивново, Лежнево, Шуя, Лух (иск.), Сокольское[20].

В конце осени вокруг городов начали возводить дополнительные оборонительные сооружения, называвшиеся обводами (обходами). Так, своим постановлением № 38 от 4 ноября 1941 года Ярославский городской комитет обороны (ЯГКО) объявил о начале строительства оборонительных сооружений с обводом Ярославля в районе 25—30 км от городской черты. К работам привлекалось городское население, а также жители Ярославского, Большесельского, Гаврилов-Ямского, Тутаевского, Некрасовского и Нерехтского районов области в возрасте от 16 до 55 лет для женщин и от 16 до 60 лет для мужчин. Норма выработки грунта устанавливалась 2,5—2,8 куб. м в день на каждого человека. Фактически средняя выработка составила 0,85—0,9 куб. м из-за работ с промёрзшим грунтом.

К тому времени по области уже были заняты 110 тыс. человек, из которых 105 тыс. составляло местное население. Планировалось вывести до 8 ноября на работы всю намеченную рабочую силу, т.е. ещё 80 тыс. человек местного населения, 30 тыс. человек в составе рабочих строительных батальонов, 15 тыс. человек из сапёрных бригад № 4, 6 и 20 тыс. человек из рабочих Волгостроя. Кроме того, было намечено призвать из учреждений, хозяйственных организаций и предприятий области 300 человек (инженеров, техников, агрономов, землеустроителей и др.) и направить их в распоряжение полевых строительств для использования в качестве инженерно-технических работников.

С целью усиления механизации работ по области были мобилизованы 300 автомашин, 1500 тракторов и 70 автомашин из состава Главного управления аэродромного строительства (ГУАС) с передачей в состав 3-го Управления оборонительных работ. Одновременно начальникам полевых строительств и участков надлежало приступить к оборудованию землянок вдоль трассы прохождения УРа, предназначенных для размещения поступавшей рабочей силы[21].

Работы по строительству продолжались без выходных и праздничных дней. Даже 7 ноября 1941 года отдельным постановлением ЯГКО № 46 для всех рабочих, занятых на строительстве оборонительных сооружений, объявлялось рабочим днём[22].

Работы по строительству продолжались без выходных и праздничных дней. Даже 7 ноября 1941 года отдельным постановлением ЯГКО № 46 для всех рабочих, занятых на строительстве оборонительных сооружений, объявлялось рабочим днём

Продолжительность смены разнилась в зависимости от обстоятельств. Так, согласно документам в ПС-19 строители трудились с 8.00 до 18.00 (обед с 12.00 до 13.00). Были и увеличенные смены: с 9.00 до 18.00 (обед с 13.00 до 14.00) и с 20.00 до 22.00[23]. Но такое было исключением из правил и происходило редко.

Всего на 10 ноября 1941 года, по данным 37 городских и сельских райкомов ВКП(б), на оборонительном рубеже трудился 140 731 человек из числа местных жителей и использовались 3665 лошадей[24]. В данные цифры не входят инженерные формирования НКО.

Примерно в те же дни в Ярославскую область начали прибывать войска прикрытия укрепрайона, объединённые в 28-ю резервную армию (второго формирования). 27 ноября штаб артиллерии, сформированный в г. Галиче, и штаб армии были передислоцированы в Ярославль. Основу 28 А составили 6 стрелковых дивизий (371, 379, 359, 363, 375 и 367-я)[25].

Одновременно происходила дальнейшая переброска частей и соединений. Так, согласно директиве ГШ РККА от 9 ноября 1941 года надлежало «371 сд исключить из состава 39-й резервной армии и включить в состав 28-й резервной армии. Станция выгрузки и место дислокации вместо Любима — Ярославль; 355 сд исключить из состава 28-й резервной армии и включить в состав 39-й резервной армии. Местом дислокации оставался Любим»[26].

Для строительства Ярославского городского укрепрайона решением бюро Ярославского обкома ВКП(б) 12 ноября 1941 года были мобилизованы 50 100 человек из 14 близлежащих сельских районов и областного центра. Рабочих обязали прибыть на строительство в зимней одежде с запасным бельём, котелками и кружками, а также запасом продуктов на 10 дней. Райкомам надлежало снабдить строительные отряды необходимым количеством кухонного инвентаря (котлы, вёдра, тазы, чугуны, горшки) для обеспечения питанием непосредственно на трассе[27].

В.Д. Журин

Ещё одной важной задачей при строительстве любых УРов стало содержание подъездных путей, по которым шла доставка и людей, и стройматериалов. По этим же коммуникациям осуществлялась и передислокация войск в сторону линии фронта. Так, постановлением ЯГКО № 50 от 10 ноября 1941 года «в целях пропуска воинского грузового движения по кратчайшему расстоянию маршрута: Брейтово — Веретея — Сменцево — Глебово — Рыбинск и приведения в проезжее состояние выходов к Некоузскому, Рыбинскому и Угличскому трактам на участках Веретея — Лацкое, Сменцево — станция Волга, Глебово — Еремейцево, а также для зимнего содержания в проезжем состоянии трассы Брейтово — Рыбинск — Ярославль» в помощь 14-му военно-дорожному отряду НКВД выделялись сроком на 1 месяц 940 человек и 714 лошадей[28].

В дальнейшем отдельным постановлением ЯГКО № 93 от 28 ноября 1941 года для обеспечения бесперебойного автомобильного движения по важнейшим дорогам Ярославской области, таким как Ярославль — Рыбинск — Углич — Ростов — Иваново, Ярославль — Кострома — Судиславль — Галич — Чухлома, Ярославль — Большое Село — Углич, Рыбинск — Сонково и другим, в течение всего зимнего периода 1941/42 года райкомам ВКП(б) и райисполкомам предписывалось с 10 декабря организовать систематическую очистку дорог от снежных заносов, выделив для этой цели постоянные бригады из расчёта 20 человек и 6 лошадей на каждые 7 км дорожного полотна. В помощь из состава ОБЛЗО дополнительно выделялись 40 тракторов ЧТЗ-60. Для устройства снегозащиты и ремонта разрешалось производить вырубку вдоль трасс нужного количества деревьев[29].

Для бесперебойного снабжения хлебом рабочих, строивших УР вокруг Ярославля, в распоряжение начальника ПС-28 выделялись 40 полевых хлебопекарных печей

Снабжение продуктами строителей также представляло собой сложную систему мероприятий, прежде всего в плане логистики, поскольку протяжённость трассы укрепрайона исчислялась сотнями километров. Проблемы решались на местах по-разному. Например, для бесперебойного снабжения хлебом рабочих, строивших УР вокруг Ярославля, в распоряжение начальника ПС-28 выделялись 40 полевых хлебопекарных печей (ПХП-2)[30].

Ярославский обвод, возглавлявшийся главным инженером, начальником ПТО и заместителем начальника ПТО, был разбит на 10 производственных участков. Общая длина обвода составила 106 км (29 батальонных районов)[31].

Ещё одним важным участком Ярославского УРа был Угличский район, поскольку по своему географическому положению он был в числе самых близких к линии фронта. Кроме того, фактически в городской черте располагался Угличский гидроузел, состоявший из плотины, шлюзов и электростанции, питавшей столицу. Строительство на данном участке велось силами полевых строительств № 22 (в составе 7 строительных батальонов) и № 23 (в составе 11 строительных батальонов), сформированных на базе Волгостроя и приступивших к работе 21 октября 1941 года[32].

На 6 ноября 1941 года ПС-23 вело участок сооружений от Углича до границ соседних Калязинского и Переславского районов с центром в д. Ильинское. Центр ПС-22 сначала находился в д. Шевердино, затем в Угличе. 1 декабря 1941 года произошло слияние ПС-22 и ПС-23 в единую структуру, основные работы были закончены к концу января 1942 года[33]. В общей сложности силами двух этих полевых строительств было выполнено 1 146 886 куб. м земляных и 1922 куб. м бетонных работ[34]. 12 февраля 1942 года оба ПС были расформированы.

Отличительной особенностью возведения оборонительных сооружений в то время было массовое строительство землянок. В постановлении ГКО № ГКО-844-сс от 27 октября 1941 года говорилось: «Для обеспечения боевых действий войск в зимних условиях обязать ГУОС НКО производить строительство землянок для красноармейцев и командного состава… одновременно с возведением полевых укреплённых рубежей»[35].

Думается, будет уместным отдельно рассказать о бытовых условиях тех, кто строил укрепрайон (в некоторых документах того времени он назывался «Ярославский оборонительный

рубеж»). Из воспоминаний Даниила Хмелёва: «В составе группы из 100 человек мы поездом доехали до станции Кобостово. Там на правом берегу Волги, рядом с железнодорожным мостом, предстояло строить оборонительные сооружения в октябре 1941-го. Разместились в домах колхозников деревень Головино и Березняки по 10—15 человек, спали на нарах. Колхоз для питания выделял картофель, капусту, морковь, немного мяса, молока. Варили в общем котле и ели один раз — вечером после работы. Орудиями труда были у каждого лопата, лом, топор».

Из воспоминаний 19-летнего председателя Глебовского колхоза Н.К. Багрова: «После мобилизации на фронт работать в колхозе остались 39 женщин, 7 мужчин, 16 подростков. Тем не менее государственные задания по поставке продукции сельского хозяйства перевыполнялись, вводились в оборот новые посевные площади, увеличивалось количество скота и птицы. Самым тяжёлым оказался конец 1941 года… Мы получили большое задание по лесозаготовкам и строительству оборонительных сооружений от деревни Василёво до деревень Каботово (Кабатово), Головино. Под персональную ответственность в сёлах Глебово и Ивановское надо было разместить военнослужащих строительного батальона из состава ПС-21, а также мобилизованных рабочих из Рыбинска. На нас была возложена обязанность и по организации питания людей. Ежедневно на работы колхоз направлял 27—30 человек, сельский совет 20—25 служащих. Какой это был тяжелейший труд в условиях сильных морозов, трудно вспоминать даже в сегодняшние мирные дни»[36].

Жительница поселка Волга Вера Николаевна Бобырь рассказывала, что ей в 15 лет принесли повестку на трудовой фронт и отправили в Глебово на правый берег Волги рыть противотанковый ров. Шли до места 8 км пешком. По прибытии всех собрали и разделили по возрасту. Поселили в школе, одели в фуфайки, шапки-ушанки, на ноги — опорки (вид обуви с отрезанными голенищами). Кормили вечером: к 400 г хлеба давали поварёшку супа из пшена. Помещение освещали лампы-мигалки, бани не было. Немецкая авиация регулярно совершала воздушные налёты. Однажды под огонь попал эшелон с «окопниками». Паровоз успел проскочить, но на второй платформе остались убитые и раненые. В Глебове рыли окопы часто под обстрелами немецких самолётов[37].

Одним из видов противотанковых препятствий были стальные ежи. Их производство надлежало разместить в Ярославле на заводах № 50 и № 345 (Судостроительный завод), механических мастерских шинного завода, ТЭЦ-1; в Рыбинске — на заводе № 341 (завод «Вымпел»), в местной сварочной конторе Рыбинского ГУ в Переборах; в Угличе — на механическом заводе № 2 Волгостроя и в местной сварочной конторе Угличского ГУ. Всего до конца декабря 1941 года были изготовлены 14 078 ежей, из которых на строительство отгружены 8826 шт.[38]

Колхоз для питания выделял картофель, капусту, морковь, немного мяса, молока. Варили в общем котле и ели один раз — вечером после работы

Не менее важной задачей стало производство железобетонных изделий. Отсутствие достаточного количества камня, а также очень низкие температуры послужили причинами широкого применения сооружений из сборного железобетона, производство которого было организовано на шести заводах области: Волгострой в Угличе, Волгострой в Рыбинске, заводы № 151 (завод «Резинотехника»), завод имени XIV лет Октября, шинный завод в Ярославле и силикатный завод в Костроме[39].

За тот же период на предприятиях области было изготовлено 3537 железобетонных изделий[40] (по другим данным — 1739): пулемётные доты, доты для 45-мм пушек, железобетонные бронеколпаки.

Проведение рекогносцировочных работ такого масштаба потребовало большого количества специалистов, которых привлекали и из гражданских организаций, и из воинских частей. Так, 28 октября 1941 года сводная группа Ярославских интендантского и пехотного училищ выехала для рекогносцировки трассы будущего оборонительного района вокруг Ярославля[41].

С самого начала ведения оборонительных работ выявилась острая нехватка ручного инструмента. В выписке из протокола № 114 заседания бюро обкома от 12 ноября говорилось о необходимости обеспечить начиная с 15 ноября ежедневную выработку лопат, ломов, кувалд, клиньев и т.д. Всего к производству были привлечены 79 предприятий и организаций области[42].

Максимальное количество работавших на оборонительном рубеже на 1 декабря 1941 года составляло 206 500 человек (фактически их было больше, т.к. данные взяты без учёта рабочих в составе ПС № 27, 28, 32)[43].

Устойчивые заморозки в конце октября и сильные морозы в ноябре-декабре ещё больше усложнили работу строителей. Грунт промерзал за ночь почти на половину штыка лопаты. Чтобы избежать ненужной работы, рабочие промёрзшую землю после снятия не выкидывали на бровку, а складывали отдельно. Вечером после окончания

смены мёрзлый грунт укладывался на дно траншей и рвов. Утром на его удаление уходило не более 5 мин, и дальше можно было копать лопатами. Также для утепления использовались солома или снег. В местах, где глубина промерзания составляла 30—40 см и более, использовались кувалды, ломы и специальные клинья. Землю наверх перемещали на носилках, а также ручных санях, с верхнего яруса отвал выбрасывали на поверхность «вперекидку» с лёгких деревянных полок[44].

Земляные работы как основной вид строительства в общем объёме составили 63 проц. В силу отсутствия взрывчатых веществ практически все они велись вручную. Только на некоторых полевых строительствах имели место взрывные работы[45].

Уже в конце декабря руководство страны приняло решение о сокращении строительства некоторых укрепрайонов, находившихся в глубине территории. В соответствии с постановлением

Г.С. Бабин

15 января 1942 года; Ростов-на-Дону и Вологда». К тому времени в целом по стране на строительстве работали уже 1 580 000 человек, из них 1 174 000 человек гражданского населения; были

Максимальное количество работавших на оборонительном рубеже на 1 декабря 1941 года составляло 206 500 человек

ГКО № ГКО-1068сс от 27 декабря 1941 года «в целях обеспечения рабочей силой и транспортом молотьбы и вывозки хлебов, а также в связи с изменившейся обстановкой на фронте» надлежало ограничиться строительством только на важнейших направлениях, среди которых «строительство Владимирского рубежа, Вытегра — Череповец — Рыбинск; обводов: гор. Горький — с окончанием к 5 января 1942 года; гор. Ярославль — с окончанием к 25 января 1942 года; гор. Иваново от границы Ярославской области до Владимирского обвода — с окончанием к 20 января 1942 года; гор. Казань — с окончанием к 25 января 1942 года; Сталинград и Астрахань — с окончанием к

возведены 3556 км сооружений и 25 933 огневые точки (доты, дзоты, пулемётные бронеколпаки, артплощадки), среди них по обводу Ярославль — Рыбинск (включая Заволжский рубеж) — 470 км по фронту, противотанковых рубежей — 334,3 км, огневых точек — 1091, землянок — 1328[46].

Нормы питания рабочих несколько раз пересматривались в сторону увеличения. 27 декабря 1941 года были окончательно утверждены единые нормы выдачи продуктов на каждого строителя (согласно протоколу Ярославского бюро обкома ВКП(б) № 120):

— хлеб — 800 г в день;
— мясо — 1200 г в месяц;
— рыба — 800 г в месяц;
— жиры — 750 г в месяц;
— овощи и картофель — 500 г в день;
— крупы — 2 кг в месяц[47].

К началу 1942 года больше половины оборонительных сооружений были построены и почти половина заморожена. В силу данного обстоятельства бюро Ярославского обкома ВКП(б) постановило: с 1 января 1942 года оставить на строительстве 90 тыс. рабочих и 5650 лошадей. Также ввиду достаточного количества предписывалось прекратить массовое изготовление ручного инструмента на предприятиях[48].

Всего же для оборонительных работ по области было изготовлено:

— лопат — 205 тыс. шт.;
— ломов — 90 тыс. шт.;
— тачечных колёс — 24 тыс. шт.;
— клиньев — 46 тыс. шт.;
— кувалд — 34 тыс. шт.;
— кирок — 24 тыс. шт.[49]

30 января 1942 года оборонительный укрепрайон был построен, большинство сооружений сданы Государственной комиссии НКО с оценками «хорошо» и «отлично». Общий объём земляных работ, выполненный строителями, составил 4 323 600 куб. м[50].

Ежедневно на строительстве были задействованы в среднем 125 тыс., по другим данным, 140 тыс. человек (некоторые участки обороны строились вахтовым методом с продолжительностью вахты от одного до полутора месяцев)[51].

После начавшегося контрнаступления Красной армии под Москвой и выравнивания линии фронта необходимость в большинстве тыловых оборонительных рубежей отпала и массовое строительство между опорными пунктами было прекращено. Но их боеготовность в течение всего военного периода продолжала оставаться актуальной задачей, и 26 марта 1942 года ГКО постановлением № ГОКО-1501сс обязал военные советы соответствующих западных и центральных округов к

1 апреля принять законченные и приостановленные строительством тыловые оборонительные рубежи от ГУОС НКО, а также провести мероприятия по поддержанию в порядке построенных сооружений и препятствий, их охране от расхищения, для чего сформировать к 15 апреля 1942 года комендатуры в необходимом количестве. Дополнительно надлежало организовать через местные органы власти (городские комитеты обороны, райисполкомы, сельсоветы) и правления колхозов охрану построенных оборонительных сооружений на тыловых рубежах, широко оповестив население об ответственности за их разрушение. Дальнейшее строительство рубежей предписывалось производить силами сапёрных армий и строительных организаций ГУОС НКО, для чего в составе ГУОС организовывались семь управлений оборонительного строительства[52].

Кроме вышеперечисленного, необходимо упомянуть, что с марта 1942 года начался этап активного возведения укреплений городов, представлявших собой опорные центры обороны тылового рубежа. Из постановления ЯГКО № 161 от 28 марта 1942 года: «В соответствии с постановлением Военного Совета Московской зоны обороны о приведении в состояние, обеспечивающее стойкую оборону городов Ярославля, Ростова Ярославского и Переславля-Залесского… приступить немедленно к составлению плана и проектов сооружений по обороне…». Создавались специальные группы по проведению рекогносцировочных и проектных работ. По Ярославлю начальником группы был назначен начальник гарнизона, начальник Новоград-Волынского пехотного училища полковник Д.И. Голубев. Группу сформировали из начальствующего и преподавательского состава военно-морского инженерного училища по числу батальонных участков в количестве 7 отрядов по 3—4 человека в каждом. Срок

Пулемётный бронеколпак
берег Волги у д. Коткино, Рыбинский район

Противотанковый ров
д. Лаврентьево, Рыбинский район

Противотанковый ров
д. Ларионово, Рыбинский район

окончания рекогносцировочных работ — 9 апреля.

По Ростову начальником группы назначили командира 6-го инженерного полка майора Короткова. Были созданы 3 отряда (по количеству батальонов), срок окончания работ — 7 апреля.

По Переславлю-Залесскому начальником группы был назначен полковник Дорошенко. По количеству батальонов обороны созданы 4 отряда из командного и начальствующего состава Ленинградского Краснознамённого военно-инженерного училища и курсов усовершенствования командного состава. Срок окончания работ — 10 апреля[53].

30 января 1942 года оборонительный укрепрайон был построен, большинство сооружений сданы Государственной комиссии НКО с оценками «хорошо» и «отлично»

4 апреля 1942 года для непосредственного проведения работ по строительству оборонительных сооружений в Ярославле было создано отдельное Управление оборонстроя. Для производства работ разрешалось использовать имевшиеся в городе железобетонные колпаки и сборные комплекты, изготовленные ранее[54].

13 апреля 1942 года были утверждены планы строительства оборонительных сооружений в Ярославле, Ростове и Переславле-Залесском (последний находился вне общей линии Ярославского укрепрайона)[55].

5 июня 1942 года было утверждено задание на строительство первоочередных оборонительных сооружений по Ярославлю без КП, баррикад, ежей, минных полей и проволочных заграждений. Для выполнения работ привлекалось население города, а также части МПВО и истребительные отряды. Изначально согласно приказу по войскам Московской зоны обороны (МЗО) № 0079 планировалось провести все работы с 5 июня по 20 июля 1942 года и сдать их специальной комиссии, назначенной начальником гарнизона Ярославля. Но по состоянию на 25 августа из общего количества 292 огневых точек были построены 219 (75 проц.)[56].

Незадолго до этого приказом НКО № 00176 от 17 августа 1942 года управления сапёрных армий были переформированы в управления оборонительного строительства[57].

Все работы были закончены осенью, и в связи с выполнением задания по строительству оборонительных сооружений постановлением военного совета МЗО Управление оборонстроя в Ярославле с 5 декабря 1942 года было ликвидировано, весь аппарат, созданный преимущественно из местных руководящих работников, откомандирован на прежние рабочие места. Сооружения сданы начальнику гарнизона, охрана возложена на районные исполнительные комитеты[58].

Таким образом, в Ярославской области тыловой рубеж Московской зоны обороны состоял из двух частей: Северо-восточный (Заволжский рубеж), шедший от Пошехонья до села Красное-на-Волге по левому берегу, и Юго-западный (Ярославский) от Рыбинска до района с. Ильинское-Хованское.

Северо-восточный рубеж, районы строительства:

— г. Пошехонье-Володарск (от д. Прислонь) — д. Фёдоровское (Рыбинский р-н), центр в д. Б. Погорелово (через устье Шексны);

— д. Фёдоровское (Рыбинский район) — Константиновский завод (Тутаевский район), центр в г. Тутаеве (левый берег);

— Константиновский завод (Тутаевский район) — п. Красный Профинтерн (Некрасовский район), центр на ст. Филино (Ярославль);

— п. Красный Профинтерн — с. Красное-на-Волге (до д. Серково вкл.), центр в г. Костроме.

Юго-западный рубеж, районы строительства:

— Устье Мологи (от д. Легково) — д. Еремейцево (Мышкинский район), центр в д. Кобостово;

— д. Еремейцево — г. Углич, центр в д. Шевердино (затем в Угличе);

— г. Углич — д. Губачёво (Борисоглебский район), центр в д. Сутилово;

— д. Губачёво (Борисоглебский район) — оз. Неро, центр в г. Борисоглебе;

— оз. Неро — с. Ильинское-Хованское, д. Гари (Ивановская обл.), центр в д. Лазарцево[59].

Говоря об общей протяжённости оборонительных сооружений в Ярославской области, следует учитывать тот факт, что значительная часть из них была законсервирована в стадии готовности примерно на 50 проц. Таким образом, согласно техническому отчёту 3-го Управления оборонительных работ НКО СССР на территории Ярославской области (по обоим рубежам) было построено полностью и сдано комиссии МВО:

— 201,6 км противотанковых препятствий;

— 11,3 км ходов сообщения;

— 1076 землянок;

— 126 площадок для артиллерийских орудий 76—150 мм;

— 121 площадка для 45-мм орудий;

— 78 окопов для стрелковых отделений.

Законсервировано:

— 182,3 км противотанковых рвов;

— 9,9 км ходов сообщения;

— 601 землянка;

— 249 окопов для стрелковых отделений[60].

В указанные цифры не входят доты, дзоты, КНП, железобетонные колпаки и противопехотные заграждения.

Цифры по общему количеству жителей области, строивших Ярославский укрепрайон, в разных источниках отличаются. Всего с октября 1941 по январь 1942 года, согласно имеющимся в открытом доступе данным, были мобилизованы от 140 тыс. до 210 тыс. человек. К этому нужно добавить рабочих Волгостроя, строительных батальонов, а также жителей Калининской области. По разным подсчётам, это ещё от 15 тыс. до 40 тыс. человек.

После полного завершения всех работ в декабре 1942 года сооружения укрепрайона простояли в полной готовности до конца войны, затем подавляющая часть их была демонтирована.

Примечания

[1] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 11. Д. 64. Л. 92—94.
[2] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 7. Л. 153—156.
[3] Центр документации новейшей истории государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГА ЯО). Ф. 272. Оп. 145. Д. 6. Л. 30—31.
[4] Там же. Л. 46, 49.
[5] Государственный архив Ярославской области (ГА ЯО). Ф. Р-2295. Оп. 25т. Д. 26. Л. 26.
[6] *Михайлова Е.Н.* Сменцевская волость, посёлок Волга — обращение к истокам (История в материалах и воспоминаниях). Ч. II. Рыбинск, 2018.
[7] ЦДНИ ГА ЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 205. Л. 7, 9, 11, 14.
[8] Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 193. Л. 1—219.
[9] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 113.
[10] Там же.
[11] Там же. Л. 118—119.
[12] *Малиновский Г.В.* Сапёрные армии и их роль в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. № 2(17). М.: Церера, 2001. С. 146—188.
[13] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 73. Оп. 12109. Д. 4033. Л. 11.
[14] Там же. Л. 9.
[15] *Патоличев Н.С.* Испытание на зрелость. М.: Политиздат, 1976. С. 126—129.
[16] ЦАМО РФ. Ф. 73. Оп. 12109. Д. 4033. Л. 5.
[17] ЦДНИ ГА ЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 303. Л.19.
[18] Там же. Л. 193.
[19] Там же. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.
[20] ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 16. Л. 34.
[21] ЦДНИ ГА ЯО. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 4. Л. 64—66.
[22] Там же. Л. 70.
[23] ГА ЯО. Ф. Р-1729. Оп. 1. Д. 102. Л. 66, 75.
[24] ЦДНИ ГА ЯО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 303. Л. 125.
[25] ЦАМО РФ. Ф. 441. Оп. 8464. Д. 3. Л. 1.
[26] Там же. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 37. Л. 57.
[27] ЦДНИ ГА ЯО. Ф. 272. Оп. 145. Д. 6. Л. 125.
[28] Там же. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.
[29] Там же. Л. 147.
[30] Там же. Л. 127.
[31] ЦАМО РФ. Ф. 73. Оп. 12109. Д. 4031. Л. 2.
[32] ГА ЯО. Ф. Р-1729. Оп. 1. Д. 138. Л. 49.
[33] *Третьякова Т.А.* Полевое строительство Ярославских рубежей в первые годы Великой Отечественной войны. Угличская линия оборонительных работ // Углич известный и неизвестный: сборник исследовательских работ. Вып. IV (доп.). Углич: Углич, 2017. С. 17—30.
[34] ГА ЯО. Ф. Р-1729. Оп. 1. Д.163. Л.122.
[35] РГАСПИ. Ф. 644. оп. 1. Д. 13. Л. 80—81.
[36] Архивные материалы историко-краеведческого музея с. Глебово Рыбинского района Ярославской обл.
[37] *Михайлова Е.Н.* Указ. соч.
[38] ЦАМО РФ. Ф. 73. Оп. 12109. Д. 4033. Л. 22.
[39] Там же. Л. 25.
[40] ЦДНИ ГА ЯО. Ф. 272. Оп. 145. Д. 7. Л. 86.
[41] Там же. Оп. 224. Д. 303. Л. 133—134.
[42] Там же. Оп. 145. Д. 6. Л. 160.
[43] Там же. Оп. 303. Д. 224. Л. 29—32.
[44] Войны минувшей ветераны. Ярославль: Верхняя Волга, 2001. С. 47—49.
[45] ЦАМО РФ. Ф. 73. Оп. 12109. Д. 4033. Л. 25.
[46] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 178; Оп. 2. Д. 30. Л. 182—190.
[47] ЦДНИ ГА ЯО. Ф. 272. Оп. 145. Д. 7. Л. 124.
[48] Там же. Л. 114.
[49] Там же. Оп. 224. Д. 1420. Л. 95.
[50] Там же. Оп. 23. Д. 29. Л. 6.
[51] Там же. Д. 3. Л. 14.
[52] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 116—118.
[53] ЦДНИ ГА ЯО. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 4. Л. 288—289.
[54] Там же. Л. 290.
[55] Там же. Л. 291.
[56] Там же. Л. 310.
[57] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 68. Л. 236—237.
[58] ЦДНИ ГА ЯО. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 4. Л. 317.
[59] Там же. Ф. 272. Оп. 224. Д. 303. Л. 90—94.
[60] ЦАМО РФ. Ф. 73. Оп. 12109. Д. 4033. Л. 56.

A.A. Istomin

«COMPLETE THE CONSTRUCTION OF DEFENSIVE STRUCTURES WITH A PERIMETER AROUND YAROSLAVL, RYBINSK, AND KOSTROMA»

Rear line of the Moscow defense zone

Information about author. *Aleksandr Istomin — opinion journalist, laureate of the All-Russian literary competition named after Generalissimo A.V. Suvorov in the category Journalism (city of Yaroslavl. E-mail: sanches667@mail.ru).*

Summary. *The paper, which is based on documents from various archives and collections, such as the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Russian State Military Archive, the Russian State Archive of Socio-Political History, and the State Archive of the Yaroslavl Region, among others, as well as on publications from periodicals and scientific works, provides an overview of the construction of defensive structures in the Yaroslavl Region between 1941 and 1942. Tens of thousands of local residents, along with Red Army engineers, constructed a new defensive line several hundred kilometers in length with hundreds of firing positions in a short period of time. The provision of equipment, tools, food, and clothing for these builders fell entirely on the district, city, and regional enterprises and organizations. These mobilized workers lived in extremely challenging living conditions, working 9—10 hour days, without days off or holidays. For the first time, mass construction of personnel dugouts became an integral part of fortified area construction. Beginning in the second half of 1942, many of these builders joined the active army's engineering and rifle units.*

Keywords: *The Great Patriotic War; construction of defensive structures; Main Directorate of Defensive Construction; Main Directorate of Defense Works; Directorate of Field Construction; engineer army; Southwestern frontier; Northeastern frontier; Trans-Volga frontier; Yaroslavl bypass; Yaroslavl; Kostroma; Rybinsk; Uglich.*

А.Н. Плужников,
В.В. Канищев

«АД ОГНЯ И СМЕРТИ НЕ ПОКОЛЕБАЛ ЛЮДЕЙ, И ОНИ ДРУЖНО ПОШЛИ В НАСТУПЛЕНИЕ»

Варшавско-Ивангородская операция 1914 года в полковых журналах боевых действий

Сведения об авторах. *Плужников Александр Николаевич — доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат исторических наук (г. Тамбов. E-mail: budberg77@mail.ru);*

Канищев Владимир Валерьевич — доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, доцент кафедры безопасности и правопорядка Тамбовского государственного технического университета, кандидат исторических наук (г. Тамбов. E-mail: kan-vladimir-tamb@yaendex.ru).

Аннотация. *На фоне изучения истории Первой мировой войны в глобальном масштабе зачастую малоизвестными остаются микроисторические сюжеты, характеризующие ход локальных боевых действий, обстановку на узких участках фронта, настроения и быт офицеров и нижних чинов. Хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве и ранее не вводившиеся в научный оборот журналы боевых действий полков русской армии, принимавших участие в Варшавско-Ивангородской операции 1914 года, позволяют в деталях ознакомиться с ситуацией на отдельных участках фронта в масштабах частей, батальонов, рот и эскадронов, из первых рук получить подробное описание действий того или иного подразделения, поведения военнослужащих, изменений в способах использования кавалерии, недостатков в управлении и снабжении армии. Вся эта информация заносилась полковыми адъютантами по горячим следам и, как правило, отличалась полнотой и непосредственностью изложения, что позволяет подтвердить или опровергнуть существующие представления об одном из ключевых сражений начала Великой войны.*

Ключевые слова: *Первая мировая война; Варшавско-Ивангородская операция; русский фронт; сибирские стрелковые полки; пехотные полки; части гвардии; оборонительно-наступательные действия; поведение солдат и офицеров; журналы боевых действий; полковые адъютанты; микроисторические сюжеты.*

В сентябре 1914 года началась одна из крупнейших оборонительно-наступательных операций в истории Первой мировой войны. Силам Юго-Западного фронта под командованием Н.И. Иванова и Северо-Западного фронта под командованием Н.В. Рузского предстояло остановить наступление австро-германских войск и, измотав противника в оборонительных боях, перейти в контрнаступление. В отечественной исторической науке Варшавско-Ивангородская операция нашла своё отражение как в работах очевидцев и участников тех событий, так и в трудах современных исследователей. Безусловный интерес представляют воспоминания коменданта Ивангородской крепости А.В. фон Шварца, подробно описывающие бои у вверенного ему укреплённого района[1]. О кровопролитном характере боёв на Висле и Сане сообщает в своих статье и монографии С.Г. Нелипович[2]. В статье А.В. Олейникова эта операция рассматривается в целом в контексте кампании 1914 года на Восточном фронте[3]. Также общий описательный характер данной операции представлен в статье Б.Л. Хавкина о русском фронте в годы Первой мировой войны[4]. Однако стоит отметить, что в указанных работах ставка главным образом делалась на анализ стратегических планов противоборствовавших сторон, соотношения сил, общего хода боевых действий в масштабе армий, корпусов и дивизий, потерь, понесённых в ходе сражений.

Гораздо менее исследованными оказались конкретные эпизоды Варшавско-Ивангородской операции на отдельных участках фронта в масштабах полков, батальонов, рот и эскадронов. Наиболее

полную информацию о ходе этих боёв и царившей околобоевой обстановке можно почерпнуть из полковых журналов боевых действий, в которые полковыми адъютантами заносились подробные сведения о произошедших боестолкновениях, поведении офицеров и нижних чинов, награждениях личного состава, а также уникальные бытовые армейские зарисовки. Значительная часть таких документов хранится в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), на основе материалов которого нами восстановлены отдельные эпизоды действий находившихся в эпицентре сражения или во втором эшелоне нескольких сибирских стрелковых и армейских пехотных полков, а также частей гвардии, принимавших участие в Варшавско-Ивангородской операции. Записи, сделанные полковыми летописцами, позволяют увидеть картину войны глазами её непосредственных участников. Повышенный интерес вызывает и стилистика заполнения данного вида источников, поскольку их полнота или лаконичность во многом зависели от конкретного полкового адъютанта и степени боевой активности той или иной части. Даты событий в статье приводятся в соответствии с записями в полковых журналах, по старому стилю.

Австро-германские войска начали наступление 15 сентября 1914 года, после чего частям IX армии генерал-лейтенанта П.А. Лечицкого пришлось с боями отходить к реке Сан, однако форсировать эту водную преграду противник не сумел. Параллельно с этим части генерала А. фон Макензена нанесли стремительный удар на варшавском направлении, поставив столицу Царства Польского в критическое положение.

Нельзя утверждать, что манёвры австро-германских войск были не замечены командованием русской армии. Переброска частей на центральный участок огромного русского фронта началась заранее, но в силу ограниченных логистических возможностей они прибывали к новому театру военных действий в разное время и с опозданием. В большинстве рассмотренных нами полковых журналов с 18 по 25 сентября 1914 года встречаются подробные упоминания о ходе этой масштабной передислокации войск. Так, полковым адъютантом 208-го пехотного Лорийского полка из состава 52-й пехотной дивизии 18 сентября было записано: «Все четыре эшелона по мере прибытия в Ивангород тотчас же разгружались и при проводниках следовали в деревню Мержиончка, где расположились по квартирам»[5]. Аналогичные сведения встречаются на страницах журнала 140-го пехотного Зарайского полка 35-й пехотной дивизии. В записи от 23 сентября зафиксировано: «Ночью получено было распоряжение о дальнейшем движении к Люблину», а вечером следующего дня отмечено, что «полк переехал к Ивангороду четырьмя эшелонами»[6]. Из записей журнала 138-го пехотного Болховского полка той же дивизии от 24—25 сентября явствует: «...полк вышел из Недржевице Дуже и пошел в авангарде по большой дороге на Люблин...» На следующий день было получено сообщение: «35-я пехотная дивизия перевозится по железной дороге в Ивангород»[7].

Одними из первых на пути противника встали части I и II сибирских армейских корпусов. В результате тяжёлых потерь II корпус начал отступление, но путь к Варшаве прикрыли части 1-й стрелковой Сибирской дивизии, вовремя подошедшие на выручку. В описании боевых действий от 27 сентября 1914 года 3-го стрелкового Сибирского полка упоминалось о тяжёлой ситуации, сложившейся у местечка Пясечно. Казалось, что противник градом огня заставит «сибиряков» отойти. Однако командир полка полковник Владимир Александрович Добржанский ещё до начала боя объяснил своим подчинённым всю значимость удержания данного участка фронта ввиду риска приближения врага к Варшаве и охвата всей окрестности огнём его дальнобойной артиллерии. Согласно воспоминаниям В.А. Добржанского, «стрелки и господа офицеры прониклись этим и лихо устремились на позицию, заняли ее и удержались на ней, все выказали стойкость, упорство и сопротивление, качества, которые способны проявлять только герои»[8].

В тот же день поддержку своим боевым товарищам оказал 4-й стрелковый Сибирский полк. Имея первоначальную задачу наступать на деревню Лось, командир полка из-за тяжёлого положения соседей и согласно новому приказу выдвинул 3-й и 4-й батальоны на усиление позиций левого фланга 3-го полка. Несмотря на ожесточённые атаки немцев, части продержались на позициях и начали отход только после получения соответствующего приказа[9].

Всю важность происходивших в конце сентября — начале октября 1914 года событий, в которых принимали участие «сибиряки», подтверждает наличие на передовой не только

Н.И. Иванов

Н.В. Рузский

А.В. фон Шварц

старших офицеров, но и генералов. В описании боевых действий того же 4-го стрелкового Сибирского полка с 29 сентября по 6 октября упоминалось, что 2 октября во время рекогносцировки позиций под командиром полка Михаилом Митрофановичем Ставровым была ранена лошадь, а 5 октября во время наступления на деревню Хилице в числе прочих были убиты командир 2-й бригады генерал-майор Владимир Иванович Жуковский и подполковник Казимир Альбертович Малишевский, который накануне уже был ранен, но продолжал оставаться в строю[10].

С конца сентября на берегах рек Висла и Сан начались наступательные действия русских войск, ожесточённый характер которых незамедлительно отразился на страницах полковых журналов. Адъютант 138-го Болховского полка 29 сентября писал: «В 8 часов утра полк под прикрытием тумана переправился через реку Вислу». Действия противника не заставили себя ждать, о чём свидетельствует запись: «Почти тотчас после занятия окопов германцы открыли артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь по ротам, расположенным в окопах». Понимая опасность возникновения русского плацдарма, немцы стали накапливать силы у деревень Вымыслов и Пшевоз с целью обойти правый фланг полка. Ситуация всё больше накалялась, а просьбы о помощи долгое время оставались без ответа. Возникла путаница с тем, какой из полков 35-й дивизии должен быть выдвинут на усиление позиций правого фланга. Только к вечеру на выручку подошёл 139-й Моршанский полк, занявший позиции в районе деревень Холендра и Вымыслов[11]. В тот же день части 140-го Зарайского полка форсировали Вислу в направлении Павловице с целью обеспечить безопасность переправы для шедших следом частей, однако вынуждены были бросить значительные силы на поддержку полков, уже вступивших в бой[12].

Ожесточённость боёв 29 сентября нашла своё отражение и на страницах журнала 137-го Нежинского полка: «Впереди шел бой — то Ширванцы, Самурцы и справа Болховцы отражали упорные атаки немцев, поддержанные сильным артиллерийским огнем»[13]. В тот день атаки обеих сторон приобрели характер маятника. Русские полки теснили немцев с позиций, но подходившие к врагу подкрепления заставляли наши части останавливаться и отходить на свои рубежи, после чего уже германцы пытались прорвать оборону русских, платя за это большую цену: «Деревня Самводзе и прилегавший к ней луг были усеяны немецкими трупами — частей резервного гвардейского корпуса. Дорого обошелся этот вечер немцам»[14]. Наибольший героизм тогда проявил заурядпрапорщик 137-го полка Иван Иванович Фесенко, который, увидев отступавших солдат соседнего Самурского полка, бросился к ним и повёл вперёд. Даже будучи раненным пулей навылет в грудь, он не позволял нижним чинам перенести его в тыл, говоря: «Я счастлив, что честно выполнил долг перед Богом, Царем и Родиной»[15].

После небольшой передышки 30 сентября русские части вновь перешли к решительным действиям. Отразив атаки немцев, 2 октября 138-й Болховский полк получил задачу полностью овладеть деревней Холендра: «Пулеметы германцев засыпали нас градом пуль; беспрестанно разрывались по всему расположению полка шрапнель и тяжелые снаряды; этот ад огня и смерти не поколебал людей, и они дружно пошли в наступле-

П.А. Лечицкий

Август фон Макензен

В.А. Добржанский

ние. Полк нес страшные потери, половина офицеров выбыла из строя, люди от бессонных ночей были до крайности утомлены, но все как один были проникнуты важностью возложенной на полк задачи, напрягли последние свои силы, выбили противника и к 6 часам вечера окончательно взяли д. Холендры, окопавшись в 300-х шагах южнее ее»[16].

Большие потери в офицерском составе и среди нижних чинов понёс и 12-й пехотный Великолукский полк 3-й пехотной дивизии, который с 2 по 7 октября вёл упорные бои в районе Вульки Торжинской. Несмотря на то что противник держал себя пассивно и не переходил в наступление, его ружейный и фланговый артиллерийский огонь в течение 30 минут привёл к потере 20 офицеров и более 1500 нижних чинов[17].

В первой декаде октября численность некоторых полков сократилась более чем наполовину. Как было зафиксировано 11 октября в журнале 140-го Зарайского полка, в 1, 2 и 3-м батальонах осталось в строю: «1 штаб офицер (больной подполковник Иванов), 3 капитана (из которых 1 капитан Добровольский болен), 4 офицера (кроме должностных), 6 подпрапорщиков, 107 унтер офицеров, 537 рядовых и ефрейторов и 42 санитара»[18].

Во второй декаде октября, поддерживая силы 35-й и 61-й пехотных дивизий, в бой вступили полки 41-й и 37-й пехотных дивизий и совместными усилиями стали развивать наступление. Из записей от 13 октября 1914 года в журнале 163-го Ленкоранско-Нашебургского полка 41-й пехотной дивизии виден ход боёв у населённого пункта Станиславов, в которых приняли участие 10-я и 12-я роты 3-го батальона. На страницах, посвящённых действиям 10-й роты, в частности, говорилось: «Рота прошла 800—900 шагов под сильным ружейным и пулеметным огнем противника, забрала около 300 человек пленных и, пройдя окопы противника, пошла на д. Станиславов»[19]. В итоге деревня была взята, однако развить успех не удалось ввиду подхода резервов противника. Тем не менее уже на следующий день немцы стали отходить.

В те же дни к линии боевого соприкосновения приближался 164-й Закатальский полк, также входивший в 41-ю дивизию. Записи, сделанные полковым адъютантом 10 октября, подтверждают масштабность прошедших здесь ранее боевых действий: «В 5 ч 15 мин. утра полк прибыл в Вульку Тыржинску. Деревня вся сожжена. Всюду валялась масса скота, убитого снарядами. У деревни все изрыто окопами. Часто попадались убитые немцы. Масса брошенных снарядов и патронов. Вся деревня была усеяна стаканами от артиллерийских снарядов. Видно, здесь был большой бой»[20]. Уже на следующий день полк вступил в тяжёлый бой у деревни Северинов. Адъютант полка писал: «...противник открыл сильный огонь, очень удачно поражая сначала расположение 3-го батальона, затем 2-го... Убыль в людях была велика»[21].

Дальнейший ход сражения в очередной раз подтверждал печально известный факт несогласованности действий между частями. Для связи с 138-м Болховским полком, который должен был находиться на левом фланге, была послана команда связи, которая обнаружила позиции пустыми: «выяснилось, что Болховский полк стоит в версте сзади, и на вопрос, почему они не идут занимать позицию, офицер ответил, что они пополняют патроны»[22]. Возникшее положение привело к тому, что к трём часам дня левый фланг, а затем и весь полк

На Висле. Отражение ночной атаки немецкой пехоты
Летопись войны 1914—1915 гг. 1915. № 22. 17 января.

Сибирские пехотинцы в полевой экипировке в Варшаве
30 декабря 1914 г.

Русский транспорт, переправляющийся через Вислу

начал отступление, ситуация «маятника» повторялась. Стоило русским войскам на определённом участке фронта добиться успехов, как тут же противник перехватывал инициативу на других участках.

Описываемые микроэпизоды сражения являются наглядным подтверждением общих историографических данных о «мясорубке», происходившей в масштабах большой операции, и упорстве русских войск. Отход германских подразделений на фронте 164-го Закатальского полка начался 14 октября: «немцами было оставлено несколько сот касок гвардейских полков, много оружия, снаряжения, штыков, лопат и пр.»[23]. На участках других полков противник также продолжал «цепляться за землю». На фронте 146-го Царицынского полка 37-й пехотной дивизии согласно журнальным записям ситуация на 11 октября выглядела следующим образом: «За сутки противник сильно увеличился. Число окопов выросло местами до 3-х ярусов, и мы насчитывали до 8 батарей при 2 гаубичных»[24]. Перед подразделением стояла задача в кратчайшие сроки прорвать линию фронта. В полку был зачитан приказ командующего IX армией Платона Алексеевича Лечицкого: «Ввиду тяжелого положения III армии генерала Радко-Дмитриева IX армии приказано облегчить ее положение, прорвав центр австрийской армии на р. Сан»[25].

Однако при выполнении данного приказа полк столкнулся с серьёзным вражеским сопротивлением. 16 октября в журнале было записано: «Ночное наступление не удалось ввиду полной неприступности позиций»[26]. Тем не менее уже днём противник начал общий отход по фронту, хотя на участке 146-го Царицынского полка сопротивление неприятеля продолжалось вплоть до 20-х чисел месяца. 21 октября полковой адъютант подпоручик Николаев записал в журнал: «Утром обнаружилось, что противник

М.М. Ставров

В.И. Жуковский

К.А. Малишевский

очистил свои позиции. В 9½ часа батальоны перешли в наступление и вскоре заняли город Сандомир… За день прошли 10 верст»[27].

Действия русских войск на реке Сан с 7 по 23 октября чётко охарактеризовал в полковом журнале командир 33-го пехотного Елецкого полка полковник Константин Фёдорович Щедрин: «Сила ружейного и артиллерийского огня по окопам часто достигала высшего напряжения, и стремление противника сбить нас с позиции носило угрожающий характер. Только спокойная твердость начальников, их распорядительность, бдительность, стойкость и уверенность людей в свою крепость помогли в течение 17-ти дней отбивать неоднократные повторные атаки и не только удерживать занимаемые позиции, но даже несколько продвинуться вперед»[28].

Плечом к плечу с частями армейской пехоты сражалась гвардия. В течение октября 1914 года лейб-гвардии Московский полк вместе с частями 2-й гвардейской пехотной дивизии вёл упорные бои позиционного и наступательного характера, часто переходившие в штыковые атаки. Об этом, в частности, свидетельствует запись в полковом журнале от 13 октября: «В 3 часа 30 минут атака одновременно началась по всему фронту. Не приняв штыка, противник бежал. Роты быстро продолжали движение, и, преследуя австрийцев огнем, к 6 часам вечера дошли до д. Черный Ляс». Противник начал поспешный отход. 15 октября в реляции полков 2-й гвардейской пехотной дивизии отмечалось: «п. Скарышев был занят около 2 часов дня. Население встретило части авангарда с хлебом и цветами»[29]. В описании боёв с 8 по 23 октября в районе Ивангорода также были отмечены действия лейб-гвардии Гренадерского полка. С 10 по 13 октября в районе деревень Старая Завада и Кациолка он вступил в сражение, а с 19 октября преследовал отступавшего противника, прерываясь лишь на ночёвки[30].

Однако в ходе наступательных действий отмечались и серьёзные организационные затруднения. 10 октября в журнале 2-го лейб-гвардии стрелкового Царскосельского полка описывались трудности продвижения к Ивангороду: «Движение полка опять было нарушено — полки 75-й пехотной дивизии врезались в нашу колонну, что мешало двигаться, роты разорвались, и приходилось несколько раз останавливать головную роту»[31]. Тем не менее дорожный коллапс был преодолён, и в последующие дни полковые подразделения совместно с другими гвардейскими и армейскими частями начали теснить австрийцев, вынудив их отступать к крепости Краков.

Проблемы организационного плана были отражены и в журнале 7-го стрелкового Сибирского полка, с 14 октября начавшего продвижение от Варшавы (практически не встречая сопротивления), но столкнувшегося со сложностями иного рода. 15 октября адъютант записал: «Отсутствие связи со штабами и неимение карт района следования действовали удручающе»[32]. Другой проблемой небоевого характера стало скудное снабжение провиантом и фуражом. Решать её приходилось самостоятельно, что ставило войска практически в безвыходное положение. Отмечалось отсутствие хлеба, овёс для лошадей покупался у местного населения за большие деньги и в малом количестве. Полковые обозы отстали, и связь с ними была потеряна[33].

В журналах полков, действовавших во втором эшелоне,

Переправа через Вислу у Ивангорода
Летопись войны 1914—1915 гг. 1914. № 14. 22 ноября.

Защитники Ивангорода во главе с генерал-майором А.В. фон Шварцем
Нива. 1914. № 48.

Пленные австрийцы, захваченные под Ивангородом

практически не встречаются упоминания о тяжёлых боях. Об этом, к примеру, свидетельствует запись в документе 200-го пехотного Кронштадтского полка 50-й пехотной дивизии от 25 октября 1914 года: «В 7 часов утра приказано во что бы то ни стало занять п. Коваль. Ввиду отступления противника п. Коваль взят без боя. По достоверным сведениям, противник очистил и Влоцлавек»[34].

Из-за больших потерь в конных частях на начальном этапе войны кавалерия стала переходить на ведение боя в пешем строю в атакующей и оборонительной манере. В разгаре германского наступления в журнале лейб-гвардии гусарского Гродненского полка 20 сентября 1914 года упоминалось, что он при 4 пулемётах занял позиции на гребне высот у деревень Гурки и Закжев, а по соседству лейб-гвардии Уланским полком были заняты стрелковые позиции у господского двора Пенхов[35]. Уже на следующей день последовало упоминание действий 2-го эскадрона полка в пешем строю по предотвращению прорыва вражеской пехоты[36].

Кроме того, акцент делался на ведение разведки и преследование противника. В качестве примера можно привести данные журнала лейб-гвардии Уланского Его Величества полка от 13 октября, согласно которым первоначально не удалось «сесть на хвост» неприятелю, крепко удерживавшему свои позиции, но через некоторое время положение изменилось, и поднятый по тревоге полк «галопом шел вслед за отступавшим противником». Походными заставами 3-го и 4-го эскадронов полковника А.Н. Эристова были захвачены 40 австрийцев. На следующий день разъезды эскадрона во главе со штабс-ротмистром А.Е. Панчулидзевым и корнетом Д.А. Ковалинским, подходя к местечку Зволень, атаковали окопавшуюся вражескую пехоту, а шедшие за ними в конном и пешем строю эскадрон штабс-

ротмистра С.А. Домонтовича взял Зволень. В ходе последующих действий в данном районе были взяты в плен 2 офицера, 333 нижних чина, захвачены 2 ящика со снарядами, а также освобождены из плена 34 раненых нижних чина русской армии[37].

Стоит отметить, что за доблесть, проявленную 14 октября 1914 года, Дмитрий Алексеевич Ковалинский, будучи уже в чине поручика, был награждён Георгиевским оружием. В реляции говорилось: «...находясь в разъезде с 12-ю уланами, 14 октября 1914 года в боях в районе кр. Ивангород был обстрелян из отдельно расположенного окопа противника на 50 человек. Поручик Ковалинский атаковал этот окоп в конном строю, изрубил 8 австрийцев, а остальных 38 человек взял в плен, потеряв только 2-х лошадей. Своей атакой оказал незаменимое содействие эскадрону при взятии последним посада Зволень»[38].

Содержащиеся в полковых журналах записи, отражающие ход Варшавско-Ивангородской операции 1914 года, позволяют оценить её различные важные аспекты, с точки зрения непосредственных участников боёв представить всю широту и многоплановость произошедших событий, проиллюстрированных яркими картинками фронтовой жизни, которых так не хватает общим историческим исследованиям прошлых лет. Наряду с героизмом русских воинов на страницах полковых журналов уже в полной мере отражаются недостатки высокого командования, проблемы боевой подготовки и снабжения действующей армии.

Примечания

[1] *фон-Шварц А.В.* Ивангород в 1914—1915 гг. Из воспоминаний генерал-лейтенанта А.В. фон Шварца — коменданта крепости. Париж: Танаис,1969. 174 с.

[2] *Нелипович С.Г.* Россия мёртвой хваткой держала своих врагов: официальные данные о потерях центральных держав в боях против русской армии в 1914—1918 г. // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 48; *он же.* Кровавый октябрь 1914 года: монография. М.: Минувшее, 2013. 800 с.

[3] *Олейников А.В.* Кампания 1914 г. на Русском фронте // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 9, 10.

[4] *Хавкин Б.Л.* Русский фронт Первой мировой войны (1914—1918 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 3—16.

[5] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2822. Оп. 1. Д. 20. Л.16 об.

[6] Там же. Ф. 2754. Оп. 2. Д. 134. Л. 28—29.

[7] Там же. Ф. 2752. Оп. 2. Д. 79. Л. 12.

[8] Там же. Ф. 2513. Оп. 1. Д. 16. Л. 46.

[9] Там же. Л. 157—159 об.

[10] Там же. Л. 162, 162 об.

[11] Там же. Ф. 2752. Оп. 2. Д. 79. Л. 13—14.

[12] Там же. Ф. 2754. Оп. 2. Д. 134. Л. 30.

[13] Там же. Ф. 2751. Оп. 2. Д. 840. Л. 54.

[14] Там же. Л. 55.

[15] Там же. Л. 55 об.—56.

[16] Там же. Ф. 2752. Оп. 2. Д. 79. Л. 15, 15 об.

[17] Там же. Ф. 2626. Оп. 2. Д. 968. Л. 2.

[18] Там же. Ф. 2754. Оп. 2. Д. 134. Л. 40, 40 об.

[19] Там же. Ф. 2777. Оп. 1. Д. 46. Л. 34.

[20] Там же. Ф. 2778. Оп. 2. Д. 73. Л. 98.

[21] Там же. 108 об.

[22] Там же. Л. 110.

[23] Там же. Л. 117.

[24] Там же. Ф. 2760. Оп. 2. Д. 112. Л. 73.

[25] Там же. Л. 76.

[26] Там же. Л. 78.

[27] Там же. Л. 86—87.

[28] Там же. Ф. 2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 77 об.

[29] Там же. Ф. 2322. Оп. 1. Д. 309. Л. 2 об.—3.

[30] Там же. Л. 8.

[31] Там же. Ф. 2588. Оп. 2. Д. 32. Л. 83, 83 об.

[32] Там же. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 6. Л. 27, 27 об.

[33] Там же. Л. 29.

[34] Там же. Ф. 2814. Оп. 1. Д. 83. Л. 60 об.

[35] Там же. Ф. 3551. Оп. 1. Д. 68. Л. 33.

[36] Там же. Л. 36.

[37] Там же. Ф. 3548. Оп. 1. Д. 8. Л. 14—15.

[38] Там же. Ф. Печатные издания. Оп. Печатные издания. Д. 14828. Л. 150 об.

A.N. Pluzhnikov, V.V. Kanishchev

«THE HELL OF FIRE AND DEATH DID NOT SHAKE THE PEOPLE, AND THEY CONTINUED TO FIGHT TOGETHER»

Warsaw-Ivangorod operation of 1914, as described in regimental battle journals

Information about authors. *Aleksandr Pluzhnikov — assistant professor at the Department of History and Philosophy of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Cand. Sc. (Hist.) (city of Tambov. E-mail: budberg77@mail.ru);*

Vladimir Kanishchev — assistant professor at the Department of History and Philosophy of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin, assistant professor of the Department of Security and Law Enforcement of the Tambov State Technical University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Tambov. E-mail: kan-vladimir-tamb@yaendex.ru).

Summary. *Against the background of studying the history of the First World War on a global scale, the microhistorical stories that characterize the course of local military actions and the situation in narrow sections of the front remain little known, as well as the mood and life of officers and enlisted men. The combat logs of the regiments of the Russian army that participated in the Warsaw-Ivangorod operation in 1914, which are stored in the Russian State Military Historical Archive and have not been previously introduced into scientific circulation, allow us to get a detailed insight into the situation on the individual sections of the front on the scale of units, battalions, companies, and squadrons. They provide a first-hand account of the actions of a specific unit, the behavior of soldiers, changes in the use of cavalry, and shortcomings in army management and supply. All this information was collected by regimental adjutants while the events were still fresh in their minds and, as a result, was characterized by its completeness and clarity, allowing us to confirm or challenge existing ideas about one of the most significant battles at the start of the Great War.*

Keywords: *World War I; Warsaw-Ivangorod Operation; Russian Front; Siberian rifle regiments; infantry regiments; guard units; defensive and offensive actions; behavior of soldiers and officers; combat journals; regimental adjutants; microhistorical stories.*

И.А. Захарченко

«ТАКИМИ ВОИНАМИ РОДИНА НАША МОЖЕТ, ПО СПРАВЕДЛИВОСТИ, ГОРДИТЬСЯ, КАК ГОРДИМСЯ ИМИ МЫ...»

Солдаты-приамурцы — георгиевские кавалеры Первой мировой войны

Сведения об авторе. *Захарченко Игорь Алексеевич — аспирант департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток. E-mail: zia1305@mail.ru).*

Аннотация. *Статья посвящена уроженцам Приамурского края, отличившимся на полях сражений Первой мировой войны. Цель исследования — выявить сведения о награждениях Георгиевскими крестами и медалями солдат-приамурцев, служивших в воинских частях Русской императорской армии в 1914—1917 гг. В качестве источников использованы опубликованные документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), дополненные сведениями из справочника С.Б. Патрикеева «Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914—1922 гг.». Собраны сведения о 178 георгиевских кавалерах. Показано, что большинство из них происходили из Приморской области. 148 человек служили в основном в пехотных и стрелковых частях, причём лишь 67 человек — в частях Приамурского военного округа. Уточнены обстоятельства совершённых подвигов и некоторые детали биографий героев Первой мировой войны, в т.ч. трёх полных георгиевских кавалеров. При сверке с изобразительными источниками выявлена неполнота архивных данных по награждениям периода Первой мировой войны, что заслуживает дальнейшего исследования.*

Ключевые слова: *Первая мировая война; периодическая печать; Приамурский военный округ; Сибирский армейский корпус; уроженцы Приамурского края; Приморская область; Амурская область; сведения о награждениях; Георгиевский крест; Георгиевская медаль; М.К. Сельверстов; К.И. Карлов; Я.А. Михайленко.*

В годы Первой мировой войны расположенный у холодных северных берегов Тихого океана Приамурский край был самой отдалённой от исторических центров и одной из самых молодых административно-территориальных единиц Российской империи. Военные действия не затронули регион непосредственно, однако приамурцы приняли участие в защите Отечества: добровольно или по мобилизации на военную службу поступили более 100 тыс. человек, около 10 проц. населения региона, в основном из Приморской и Амурской областей. В 1914—1915 гг. на фронт была отправлена бóльшая часть войск Приамурского военного округа[1].

Приморская пресса считала это возможностью для жителей далёкой окраины «запечатлеть преданность отечеству» и «научить себя уважать»[2] и с восхищением писала, что «сибирские стрелки покрыли себя вечной славой пред всем миром»[3], «такими воинами родина наша может, по справедливости, гордиться, как гордимся ими мы»[4]. На страницах газет солдат называли «дорогими защитниками», несущими «тяжкие труды», «неописуемые лишения», «великие жертвы» во имя защиты Родины, ее чести, ее свободы, ее достояния» в «великих и страшных битвах»[5], «братьями», которые, «сидя в окопах, ведут борьбу за право человеческих идеалов»[6].

Основными солдатскими наградами в Российской империи были Георгиевские кресты и Георгиевские медали, новый статут которых был утверждён императором Николаем II 10 августа 1913 года. И крест, и медаль имели 4 степени. Нумерация должна была вестись заново, раздельно по каждой степени. С начала войны до 16 февраля 1917 года были отчеканены и вручены около 1,5 млн Георгиевских крестов разных степеней[7] и 1,6 млн георгиевских медалей[8].

Огромную 15-летнюю работу по увековечиванию имён и фамилий более 900 тыс. награждённых Георгиевскими крестами во время Первой мировой и Граждан-

ской войн провёл С.Б. Патрикеев, выпустивший в 2012—2015 гг. многотомные «Сводные списки Кавалеров Георгиевского Креста. 1914—1922. I—IV ст.»[9]. В те же годы опубликованы «Сводные списки кавалеров Георгиевских медалей. 1914—1917 гг.»[10]. Однако наибольшую помощь в исследовании оказал проект Министерства обороны РФ «Герои Первой мировой войны» по оцифровке документов воинских частей, в т.ч. полковых книг потерь, журналов боевых действий, наградных списков и др., главным образом из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Материалы представлены на сайте «Первая мировая война 1914—1918» — информационный портал (gwar.mil.ru). В документах сайта размещены списки солдат (нижних чинов), награждённых Георгиевскими крестами и медалями, из фонда Военно-походной канцелярии (РГВИА. Ф. 970)[11].

Документы РГВИА содержат сведения о месте рождения награждённых, а не о месте проживания. В крестьянской стране географическая мобильность населения была невелика, и предполагалось, что большинство призывников проживают вблизи от места своего рождения. Поэтому в самом начале войны, осенью 1914 года, полки из Иркутска (7-я и 12-я Сибирские стрелковые дивизии) действительно состояли из сибиряков, но в дальнейшем из-за потерь пополнялись уроженцами из всех регионов России[12]. К началу 1916 года полки сибирских дивизий остались сибирскими только по названию. Так, в 15-й роте 27-го Сибирского стрелкового полка при штатной численности в 370 человек было лишь четыре сибиряка, а более половины состава роты являлись уроженцами Уфимской и Вятской губерний[13].

По сведениям на 1 марта 1914 года, в Приамурском военном округе дислоцировались три армейских корпуса, а также значительное количество частей, в них не вошедших[14].

I Сибирский армейский корпус — 1-я и 2-я Сибирские стрелковые дивизии, Уссурийская конная бригада, 1-й Сибирский мортирный и 2-й Сибирский тяжёлый артиллерийский дивизион, 1-й Сибирский сапёрный и 1-й Сибирский понтонный батальоны, 1-я Сибирская искровая рота, Сибирский воздухоплавательный батальон, Сибирский осадный инженерный парк, Южно-Уссурийская кадровая обозная рота.

Л. Ушаков, награждённый Георгиевской медалью 4-й степени

IV Сибирский армейский корпус — 3-я и 9-я Сибирские стрелковые дивизии, 4-й Сибирский мортирный артиллерийский дивизион, 6-й Сибирский сапёрный батальон.

V Сибирский армейский корпус — 6-я и 10-я Сибирские стрелковые дивизии, Амурский казачий полк, 5-й Сибирский мортирный артиллерийский дивизион, 3-й и 7-й Сибирские сапёрные батальоны.

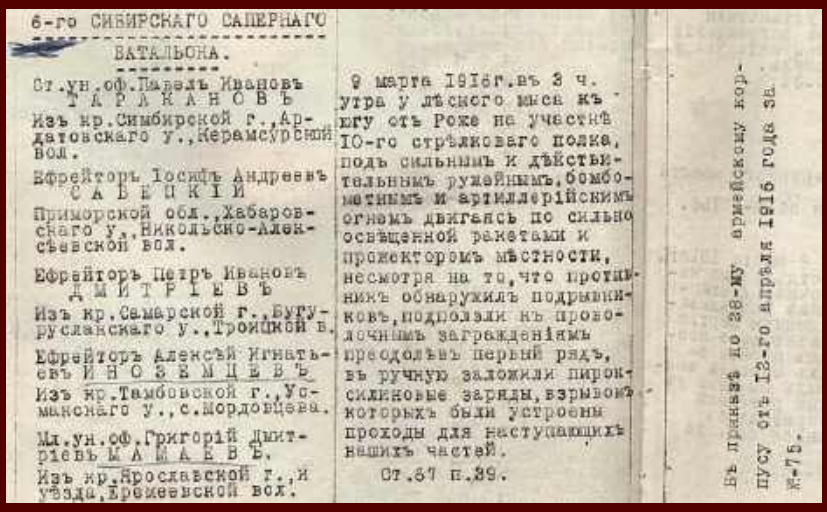
Списочный состав нижних чинов и офицеров в округе, по данным на 1 января 1912 года, был 126 271 и 3038 человек соответственно[15].

Но ввиду переселенческого статуса Дальнего Востока России, осваивавшегося со второй половины XIX века, причём наиболее активно — лишь после завершения строительства Транссибирской железнодорожной магистрали в начале XX века, в войсках Приамурского военного округа «коренные» приамурцы изначально составляли меньшинство. Приёмно-формулярные списки военнообязанных за 1914—1917 гг., хранящиеся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, в фонде Владивостокского городского по воинской повинности присутствия, показывают, что лишь 4 проц. призывавшихся на военную службу во Владивостоке в годы войны были уроженцами Приамурского края и 90 проц. — уроженцами других регионов (по 6 проц. нет сведений) (РГИА ДВ. Ф. 20).

По этой причине понятие «солдаты-приамурцы» может включать следующие категории: 1) уроженцы Приамурского края (потомки переселенцев второго-третьего поколений); 2) жители края, родившиеся в других регионах, но приехавшие на Дальний Восток взрослыми или детьми (в последнем случае вместе с родителями); 3) военнослужащие вышеперечисленных воинских частей Приамурского военного округа (которые могли быть как уроженцами и жителями края, так и призванными во время войны жителями других регионов).

Признавая актуальной задачу восстановления боевого пути и подвигов солдат приамурских воинских частей, мы в данной статье под приамурцами понимаем в узком смысле только уроженцев Приамурского края, которые участвовали в Первой мировой войне, оставляя пока за скобками переселенцев в первом поколении, многие из которых давно переехали на Дальний Восток и успели обзавестись семьями.

Примером такого «некоренного» приамурца является старший унтер-офицер 1-й роты 13-го Сибирского стрелкового полка Иван Павлович Шевчук. Этот в будущем известный советский военачальник родился в 1892 году в селе Чапля Летичевского уезда Подольской

6-го СИБИРСКАГО САПЕРНАГО
БАТАЛЬОНА.

Ст.ун.оф.Павелъ Ивановъ
ТАРАКАНОВЪ
Изъ кр.Симбирской г.,Ардатовскаго у.,Керамсурскій вол.

Ефрейторъ Іосифъ Андреевъ
САБЕЦКІЙ
Приморской обл.,Хабаровскаго у.,Никольско-Алексѣевской вол.

Ефрейторъ Петръ Ивановъ
ДМИТРІЕВЪ
Изъ кр.Самарской г.,Бугурусланскаго у.,Троицкой в.

Ефрейторъ Алексѣй Игнатьевъ
ИНОЗЕМЦЕВЪ
Изъ кр.Тамбовской г.,Усманскаго у.,с.Мордовцева.

Мл.ун.оф.Григорій Дмитріевъ
МАМАЕВЪ.
Изъ кр.Ярославской г.,и уѣзда,Ерзкеевской вол.

9 марта 1916г.въ 3 ч. утра у лѣсного мыса къ югу отъ Роже на участкѣ 10-го стрѣлковаго полка, подъ сильнымъ и дѣйствительнымъ ружейнымъ,бомбометнымъ и артиллерійскимъ огнемъ двигаясь по сильно освѣщенной ракетами и прожекторомъ мѣстности, несмотря на то,что противникъ обнаружилъ подрывниковъ,подползли къ проволочнымъ загражденіямъ преодолѣвъ первый рядъ, въ ручную заложили пироксилиновые заряды, взрывомъ которыхъ были устроены проходы для наступающихъ нашихъ частей.
Ст.87 п.39.

Въ приказѣ по 28-му армейскому корпусу отъ 12-го апрѣля 1916 года за №-75.

Переписка о награждении. Наградная строка на И.А. Сабецкого
РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1926.

Награждение Георгиевской медалью «За храбрость»

Колодка с Георгиевскими наградами

губернии. В 1909 году семья в качестве переселенцев переехала на Дальний Восток. Обосновалась в Хабаровске, где Иван Павлович трудился грузчиком на пристани. В 1913 году был призван в армию, служил в 39-м и 13-м Сибирских стрелковых полках, дослужился до прапорщика. Фотография, сделанная в 1916 году в Хабаровске и хранящаяся в каталоге фотодокументов Гродековского музея (г. Хабаровск), показывает Шевчука с одним Георгиевским крестом, что соответствует хронологии награждений. В описании к ней отмечено, что он получил Георгиевский крест 4-й степени № 339791 в начале 1915 года на Северо-Западном фронте в составе 12-й армии и Георгиевский крест 3-й степени № 251123 — за отличие в бою 2 сентября 1917 года у д. Калнмуйжнек[16]. При этом сайт «Памяти героев Великой войны» не содержит сведений о Шевчуке и его наградениях.

Для поиска георгиевских кавалеров — уроженцев Приамурского края (сведения о которых есть в приложении к данной статье) мы использовали документы о награждениях, в которых указывались место рождения героя и часть, в которой он служил. Львиная доля таких документов была сосредоточена в делах двух типов, имевших стандартные заголовки: «Списки награждённых» и «Переписка о представлении к наградам». Подобные источники выявлены по всем исследуемым награждённым приамурцам. Дела подобного вида весьма информативны, так как в них отлагаются документы о представлении к наградам (с полным описанием подвига, с выводом о его соответствии определённой статье статута, часто встречаются место рождения, семейное положение и вероисповедание).

В ходе работы с документами Российского государственного военно-исторического архива были выявлены награждённые приамурцы — уроженцы Приморской и Амурской областей. Всего таковых оказалось 178 человек.

Из них Георгиевской медалью 4-й степени «За храбрость» награждены 19 человек, Георгиевский крест 4-й степени получили 126 человек, 3-й степени — 23 человека, 2-й степени — 7 человек, 1-й степени — 3 человека. Сведения о числе кавалеров по параметрам административного деления Приамурского края в период 1914—1917 гг. показаны в таблице 1.

Поиск документов о награждениях проводился по ключевым словам в поисковой системе сайта «Первая мировая война». Всего были применены 11 поисковых видов наименований. Результативными на момент исследования оказались только 7. Рассмотрим каждый из них.

Изначально поиск вёлся по месту жительства / месту призыва. Для этого в рубрике «Герои войны» мы вводили параметры административных единиц Приамурского края. Так, при вводе в параметр «Губерния» наименований «Приморская область» и «Амурская область» были найдены документы о награждении 91 и 62 человек соответственно. Поиски по уроженцам Сахалинской и Камчатской областей результатов не дали, и это было предсказуемо, т.к. население там было крайне немногочисленным и в период мобилизации из данных областей призыв на военную службу не осуществлялся.

Дополнительные сведения о награждённых мы получили при введении в параметр поиска «Населённый пункт» названий городов Владивосток и Никольск-Уссурийский. Эти города хоть и относились к Приморской области Приамурского края, но в параметрах поиска награждённые выявляются только при введении этих данных. Так, при введении параметра в «Населённый пункт» города Владивосток нами был выявлен георгиевский кавалер 4-х степеней старший унтер-офицер 15-го стрелкового его величества короля черногорского Николая I полка Яков Антонович Михайленко, уроженец г. Владивостока. Поисковый параметр «Населённый пункт» г. Владивосток и Никольск-Уссурийский дали нам дополнительно 9 новых фамилий героев, награждённых Георгиевскими крестами, в т.ч. и одного полного георгиевского кавалера.

Т.С. Малков, старший унтер-офицер 2-й роты 22-го Сибирского стрелкового полка, кавалер Георгиевского креста 4-й степени

В списке награждённых 20-го Сибирского стрелкового полка в графе «Губерния и уезд награждённого» числится уроженец Никольск-Уссурийского уезда Приамурской области Николай Платонович Купцов, награждённый Георгиевским крестом 4-й степени № 426050[17]. А в списке награждённых 17-го стрелкового полка стрелок Макар Пугачёв, награждённый Георгиевским крестом 4-й степени № 420583[18], в этой же графе уже значится как уроженец Амурского уезда Приамурской губернии. Если с наименованиями уездов всё «хорошо», то Приамурская область и Приамурская губерния — это ошибка писаря или искажённая информация из уст самих опрашиваемых, потому как на тот момент административных единиц с таким названием в Российской империи не существовало. Но, полагаясь и на эту ошибочную запись, мы ввели в поисковую систему параметр «Приамурская губерния» и получили дополнительно ещё 14 документов о награждении уроженцев Приамурского края. Ошибочные сведения выявлены и при изучении документов о награждении младшего унтер-офицера 72-го пехотного Тульского полка Адольфа Петровича Петруцкого, награждённого 2 апреля 1916 года Георгиевским крестом 4-й степени № 474504 от имени государя императора его императорским высочеством

Таблица 1

Сведения о числе георгиевских кавалеров Приамурского края

№ п/п	Административные единицы	Медаль 4-й степени	Георгиевский крест				Всего
			4-я степень	3-я степень	2-я степень	1-я степень	
1	Приморская обл.	10	81	14	7	3	115
2	Амурская обл.	9	45	9	—	—	63
	Итого:	**19**	**126**	**23**	**7**	**3**	**178**

Составлена по: Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes.

великим князем Георгием Михайловичем за отличие в боях с 5 по 12 марта 1916 года[19]. В переписке о награждении в графе «Откуда происходит. Губерния» отпечатано «Забайкальская губерния», что также не соответствует административному делению Приамурского края. Ошибочные названия административных единиц Приамурского края мы выделили в отдельную строку с пояснением в примечании. С результатами сведений о числе кавалеров Приамурского края в период 1914—1917 гг. по поисковым наименованиям можно ознакомиться в таблице 2.

При изучении документа о награждении младшего урядника Уссурийского казачьего полка Петра Павловича Рунаева Георгиевской медалью 4-й степени № 474076 (дата вручения 10 апреля 1916 г.)[20] было выявлено, что Пётр Рунаев (без отчества и места рождения) с аналогичным званием и местом службы встречается в наградных списках с Георгиевским крестом 4-й степени № 857744[21]. При обращении к сведениям С.Б. Патрикеева выявлено, что Георгиевским крестом с этим же номером награждён 25 августа 1916 года Пётр Павлович Рунаев — Уссурийский казачий полк, младший урядник, награждён генерал-адъютантом П.П. Барановым, командированным в действующую армию на Северный фронт[22].

Можно предположить, что параметры поисков георгиевских кавалеров Приамурского края можно расширить, введя в поисковую систему фамилию и имя героя. Но в связи с неполнотой данных, как видно на примере Шевчука, это работает только в некоторых случаях. Например, в упомянутом выше каталоге фотодокументальных материалов периода Первой мировой войны из коллекции Гродековского музея обнаружена фотография с подписью «Семья Простокишиных, жителей с. Ивановки или Тамбовки Амурской области. Стоит приказный УКВ кавалер Георгиевской медали 4-й ст. Простокишин»[23]. Солдат на фотографии действительно запечатлён с этой медалью. Портал «Памяти героев Великой войны 1914—1918 годов» содержит упоминание о младшем унтер-офицере 22-го гренадерского Суворовского полка 6-й гренадерской дивизии Андрее Гавриловиче Простокишине, уроженце Амурской области, Ивановской волости, селения Ивановское, в связи с его ранением 13 марта 1917 года в Богуславской роще. Но не позволяет выявить документы о его награждении Георгиевской медалью. Поэтому А.Г. Простокишин не входит в статистику награждений приамурцев, приведённую в этой статье.

Подвиги, за которые нижние чины удостаивались наград, были различны, все их описать невозможно, поэтому рассмотрим наиболее характерные.

Подпрапорщик 35-го Сибирского стрелкового полка Тимофей Минович Шнуренко (Приморская обл., Иманский уезд, Успенская вол.) награждён Георгиевским крестом 3-й степени № 69789 от имени Верховного Главнокомандующего за бой у посёлка Замброва. В том бою был тяжело ранен командир сводной роты прапорщик Белокоз. Из-за потери управления подразделение стало отступать. Посланный командиром полка подпрапорщик

Таблица 2

Сведения о числе георгиевских кавалеров Приамурского края по поисковым наименованиям

№ п/п	Поисковые наименования	Медаль 4-й степени	Георгиевский крест				Всего
			4-я степень	3-я степень	2-я степень	1-я степень	
1	Приморская обл.	10	65	10	4	2	91
2	Амурская обл.	9	44	9	—	—	62
3	Сахалинская обл.	—	—	—	—	—	—
4	Камчатская обл.	—	—	—	—	—	—
5	Владивосток	—	2	1	2	1	6
6	Никольск-Уссурийский	—	1	1	1	—	3
7	Хабаровск	—	—	—	—	—	—
8	Благовещенск	—	—	—	—	—	—
9	Приамурская губерния*	—	12	2	—	—	14
10	Забайкальская обл.*	—	1	—	—	—	1
11	По фамилии, имени и номеру награды	—	1	—	—	—	1
	Итого:	**19**	**126**	**23**	**7**	**3**	**178**

Составлена по: Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes.

* Несуществующие административные единицы Приамурского края.

Т.М. Шнуренко сумел восстановить порядок в роте, вернуть её на прежние позиции и отбить наступление врага[24].

В РГВИА обнаружено повторное награждение Т.М. Шнуренко Георгиевским крестом 3-й степени № 94405[25]. Награды, выданные повторно, как правило, изымались и передавались в Капитул орденов, а награждённые исключались из списка Капитула как ошибочно повторно пожалованные знаком одной и той же степени. Обычно в таких случаях, если кто-то из нижних чинов получал один из крестов какой-либо степени повторно, ему таковой заменяли на крест высшей степени. Так и произошло в данном случае. Вместо креста 3-й степени № 94405 нашему герою был пожалован крест 2-й степени № 37785[26].

Во время боёв с 16 по 29 июля 1915 года рядовой 161-го пехотного Александропольского полка Иван Михайлович Никифоров (г. Владивосток, Приморская обл.) действовал в разведке, доставляя важные сведения о противнике. Он и его сослуживец, находясь впереди роты, с криком «ура!» бросились на атаковавшего противника, увлекая за собой товарищей, чем содействовали успешному выполнению задачи. За личное мужество и храбрость в боях И.М. Никифоров был награждён от имени государя императора Георгиевским крестом 4-й степени № 423375[27].

9 марта 1916 года на участке у лесного мыса к югу от Роже солдаты 6-го Сибирского сапёрного батальона готовились обеспечивать наступление подразделений 10-го стрелкового полка. Ефрейтор Иосиф Андреевич Сабецкий (Приморская обл., Хабаровский уезд, Николо-Алексеевская волость) в 3 ч ночи под сильным ружейным, бомбомётным и артиллерийским огнём подполз к проволочным заграждениям противника и заложил пироксилиновые заряды. С их подрывом были открыты проходы для наступавших подразделений. От имени государя императора И.А. Сабецкий был награждён Георгиевским крестом 3-й степени № 79622[28].

По результатам исследования на момент изучения документов о награждении приамурцев были выявлены 3 полных георгиевских кавалера:

1. Михаил Константинович Сельверстов. Место рождения: Приморская обл., Никольск-Уссурийский уезд. Место службы: 2-я батарея 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, младший фейерверкер. Награждён Георгиевским крестом 1-й степени № 5705 28 сентября 1915 года от имени государя императора его императорским высочеством великим князем Георгием Михайловичем за отличие в боях[29].

2. Карп Иванович Карлов. Место рождения: Приморская обл. Место службы: 36-й Сибирский стрелковый полк, старший унтер-офицер. 28 сентября 1915 года на ст. Вилейка награждён Георгиевским крестом 1-й степени № 6914 от имени государя императора его императорским высочеством великим князем Георгием Михайловичем за отличие в боях. Имеет Георгиевскую медаль 4-й степени № 99063 и кресты: 2-й степени № 3947, 3-й степени № 122248, 4-й степени № 113616[30].

При перекрёстной проверке награждений К.И. Карлова выявлена информация, не соответствующая действительности. Так, в переписке о награждении значится, что старший унтер-офицер 36-го Сибирского стрелкового

Таблица 3

Сведения о числе кавалеров Георгиевского креста Приамурского края по родам войск

№ п/п	Наименование войск	Медаль 4-й степени	Георгиевский крест				Всего
			4-я степень	3-я степень	2-я степень	1-я степень	
1	Гвардия	—	1	—	—	—	1
2	Гренадеры	—	—	—	—	—	—
3	Пехотные части	1	48	7	—	—	56
4	Стрелковые части	14	56	14	6	2	92
5	Регулярная кавалерия	—	1	—	—	—	1
6	Казаки	3	1	—	—	—	4
7	Артиллерия	—	12	1	1	1	15
8	Инженерные войска	1	4	1	—	—	6
9	Пограничная стража	—	1	—	—	—	1
10	Санитарные части	1	1	—	—	—	1
11	Прочие части	—	1	—	—	—	1
	Итого:	**19**	**126**	**23**	**7**	**3**	**178**

Составлена по: Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes.

полка Карп Иванович Карлов родился в Приморской области, в Алексеевском уезде, в Сазоновской волости. Но в Приморской области не было ни Алексеевского уезда, ни Сазоновской волости. При поиске нашего героя по спискам потерь установлено, что 5 февраля 1917 года К.И. Карлов был госпитализирован в г. Саратов с воспалением аппендицита. В уведомлении о приёме больного есть запись, что местом рождения Карпа Ивановича была Амурская область[31]. Вероятно, таких ошибок в документах и в последующем будет обнаружено немало.

3. Яков Антонович Михайленко. Место рождения: г. Владивосток. Место службы: 7-я рота 15-го стрелкового его величества короля черногорского Николая I полка, старший унтер-офицер. Награждён Георгиевским крестом 1-й степени № 6600 12 ноября 1915 года от имени государя императора его императорским высочеством великим князем Георгием Михайловичем за отличие в Чарторийской операции 11 ноября 1915 года. Имеет Георгиевские кресты: 2-й степени № 17672, 3-й степени № 89154, 4-й степени № 492429[32]. 20 июня 1916 года в чине подпрапорщика под местечком Торчин ранен в левое плечо[33].

Также была проведена работа по выявлению воинских частей, в которых осуществлялось награждение приамурцев Георгиевскими крестами и медалями. Таких частей оказалось 95. Так как наименований воинских частей большое количество, автор решил представить награждённых по родам войск. Сведения о награждённых приамурцах по родам войск представлены в таблице 3. Из неё видно, что наибольшее число награждений было в пехоте. Это и неудивительно, ведь пехота — самый многочисленный род войск, и в боях она принимает самое непосредственное участие. Конкретные части показаны в таблице 4.

Подводя итог работы, следует обратить внимание на то, что история Первой мировой войны хоть и открывает свои некоторые неведомые стороны, но хранит в себе ещё много тайного и интересного. Надо понимать, что выявленные нами данные являются на момент исследования неполными, процесс установления имён героев происходит по крупицам и банк данных информационного ресурса постоянно пополняется и обновляется.

С появлением первоначальных данных о героях-приамурцах в годы Первой мировой войны все данные будут аккумулироваться в отдельном справочнике с разделами о георгиевских кавалерах и их подвигах, со списками погибших, раненых и без вести пропавших уроженцах Приамурского края, с некрологами из дальневосточных газет, письмами с фронта, а также сведениями о судьбе солдат после войны.

Источники иллюстраций: Каталог фотодокументальных материалов периода Первой мировой войны (1914—1918 гг.) из коллекции Гродековского музея / Авт.-сост. А.В. Шестаков. Хабаровск: Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова, 2020; РГВИА; ГПИБ.

Таблица 4

Приамурцы — георгиевские кавалеры частей Приамурского военного округа, отправленных на фронт

№ п/п	Сибирский армейский корпус	Части	Медаль 4-й степени	Георгиевский крест				Всего
				4-я степень	3-я степень	2-я степень	1-я степень	
1	I	1-я Сиб. стр. див.	—	18	3	1	—	
		2-я Сиб. стр. див.	—	3	1	1	—	
		Уссур. кон. бригада	1	—	—	—	—	
2	IV	3-я Сиб. стр. див.	5	2	—	—	—	
		9-я Сиб. стр. див.	1	5	2	2	—	
		6-й Сиб. сап. бат.	—	—	1	—		
3	V	6-я Сибир. стр. див.	—	5	3	2	1	
		10-я Сибир. стр. див.	1	3	1	—	—	
		1-й Амурск. каз. п.	1	1	—	—	—	
		3-й Сиб. сап. бат.	—	2	—	—	—	
		7-й Сиб. сап. бат.	1	—	—	—	—	
			10	**39**	**11**	**6**	**1**	**67**

Составлено по: Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes.

Примечания

[1] *Авилов Р.С.* Приамурский военный округ (1884—1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 11. С. 9.

[2] *Гарев П.* Сибирь — отечеству // Владивостокский день печати. 1915. 1 мая. С. 1.

[3] *Новиков-Сибирский.* Сибирскому стрелку // Далекая окраина. 1915. 3 мая. С. 1.

[4] Сибирским войскам // Сибирскому стрелку. Издание тружеников печати г. Владивостока. 1915. 29 июня. Понедельник. С. 2.

[5] Братьям-воинам // На подарки армии. Издание Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам (г. Владивосток). 1916. 7 декабря. С. 1.

[6] *Секурс.* В борьбе право // Там же.

[7] *Дуров В.А.* Солдатские Георгиевские кресты 1-й Мировой войны // Военная быль. 1993. № 4(133). С. 3.

[8] *Он же.* Георгиевская медаль в годы Первой мировой войны // Награды Императорской России 1702—1917 гг. URL: http://medalirus.ru/stati/durov-georgievskaja-medal-voiny.php.

[9] *Патрикеев С.Б.* Сводные списки Кавалеров Георгиевского креста 1914—1922 гг. М.: Духовная Нива, 2012—2015.

[10] Сводные списки кавалеров Георгиевских медалей, 1914—1917 гг. / Сост. С.А. Гарост. [Минск, 2014].

[11] Памяти героев Великой войны 1914—1918 гг. URL: https://gwar.mil.ru.

[12] *Новиков П.А.* Полки из Иркутска в боях Первой мировой войны: 7-я и 12-я Сибирские стрелковые дивизии в 1914—1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 1(18). С. 63—72.

[13] *Ануфриев А.В.* Георгиевские кавалеры 7-й Сибирской стрелковой дивизии (из опыта анализа источников) // Десятые байкальские социально-гуманитарные чтения. Материалы в 2 т. Т. 1. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2017. С. 262—269; *он же.* Георгиевские кавалеры 7-й Сибирской стрелковой дивизии // Бельские просторы. URL: https://belprost.ru/articles/po-stranitsam-bylogo/2023-03-22/aleksandr-anufriev-georgievskie-kavalery-7-y-sibirskoy-strelkovoy-divizii-3186702.

[14] Краткое расписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 марта 1914 г. СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. С. 230—232.

[15] *Авилов Р.С.* Приамурский военный округ в годы Первой мировой войны: войска и оборонительные задачи // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России: монография / Под ред. Л.И. Галлямовой. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 8.

[16] Каталог фотодокументальных материалов периода Первой мировой войны (1914—1918 гг.) из коллекции Гродековского музея / Авт.-сост. А.В. Шестаков. Хабаровск: Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова, 2020. С. 224.

[17] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 970. Оп. 3. Д. 1917. // Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie35043564.

[18] РГВИА. Ф. Печатные издания. Д. 1923 // Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie35081092.

[19] *Патрикеев С.Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского Креста: 1914—1922 гг. IV степень № 400001—500000. С. 879.

[20] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1917 // Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie35164240.

[21] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1937 // Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie35333914.

[22] *Патрикеев С.Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского Креста: 1914—1922 гг. IV степень № 800001—900000. С. 510.

[23] Каталог фотодокументальных материалов периода Первой мировой войны (1914—1918 гг.) из коллекции Гродековского музея. С. 102.

[24] *Патрикеев С.Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского Креста: 1914—1922 гг. III степень № 1—120000. С. 715.

[25] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1924 // Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_nagrazhdenie35158624.

[26] *Патрикеев С.Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского Креста: 1914—1922 гг. I степень № 1—42480. II степень № 1—85030. С. 718.

[27] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1918 // Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes.

[28] РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1926 // Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes.

[29] *Патрикеев С.Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского Креста: 1914—1922 гг. I степень № 1—42480. II степень № 1—85030. С. 72.

[30] Там же. С. 90, 345; III степень № 120001—338650. С. 14; IV степень. № 100001—200000. С. 139.

[31] РГВИА. Ф. Картотека бюро учёта потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 1557-К // Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital22462864.

[32] *Патрикеев С.Б.* Сводные списки кавалеров Георгиевского Креста: 1914—1922 гг. I степень № 1—42480. II степень № 1—85030. С. 85, 504; III степень № 1—120000. С. 949; IV степень № 400001—500000. С. 1113.

[33] РГВИА. Ф. Картотека бюро учёта потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящик 2210-М // Первая мировая война 1914—1918. Информационный портал. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital22173540.

I.A. Zakharchenko

«OUR HOMELAND, IN ALL FAIRNESS, CAN BE PROUD OF SUCH WARRIORS, AS WE ARE PROUD OF THEM...»

Amur soldiers, Knights of the St. George Cross from the First World War

Information about author. *Igor Zakharchenko — postgraduate student of the Department of History and Archaeology at the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (city of Vladivostok. E-mail: zia1305@mail.ru).*

Summary. *The paper is dedicated to the people from the Amur region who distinguished themselves during the First World War. The goal of the research is to find information about the awards of the St. George Cross and medals to soldiers from this region who served in military units of the Russian Imperial Army between 1914 and 1917. The authors used published documents from the Russian State Military Historical Archive as well as information from S.B. Patrikeyev's book Consolidated Lists of Cavaliers of the St. George's Cross, 1914—1922 to gather our data. Information about 178 Knights of St. George has been collected. It has been shown that most of them came from the Primorsky Region. Of these, 148 served mainly in infantry and rifle units, and only 67 served in the units of the Primorsky Military District. The circumstances of the feats performed and some details of the biographies of the World War I heroes have been clarified, including the three full Knights of St. George. However, when comparing with pictorial sources, the incompleteness of archival data on World War I awards has been revealed. This issue deserves a further study.*

Keywords: *World War I; periodical press; Amur Military District; Siberian Army Corps; natives of the Amur Region; Primorsky Region; Amur Region; information on awards; St. George Cross; St. George Medal; M.K. Selverstov; K.I. Karlov; Ya.A. Mikhailenko.*

Л.А. Рыбочкин

«АФГАНСКИЙ ОПЫТ ИМЕЕТ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ...»

Особенности подготовки водителей и механиков-водителей 40-й армии в Афганистане (1979—1989 гг.)

Сведения об авторе. *Рыбочкин Леонид Андреевич — преподаватель кафедры тактики Новосибирского высшего военного командного училища, подполковник (г. Новосибирск. E-mail: Rybochkinleonid@gmail.com).*

Аннотация. *В статье представлены результаты изучения и обобщения истории подготовки на территории СССР водителей колёсных и механиков-водителей гусеничных машин для Ограниченного контингента советских войск в Афганистане, а также в ходе их службы в войсках 40-й армии в 1979—1989 гг. Эта подготовка была организована в три этапа. Первый — в учебных организациях ДОСААФ; второй — в учебных центрах и частях Туркестанского и Среднеазиатского военных округов; третий — на территории Афганистана в соединениях и воинских частях 40-й армии в ходе ввода в строй молодого пополнения, солдат, сержантов срочной службы, а также при подготовке к выполнению боевых задач. Совершенствование знаний и навыков водителей позволяло снижать потери и аварийность эксплуатации колёсных и гусеничных машин. Афганский боевой опыт, который в последующем применялся во время боевых действий на Северном Кавказе в конце XX — начале XXI века, остаётся актуальным в современных условиях.*

Ключевые слова: *подготовка водителей колёсных и механиков-водителей гусеничных машин; 40-я армия; ввод войск; учебные организации ДОСААФ; Туркестанский военный округ; Среднеазиатский военный округ; Ограниченный контингент советских войск в Афганистане (ОКСВА).*

По оценке председателя Российского исторического общества, директора Службы внешней разведки РФ С.Е. Нарышкина, «афганский опыт имеет особую ценность для проведения специальной военной операции, специальной освободительной операции»[1]. Накопленный в Демократической Республике Афганистан (ДРА) опыт автотранспортного обеспечения умело применялся при ведении боевых действий на Северном Кавказе[2]. Его наряду с другими аспектами не обошли вниманием исследователи истории ОКСВА. Но такому важному слагаемому эффективности выполнения боевых задач, как подготовка водителей колёсных и механиков-водителей гусеничных машин, уделили недостаточно внимания. В ряде источников об этом даже не упоминается. В некоторых данная тема лишь затронута, но не раскрыта. В настоящей статье предпринята попытка осветить этот аспект с использованием сведений из архивных документов и других источников.

Водители и механики-водители приступили к выполнению боевых задач в Демократической Республике Афганистан с началом ввода войск в ДРА при переправе по понтонному мосту через Амударью 25 декабря 1979 года и завершили после того, как пересёкший 15 февраля 1989 года в обратном направлении мост через эту пограничную реку последним из воинов ОКСВА командующий 40-й армией генерал-лейтенант Б.В. Громов произнёс фразу, ставшую знаменитой: «За моей спиной нет ни одного советского солдата»[3].

В направленной накануне ввода войск в ДРА директиве № 312/12/001 министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов и начальник Генерального штаба Вооружённых сил СССР Маршал Советского Союза Н.В. Огарков указали: «С учётом военно-политической обстановки на Среднем Востоке последнее обращение правительства Афганистана рассмотрено положительно. Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств...». Участие в боевых действиях данной директивой не предусматривалось. Соединениям и частям были поставлены боевые задачи на подавление сопротивления

мятежников в директиве министра обороны СССР от 27 декабря № 312/12/002. «На проведение всех мероприятий, непосредственно связанных с вводом войск в ДРА, отводилось очень мало времени — менее суток. Такая поспешность не могла не сказаться негативно в дальнейшем. Многое оказалось неподготовленным, непродуманным, что и привело к дополнительным потерям»[4].

Для ОКСВА были развёрнуты около 100 соединений, частей и учреждений. В их числе управления 40-й армии и смешанного авиакорпуса, три мотострелковые дивизии в Туркестанском (ТуркВО) и одна в Среднеазиатском (САВО) военных округах, артиллерийская, зенитная ракетная и десантно-штурмовая бригады, отдельный мотострелковый и армейский реактивный артиллерийский полки, части связи, разведки, тыловые и ремонтные. Доукомплектованы до полного штата воздушно-десантная дивизия, отдельный парашютно-десантный полк, части авиационно-технического и аэродромного обеспечения. Из запаса на укомплектование войск призваны более 50 тыс. офицеров, сержантов и солдат, поданы из народного хозяйства около 8000 автомобилей.

Надо сказать, что местные органы власти, руководители предприятий, хозяйств, военкоматы и воинские части оказались не готовы к столь масштабным мобилизационным мероприятиям. В первые дни отмобилизования никто не обращал внимания на качество подготовки специалистов, которыми комплектовали подразделения. А когда начали экстренно заменять призванных из запаса военнослужащих, не владевших военно-учётными специальностями по должностям, на которые их назначили, обнаружилась острая нехватка механиков-водителей танков и БМП, водителей колёсных машин, операторов ПТУРС и РЛС, наводчиков орудий. Были случаи назначения водителей колёсных машин механиками-водителями гусеничной техники. Большое число военнообязанных не разыскали. Многие офицеры запаса, подготовленные на военных кафедрах гражданских вузов, в армии никогда не служили и не обладали навыками по военным специальностям.

С началом ввода войск в ДРА «соединения и части, предназначенные для действий в качестве резерва, продолжали формироваться». Так, 201-я мотострелковая дивизия начала отмобилизовываться только вечером 24 декабря. Приняв за трое суток мобресурсы, совершила марш и к исходу 28 декабря сосредоточилась в районе Термеза. Затем было решено доукомплектовать её военнослужащими из групп советских войск. В январе провели замену ими ранее призванного приписного состава и в конце месяца ввели 201 мсд в северные районы ДРА[5].

Воевать соединениям и частям 40-й армии пришлось в очень сложных климатических и эпидемиологических условиях горно-пустынной местности. Почти полное отсутствие железных дорог и единственная судоходная река — Амударья, частично протекавшая по советско-афганской границе, определили главную и незаменимую роль формирований автомобильных войск в снабжении ОКСВА. Слабо развитую дорожную сеть ДРА ко времени ввода туда советских войск составляли около 10 тыс. км автодорог с покрытием, включая грунтовые улучшенные, а с учётом грунтовых дорог и караванных путей — 18,3 тыс. км[6]. Горы занимают около ¾ территории Афганистана. Типичны альпийские хребты с узкими гребнями, крутыми склонами, глубокими долинами и среднегорья со сглаженными вершинами и мягкими очертаниями. Субтропический континентальный сухой климат, высокие, низкие температуры и их резкие перепады, нехватка кислорода, отсутствие воды[7], инфекционные болезни создавали значительные трудности. В этих условиях автомобилисты 40-й армии ежесуточно доставляли в войска и мирным жителям десятки тысяч тонн грузов. В пути ежедневно находились 25—30 автоколонн общим числом автомашин до 1500. За время пребывания наших войск в ДРА их автотранспорт перевёз более 10 млн т[8].

Особенности театра военных действий (ТВД) требовали изменений в подготовке личного состава, в т.ч. водителей колёсных и механиков-водителей гусеничных машин. Но времени на это до начала ввода 40-й армии в ДРА не было. В декабре 1979 года по результатам проверки 201 мсд командующий 40-й армией генерал-лейтенант Ю.В. Тухаринов оценил уровень подготовки механиков-водителей и водителей как неудовлетворительный, констатировал: «...В частях выявлено отсутствие планов и программ боевой подготовки, в подразделениях — расписаний занятий, через 2—3 дня после прибытия пополнения занятия с ним по боевой подготовке не проводились...»[9].

В результате отмобилизования из запаса были призваны 56 тыс. человек при общей численности 40-й армии в 74,5 тыс. военнослужащих. Уровень подготовки призванного личного состава оценивался как низкий[10]. Несоответствие уровня подготовки водителей и механиков-водителей сложным дорожным условиям Афганистана приводило к потерям личного состава, вооружения и военной техники. Например, при вводе войск 40-й армии в ДРА в декабре 1979 года в 108 мсд погибли четыре человека[11]. В ходе марша дивизии по маршруту Термез — Кабул протяжённостью около 500 км из-за неудовлетворительной подготовки водителей и механиков-водителей были выведены из строя 43 единицы бронетанковой техники. Наиболее трудным этапом марша стало преодоление перевала Саланг[12]. В связи с тем, что призванные из запаса, в т.ч. водители и механики-водители, были не готовы к выполнению боевых задач в условиях Афганистана, 1—5 февраля 1980 года весь личный состав, призванный при от-

Колонна
Художник С.В. Гапонов

Советские танки близ Кабула

Афганская война (1979—1989 гг.). Советская колонна на марше
Фото Л.Е. Якутина
РИА «Новости»

мобилизовании, был возвращён в СССР[13], заменён кадровыми офицерами, а также солдатами и сержантами срочной службы. Недостаточная выучка прибывавших на замену водителей и механиков-водителей приводила к авариям, падениям техники в пропасти с гибелью личного состава[14], диктовала необходимость совершенствования каждого из этапов их трёхэтапной подготовки.

На её первом этапе в учебных организациях ДОСААФ с 1980 года в программы подготовки для Минобороны СССР механиков-водителей гусеничных тягачей и водителей транспортных средств категории «С» были внесены изменения, касавшиеся обучения вождению в сложных условиях местности и тактической подготовки. Например, в программе подготовки механиков-водителей гусеничных тягачей МТ-ЛБ увеличили число занятий, связанных со сложными физико-географическими условиями ТВД и спецификой боевых действий в них[15]. Хотя количество учебного времени на дисциплины, входившие в общевойсковую подготовку, уменьшили с 30 учебных часов до 24, в неё добавили тактическую подготовку, которая включала три занятия общей продолжительностью пять учебных часов, в ходе которых обучаемые отрабатывали действия механиков-водителей при выполнении задач в обороне и наступлении, сторожевом охранении и при внезапном нападении противника. В учебную дисциплину «Вождение гусеничных тягачей МТ-ЛБ» внесли 50-километровый марш, увеличили количество занятий по вождению по тяжёлым дорогам, ночью и на повышенных скоростях. Знания, полученные на занятиях по тактической подготовке, дополняли выработкой соответствующих навыков во время занятий по вождению. Аналогичные изменения внесли в подготовку водителей колёсных машин[16].

С 1984 года повысили требования к отбору на обучение в

учебных организациях ДОСААФ. На допризывную подготовку по специальностям водителей-электромехаников, водителей-механиков автомобильных кранов и водителей бронетранспортёров стали привлекать только юношей со средним образованием[17].

Второй этап подготовки водителей и механиков-водителей для соединений и частей 40-й армии проходил после их призыва на территории ТуркВО и САВО[18]. Первое время к службе в ОКСВА солдат и сержантов готовили в учебных центрах. Затем создали специальные учебные полки в Термезе, Отаре и Кушке, учебные центры в районах Ашхабада, Иолотани, Термеза и Алма-Аты. В этих полках военнослужащие с афганским опытом обучали сержантов и специалистов в течение 6 месяцев, солдат в течение 2[19]. С накоплением боевого опыта требования к их подготовке повышались. Так, 29 октября 1980 года вышла директива Генерального штаба Вооружённых сил СССР № 314/10/0908, которой предписывалась доподготовка молодых водителей для 40-й армии на базе воинских частей, дислоцировавшихся в Среднеазиатском военном округе[20].

Третьим этапом подготовки водителей и механиков-водителей были занятия на территории ДРА. С 1981 года доподготовку молодого пополнения срочной службы вели по семидневной программе[21]. В первый и второй дни проводили занятия, посвящённые одиночной, инженерной, военно-медицинской подготовке и военной топографии, проверке и пристрелке оружия, сборы с экипажами БМП, БМД, БТР, БРДМ. В третий—седьмой дни — слаживание подразделений от отделения до батальона. При этом слаживание батальона проводили в форме занятия с привлечением всех средств усиления с боевой стрельбой артиллерии[22]. Эту практику постоянно совершенствовали. Так, в 201 мсд в сентябре 1981 года в семидневную доподготовку молодого пополнения наряду со слаживанием подразделений включили показные занятия, способствовавшие распространению и внедрению в практику передового боевого опыта. Также проводили тактико-строевые занятия в пешем порядке и на материальной части. Молодое пополнение выполняло упражнения учебных стрельб из стрелкового оружия и метание ручных гранат. Проводили контрольные занятия с артиллерийскими и миномётными батареями, радиотренировки, показные занятия по оказанию первой помощи при ранениях и ожогах[23].

С 1983 года с молодым пополнением срочной службы, прибывавшим в соединения и воинские части 40-й армии, стали проводить десятидневные сборы[24]. В первые пять дней — занятия по изучению тактики действий отрядов вооружённой оппозиции в горах, населённых пунктах, зелёных зонах, пустынях и на дорогах. Новичкам демонстрировали вооружение и боевую технику части и трофейное оружие, мины, использовавшиеся отрядами вооружённой оппозиции, порядок и способы их установки, применения мин-сюрпризов, знакомили с минно-взрывными заграждениями противника. Показывали способы преодоления минных полей и других заграждений. Проводили учебные и контрольные стрельбы из штатного оружия. Механики-водители выполняли упражнение по вождению, все новички — упражнение учебных стрельб из автомата[25], осваивали азы военной топографии, навыки ориентирования и определения координат по карте в горах, пустыне и т.д. Большое внимание уделяли выработке навыков оказания первой медицинской помощи раненым и их эвакуации с поля боя[26].

С 1985 года боевую подготовку молодого пополнения срочной службы в войсках 40-й армии на территории Афганистана стали проводить по восьми-

Сожжённая колонна бензовозов
Фото А.И. Гращенкова
Афганистан, 1985 г.

дневной программе[27]. Отличие от семидневной программы заключалось лишь в том, что первый день подготовки был посвящён доукомплектованию подразделений, расстановке молодого пополнения по штату и вручению вооружения и военной техники[28].

Согласно приказу командующего войсками ТуркВО от 29 мая 1986 года № 062 подготовку подразделений к боевым действиям стали проводить по двенадцатидневной программе[29]. Если после завершения обучения по ней подразделения не получали задач на участие в боевых действиях, воины продолжали совершенствовать знания, умения и навыки по типовой схеме указанной программы, начиная с четвёртого дня занятий[30].

В выступлении на технической конференции 40-й армии 22 мая 1980 года начальник штаба вооружения армии полковник-инженер В.Д. Ляшенко на основе опыта проведённой в апреле 1980 года первой Панджшерской операции потребовал «проводить инструктивные занятия с инженерно-техническим составом, ремонтниками, водителями по особенностям организации и осуществления технического обеспечения с учётом условий и специфики предстоящих боевых действий войск в данной операции»[31]. Штабы и соответствующие службы контролировали выполнение этого требования в войсках армии.

Анализ распоряжений по техническому обеспечению боевых действий показал, что при подготовке к ним личного состава, вооружения и техники с экипажами, механиками-водителями и водителями планировали и проводили занятия по особенностям маршрута, правилам вождения машин, организации и проведению технического обслуживания с учётом условий и специфики боевых действий в конкретной операции[32]. Например, в 201 мсд в декабре 1982 года было решено провести с механиками-водителями и водителями занятие по теме «Вождение боевых машин в горных условиях днём и ночью»[33].

С каждым годом требования к доподготовке водителей и механиков-водителей в частях 40-й армии повышались. С 1982 года с прибывшим в воинские части молодым пополнением проводилась подготовка по специальности сроком 10—12 дней. В ходе неё основное внимание уделялось совершенствованию навыков эксплуатации, боевого применения и облуживания вооружения и техники[34]. Для создания резерва и возможности замены водителей и механиков-водителей при выходе их из строя в ходе боя в каждом полку организовывали обучение этим специальностям других членов экипажей, номеров расчётов[35].

Анализ потерь 40-й армии в 1980—1985 гг., проведённый Главным организационно-мобилизационным управлением Генерального штаба Вооружённых сил СССР, показал, что благодаря принятым мерам по совершенствованию подготовки водителей и механиков-водителей удалось добиться постепенного снижения ежегодных потерь личного состава в автокатастрофах более чем в 2 раза[36].

Для снижения потерь личного состава в результате аварий проводились дополнительные занятия, определённые командирами воинских частей. Так, командир 860-го отдельного мотострелкового полка в 1982 году приказом определил: подготовку водителей проводить в любых условиях местности, погоды и времени суток на максимально допустимых скоростях, в колоннах и боевых порядках. При этом особое внимание уделять вождению по узким горным дорогам, серпантинам, мостам, крутым спускам и подъёмам, а также отработке вождения «колея в колею»[37]. Кроме того, в 1984—1989 гг. при подготовке водителей и механиков-водителей наряду с другими занятиями проводили и дополнительные, посвящённые освоению передового опыта боевых действий, особенностям маршрута в районе боевых действий[38] и др.

На основе боевого опыта была внедрена в практику специально разработанная программа подготовки автомобильных колонн, соответствовавшая условиям перевозок. Она предусматривала проведение, как правило, трёхдневных занятий по боевому слаживанию, техническому обслуживанию автомобилей и погрузке материальных средств. Материальные средства в основном доставляли ротные колонны. Каждая состояла из 40—60 линейных и обеспечивающих автомобилей. В каждую входили зенитные установки ЗСУ-23-2 на штатных автомашинах и приданные БТР (БРДМ). Каждый автомобилист со штатным стрелковым оружием был обеспечен боеприпасами и двумя гранатами, бронежилетом, стальным шлемом. На каждый автомобиль выдавали по 2 дымовые шашки и 3 дымовые гранаты[39]. По свидетельствам участников боевых действий в ДРА, автомобилисты под огнём противника действовали смело и дисциплинированно.

Таким образом, в военном конфликте в ДРА советские войска получили ценнейший опыт подготовки водителей и механиков-водителей, участвовавших в боевых действиях. Она была организована и проведена в три этапа. В обучение на каждом из них вносили изменения по сравнению с программами, применявшимися до ввода советских войск в Афганистан. На первом этапе в ходе допризывной подготовки в учебных организациях ДОСААФ внимание было сосредоточено на формировании умений и навыков вождения в сложных условиях, в составе колонн и отражения внезапного нападения противника. На втором этапе подготовки в учебных частях Туркестанского и Среднеазиатского военных округов молодые водители и механики-водители развивали полученные в учебных организациях ДОСААФ навыки вождения и обслуживания техники в сложных фи-

зико-географических условиях, похожих на афганские. На их оттачивание при выполнении задач в Афганистане был нацелен третий этап в войсках 40-й армии на территории ДРА. Кроме того, командиры проводили подготовку к выполнению конкретных задач в соответствии с их особенностями. Совершенствование подготовки водителей и механиков-водителей позволило добиваться снижения их потерь.

Афганский опыт сохраняет актуальность в наши дни, и возможности его использования не исчерпаны.

Примечания

[1] Выступление С.Е. Нарышкина на круглом столе, приуроченном к 35-летию вывода войск из Афганистана // Официальный сайт Российского исторического общества. 2024. 20 февраля. URL: https://historyrussia.org.

[2] *Щербакова М.* В армии преобладает колёсная база // Красная звезда. 2018. 28 мая. URL: http://redstar.ru.

[3] *Коц А.* «Мы не проиграли»: как последние советские солдаты уходили из Афганистана // РИА «Новости». 2024. 15 февраля. URL: https://ria.ru/20240215/afganistan-1927387917.html.

[4] *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. 2-е изд. Ярославль: Норд, 2004. С. 250—253, 258; 28-й армейский реактивный артиллерийский полк // Сайт 28reap.ru. 2013. 27 февраля. URL: https://web.archive.org/web/20140709025225/http://28reap-ru.1gb.ru.

[5] *Ляховский А.А.* Указ. соч. С. 250—252; Опыт применения советских войск в Республике Афганистан: сборник материалов научно-практической конференции. М.: Институт военной истории Минобороны СССР, 1990. С. 132; Техническое обеспечение советских войск в Афганистане: сборник документов из личного архива заместителя командующего 40-й армией по вооружению (1985—1987 гг.): СПб.: Военная академия материально-технического обеспечения Минобороны РФ (ВАМТО), 2022. С. 118—120.

[6] *Ловеров И.А.* Особенности дорожного обеспечения советских войск на территории Афганистана. 1980—1982 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 7. С. 56.

[7] Афганистан // Большая российская энциклопедия: электронная версия. URL: https://old.bigenc.ru.

[8] *Щербакова М.* Указ. соч.

[9] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 13. Оп. 3590. Д. 48. Л. 39—43.

[10] Там же. Л. 23—24.

[11] Там же. Л. 120.

[12] Техническое обеспечение советских войск в Афганистане... С. 118.

[13] ЦАМО РФ. Ф.15а. Оп. 3735. Д. 17. Л. 1—3; Ф. 1693. Оп. 966515. Д. 9. Л. 5—7; Ф. 74303. Оп. 998379. Д. 4. Л. 25—28.

[14] Там же. Ф. 6600. Оп. 998239. Д. 15. Л. 67, 68.

[15] Программа подготовки призывников в школах технической подготовки ДОСААФ и училищах профессионально-технического образования по специальности механика-водителя гусеничного тягача МТ-ЛБ. М.: ДОСААФ, 1977. С. 62; Программа подготовки призывников по специальностям механик-водитель гусеничного тягача МТ-ЛБ и водитель автотранспортных средств категории «В». М.: ДОСААФ, 1977. С. 40, 41.

[16] Программа подготовки призывников в автомобильных и технических школах ДОСААФ по специальности водителя автомобиля с правом управления транспортными средствами категории «С». М.: ДОСААФ, 1976. С. 51—53; Программа подготовки водителей транспортных средств категории «С». М.: ДОСААФ, 1984. С. 9.

[17] ЦАМО РФ. Ф. 513. Оп. 966056. Д. 20. Л. 35—37.

[18] Там же. Оп. 966055. Д. 14. Л. 112—114.

[19] *Сергеев А.А., Прямицын В.Н.* «Колонны... подвергались постоянным атакам моджахедов...» // Военно-исторический журнал. 2023. № 2. С. 38.

[20] ЦАМО РФ. Ф. 513. Оп. 966055. Д. 14. Л. 110.

[21] Там же. Ф. 518. Оп. 28. Д. 3971. Л. 99, 100; Ф. 2372. Оп. 1. Д. 4. Л. 330, 331; Ф. 1463. Оп. 34. Д. 1. Л. 26.

[22] Там же. Ф. 2372. Оп. 1. Д. 4. Л. 330, 331.

[23] Там же. Ф. 1463. Оп. 34. Д. 1. Л. 36.

[24] Там же. Ф. 8030. Оп. А-75178. Д. 11. Л. 59—63; Ф. 2371. Оп. 998336. Д. 6. Л. 230—234; Д. 11. Л. 95—102.

[25] Там же. Л. 279, 280.

[26] Там же. Ф. 74303. Оп. 998381. Д. 3. Л. 56—58.

[27] Там же. Ф. 2371. Оп. 998336. Д. 6. Л. 230—234.

[28] Там же. Ф. 8030. Оп. А-75178. Д. 11. Л. 71.

[29] Там же. Ф. 74303. Оп. 998381. Д. 3. Л. 295, 296; Д. 8. Л. 227, 228; Ф. 8030. Оп. А-75178. Д. 11. Л. 308; Ф. 2372. Оп. 1. Д. 7. Л. 205; Ф. 1463. Оп. 35. Д. 1. Л. 149, 150.

[30] Там же. Ф. 74303. Оп. 998381. Д. 3. Л. 295, 296 ; Д. 8. Л. 227, 228.

[31] Техническое обеспечение советских войск в Афганистане... С. 160, 161.

[32] ЦАМО РФ. Ф. 2371. Оп. 1. Д. 3. Л. 333, 423. Д. 38. Л. 23, 91. Д. 92. Л. 118; Ф. 1463. Оп. 26. Д. 31. Л. 13.

[33] Там же. Ф. 1463. Оп. 26. Д. 31. Л. 13.

[34] Там же. Л. 144, 145.

[35] Там же. Ф. 74303. Оп. 998381. Д. 7. Л. 161; Д. 6. Л. 145, 206.

[36] Там же. Ф. 13. Оп. 3958. Д. 1. Л. 30, 31.

[37] Там же. Ф.8030. Оп. 1. Д. 16. Л. 84—86.

[38] Там же. Ф. 2371. Оп. 1. Д. 3. Л. 333.

[39] Подробнее см.: *Дымарь Ю.Л., Фёдоров А.Ф.* Особенности организации воинских автомобильных перевозок в Афганистане // Обозник. 2020. 23 октября. URL: http://www.oboznik.ru; *Сергеев А.А., Прямицын В.Н.* Указ. соч. С. 37, 38.

L.A. Rybochkin

«THE AFGHAN EXPERIENCE HOLDS SPECIAL SIGNIFICANCE...»

Features of training drivers and driver-mechanics for the 40th Army in Afghanistan (1979—1989)

Information about author. *Leonid Rybochkin — lecturer at the Tactics Department of the Novosibirsk Higher Military Command School, lieutenant colonel (city of Novosibirsk. E-mail: Rybochkinleonid@gmail.com).*

Summary. *The paper presents the results of a study and analysis of the history of training for wheeled vehicle drivers and tracked vehicle mechanics in the Soviet Union during the period of the Soviet-Afghan War (1979—1989). The training was organized in several stages. The first stage took place in training organizations of the Russian Armed Forces, Air Force, and Navy Volunteer Society (DOSAAF). The second stage was organized at training centers and military units in the Turkestan and Central Asian Military Districts. The third was in Afghanistan, where the 40th Army introduced young recruits, soldiers, and sergeants to military service. It also focused on preparing for combat missions and improving the knowledge and skills of drivers. This allowed for a reduction in losses and accidents during the operation of wheeled and tracked vehicles. The Afghan combat experience gained during this time was later used during military operations in the North Caucasus in the late 20th and early 21st centuries. This experience remains relevant in modern conditions.*

Keywords: *Training of wheeled and tracked vehicle drivers; 40th Army; deployment of troops; DOSAAF training organizations; Turkestan and Central Asian military districts; Limited Contingent of Soviet Forces in Afghanistan.*

А.В. Громов

«...О ДЕЙСТВИИ АРТИЛЛЕРИИ НАШЕЙ УВЕРИТЬСЯ ХОЧЕТ»

Российские единороги и «шуваловские» гаубицы в Австрии (1758—1760 гг.)

Сведения об авторе. *Громов Андрей Владимирович — старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург. E-mail: artillery@yandex.ru).*

Аннотация. *Статья посвящена проблеме мифа об иностранном копировании русских «шуваловских» единорогов в Австрии, Франции и Саксонии в годы Семилетней войны (1756—1763 гг.). На основе архивных документов впервые были исследованы реальные сведения о секретной миссии в Вену майора артиллерии русской армии С.М. Козмина (в 1758 г.) и о русских «шуваловских» образцах артиллерии, в т.ч. единорогах и «секретных» гаубицах, подаренных австрийской императрице Марии Терезии с высочайшего разрешения российской императрицы Елизаветы Петровны.*

Ключевые слова: *Российская империя; русская артиллерия; П.И. Шувалов; «секретные» гаубицы; единороги; С.М. Козмин; Л.Й. Даун; Й.В. Лихтенштейн; Ж.-Б. Грибоваль.*

Одной из интересных и загадочных страниц в истории отечественной артиллерии является секретная миссия, осуществлённая генерал-фельдцейхмейстером графом П.И. Шуваловым в 1758—1760 гг., когда с высочайшего разрешения императрицы Елизаветы Петровны в Вену были отправлены сразу несколько новоизобретённых русских орудий — на тот момент ещё совершенно секретных.

По личной просьбе императрицы австрийской Марии Терезии государыня разрешила отправить в Вену в виде подарка несколько русских единорогов (удлинённое гладкоствольное орудие / гаубица с конической формой каморы) разных калибров и так называемых секретных гаубиц, в т.ч. для проведения там показательных испытаний со стрельбами.

Этот беспрецедентный для того времени жест доброй воли в адрес союзников (все орудия передавались вместе с документацией и подробными чертежами каждой модели) не остался незамеченным как в отечественной[1], так и в зарубежной[2] историографии. Хотя подробности его по-настоящему не освещались с 1960 года, однако, судя по данным, опубликованным составителями фундаментального исследования «История отечественной артиллерии», он был действительно впечатляющим: всего в итоге были отправлены 10 единорогов (по два каждого из пяти существовавших в то время калибров), 13 новых «секретных» гаубиц с соответствующим артиллерийским парком.

Вместе с орудиями передавались комплекты упряжи, боеприпасов (в т.ч. для «секретных» гаубиц) и запасные детали для каждого из отправленных безвозмездно орудий[3]. Кроме того, дополнительные орудия предполагалось отправить и прямо в действующую армию генерал-фельдмаршала графа Л.Й. Дауна для испытания их австрийцами непосредственно в боевых условиях[4].

Предполагалось, что выполнение просьбы австрийской императрицы Марии Терезии будет способствовать укреплению русско-австрийских союзнических отношений и, вероятно, поднимет престиж русской армии в глазах других союзных держав — Франции, Швеции и Саксонии. Тем более если австрийцы дадут орудиям положительную оценку. Сопровождались обе партии орудий большой командой русских артиллеристов: офицеров и нижних чинов (бомбардиров, гантлангеров и обозных).

Командированные в Вену артиллеристы, по-видимому, должны были помочь австрийским военным как следует ознакомиться с неизвестным им типом орудий, поучаствовав в проведении пробных стрельб. А, во-вторых, если нужно, помочь союзникам изготовить на арсенале в Вене пробную партию «секретных» гаубиц — по крайней мере австрийская сторона уже изначально продекларировала такое намерение через начальника

артиллерии Австрии князя Лихтенштейна[5]. Что удивительно, это пожелание австрийцев также встретило полное понимание со стороны как Елизаветы Петровны, так и графа П.И. Шувалова. Из-за чего отдельные исследователи позднее утверждали как о свершившемся факте, что по меньшей мере одна из «секретных» гаубиц в варианте 1758 года (уже с конической зарядной каморой) была в итоге действительно отлита австрийцами[6].

Ещё одно предположение (впрочем, также без ссылок на документы) было высказано в том духе, что уже после доставки орудий в Австрию и проведения испытаний в предместьях Вены эти орудия осмотрел Ж.-Б. Грибоваль, находившийся в тот момент на австрийской службе[7].

Но поскольку оба этих тезиса так и не были подтверждены ссылками на подлинные архивные документы (в «Истории отечественной артиллерии...» сведения о тайной командировке в Австрию вообще приводятся крайне сжато и схематично), то для последующих поколений отечественных и зарубежных исследователей эти события так и остались большой загадкой. Более того, и последствия, и результаты секретной миссии русских артиллеристов в Вене внезапно сделались основанием для многочисленных спекуляций. Не только в интернет-среде или в различных компиляциях по истории отечественной артиллерии, но и в серьёзных зарубежных исследованиях появились высказывания в том духе, будто орудия эти были действительно «позаимствованы» в других европейских армиях. Причём не только австрийцами, но и французами и даже пруссаками[8]!

В дальнейшем этот вымысел о появлении «копий» единорогов в армии Австрии начал распространяться как в научной, так и в научно-популярной литературе в качестве подтверждённой научной версии. Хотя в действительности ни одного «шуваловского» орудия австрийской выделки в музеях Вены, Граца или других городов не обнаружено до сих пор[9]. Поэтому вполне уместно произвести своего рода ревизию данных тезисов и подтвердить (опровергнуть) их, опираясь на архивные источники.

Генерал-директор артиллерии Австрии князь Йозеф Венцель I Лихтенштейн (1696—1772 гг.)
Художник Гиацинт Риго, 1740 г. Liechtenstein Museum

В материалах архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) действительно сохранилось дело из документов штаба генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ), датированное концом 1758 — началом 1760 года, где версия о посылке орудий в Вену находит конкретное подтверждение. Более того, оно значительно углубляет и уточняет те сведения, что были опубликованы впервые ещё в 1960 году в «Истории отечественной артиллерии». Благодаря этим новым данным мы можем проследить этапы реального, а не мнимого изучения новых русских орудий в Австрии и, соответственно, прояснить очень многие устоявшиеся суждения на сей счёт.

Судя по сведениям из архива ВИМАИВиВС, сами события развивались довольно быстро для той эпохи. Ещё 9(20) ноября 1758 года был издан высочайший рескрипт государыни Елизаветы Петровны на имя генерал-фельдцейхмейстера графа П.И. Шувалова об отправке гаубиц и единорогов в Вену «с их чертежами и разъяснениями»[10]. На что уже 16(27) ноября последовала его реляция государыне с предложением, кроме Вены, отправить дополнительно орудия с боекомплектом прямо в армию генерал-фельдмаршала графа Дауна[11]. Маршрут предлагался изначально до Киева, а оттуда прямиком в Краков, где упомянутые орудия должна была встретить австрийская сторона для доставки в Вену[12]. Также к реляции прилагалась ведомость орудий, запланированных к отправке, в которой названы:

1. 1-я партия: в Вену — 1 «секретная» гаубица и 5 единорогов (калибром 1, 2, ½, ¼ пуда и 8 фунтов).

2. 2-я партия: непосредственно в армию графа Дауна — 12 «секретных» гаубиц и 5 единорогов (калибром 1, 2, ½, ¼ пуда и 8 фунтов)[13].

Начало миссии русских артиллеристов в Вену можно датировать поздней осенью 1758 года, когда решение об отправке их было принято, а генерал-фельдцейхмейстер граф П.И. Шувалов распорядился о подготовке названных мероприятий. Однако впоследствии часть этих мероприятий пришлось корректировать в соответствии с военной и политической обстановкой в местах следования орудий, а также исходя из мер безопасности при доставке. Вот что, к приме-

«Шуваловская» гаубица мод. 1753 г.
Фото автора, 2024 г.
ВИМАИВиВС. Инв. № МЧА 2/17.

2-пудовый «шуваловский» единорог
Фото автора, 2024 г.
ВИМАИВиВС. Инв. №: МЧА 10/63.

«Шуваловская» гаубица мод. 1758 г. Вид с дульной части
Фото автора, 2025 г.
ВИМАИВиВС. Инв. № МЧА 10/70.

«Шуваловская» гаубица мод. 1758 г. Вид с казённой части
Фото автора, 2025 г.
ВИМАИВиВС. Инв. № МЧА 10/70.

ру, говорится в копии с официальной ноты имперскому послу в Санкт-Петербурге графу Эстергази, вручённой ему 15(26) января 1759 года: «...хотя здесь диспозиция уже зделана, чтоб обоим оным партиям идти вместе до Кракова, где оные высылаемыми войсками Ея Величества Императрицы Королевы приняты и далее отправлены быть имели, однако же <...> к тому осторожности употребить, дабы оная прусаками схвачена не была, чему весмее должно случится мочно по недалности от Кракова Силезии, где прусских войск немало находится <...>. Между тем здесь за потребно разсуждается, чтобы в таком случае когда б перевоз сей здешней артиллерии чрез проход до областей Ея Величества Императрицы Королевы не совсем безопасен был, назначить заблаговременно дороги к тому чрез Венгрию, и по местам, где надежнее и безопаснее пройти можно. И для показания тех дорог послать нарочных куриеров навстречу к той артиллерии в Польшу, приготовленных же для принятия оной в Кракове австрийскую команду с находящимися при ней лошадми отправить уже в другое место, где оная ту здешнюю артиллерию под охранение свое взять и оттуда далее проводить могла»[14]. После чего маршрут был изменён: по согласованию с австрийской стороной обе указанные партии орудий должны были идти не к Кракову, а в Кашаву (Венгрия)[15].

Таким образом, заурядное с виду мероприятие по доставке в Вену орудий приобретает черты настоящей спецоперации, а меры безопасности обеспечиваются на самом высоком уровне. Личный состав, отправлявшийся из России к местам проведения испытаний русских орудий, первоначально был следующим: в Вену уехали майор Сергей Козмин[16], капитан Михайла Рожнов[17],

«кананирской роты сержант» Яков Минут[18]; к армии Даун капитан Михайла Жуков и поручик Борис Меллер; кроме того, «в оба места» «ундер офицеров бомбандирского корпуса каптенармус» Андрей Попов, «второго артиллерийскаго полку бомбандирской роты сержант» Алексей Базин, каптенармус Фёдор Вожинской Рябиков; также капралов «бомбандирского корпуса — 1, кананирских рот — 1; рядовых бомбандирского корпуса: бомбандиров 8 / гантлангеров (рядовой артиллерист низшего разряда, подносчик снарядов. — **Прим. авт.**) 21; второго артиллерийскаго полку: бомбандиров 15 / гантлангеров 4[19]». Именно этим составом командированные к австрийцам команды отбыли из России в сторону Венгрии.

Уже 11(22) января 1759 года в Вену прибыл С.М. Козмин с чертежами орудий. На следующий же день состоялись аудиенции: у императора (утром), императрицы (после полудня) и уже вечером — у генерал-директора австрийской артиллерии князя Лихтенштейна[20]. Причём, как доносил П.И. Шувалову сам Козмин: «При… сих аудиенциях как Император, так и Императрица приняли меня весьма милостиво, и поднесенныя мною книги изволили разсматривать с великим любопытством, притом о действии и прочих обстоятельствах каждаго орудия у меня спрашивать изволили». Князь же Лихтенштейн «разсматривал их весьма пристально, и спрашивал у меня о всех подробностях каждаго орудия и могу уверить Ваше Сиятельство, что кроме удовольствия и апробации я в нем ничего не усмотрел и не получил ни на одно мое изъяснение ни малой критики». При этом «как Его Сиятельство Граф Кауниц, так и принц Лихтенштейн дали мне знать, что для приемки отправленной из Петербурга артиллерии распоряжения уже зделаны, и для приготовления подвод комиссары отправлены; а дабы избежать неприятельского иногда на сию артиллерию покушения, хотят они везти чрез Венгрию на Кашау, а не чрез Краков[21]».

При этом из документов мы узнаём, что князь Лихтенштейн как специалист в области артиллерии при рассмотрении присланных чертежей всё же сделал ряд замечаний, касательно улучшения внутреннего устройства ствола. Хотя указанные изменения на самом деле уже были введены русскими в новом варианте «секретных» гаубиц (и уже даже испытаны на практических стрельбах 1(12) февраля 1759 г.)[22].

«Шуваловская» гаубица мод. 1753 г.
Надпись на дульной части

«Шуваловская» гаубица мод. 1753 г.
Надпись на казённой части

Поэтому, чтобы не потерять лицо перед своим австрийским коллегой, П.И. Шувалов по высочайшему соизволению государыни посылает следом за уже едущей артиллерией в Вену гонца — генерал-квартирмейстера майора С.Ф. Стрекалова с чертежом обновлённой «секретной» гаубицы (уже имеющей коническую камору). О чём 16(27) февраля 1759 года лично П.И. Шувалов сигнализирует Козмину[23].

Но обсуждения с австрийцами устройства новых русских орудий этим не ограничились. Уже при следующем обсуждении чертежей, в т.ч. привезённых С.Ф. Стрекаловым, князь Лихтенштейн соизволил заметить, что он бы сделал цапфы орудий несколько толще, чем на орудиях русского образца. При этом также он изъявил желание, чтобы одна из подобных гаубиц была отлита на арсенале в его присутствии.

Сведения из «Истории отечественной артиллерии» в самом деле находят частичное подтверждение по источникам, добавляя немаловажные для понимания ситуации политические и технические детали миссии.

Далее события развивались в следующем ключе. 1-я партия орудий (предназначенная для смотра и испытаний) прибыла в Вену 10(21) июля 1759 года, где была встречена со всем возможным почтением и нескрываемым интересом. В тот же день 2-я партия орудий прибыла в войска генерал-фельдмаршала графа Дауна[24].

Что интересно, всё это время — от прибытия в Вену С.М. Козмина и до прибытия самих опытных образцов артиллерии — князь Лихтенштейн, несмотря на своё высказанное намерение отлить одну гаубицу в венском арсенале, так и не отдал распоряжений к её отливке. Сам С.М. Козмин объясняет это так: «Принц Лихтенштейн принимает меня очень милостиво; часто приглашает меня к своему столу; и всегда разговаривает со мной о нашей артиллерии; соглашается, что по конструкции ея хорошему действию быть надобно; но притом всегда повторяет, что нетерпеливо желает видеть отправленные сюда орудии, однако ж о литье оных здесь еще никакого определения нет, хотя я ему несколько раз предлагал, чтоб приказал он хоть одно орудие какого-нибудь калибра вылить. Но как он здешнюю артиллерию по большей части содержит своим собственным иждивением, и сколько я приметить мог, во всем великую экономию, то сие может быть причиною, что он наперед очевидно о действии артиллерии нашей увериться хочет. И как я заключаю, что до прибытия сюда отправляемых орудий мне здесь никакого дела не будет»[25]. И, стало быть, основным мотивирующим моментом к действительному приказу со стороны князя Лихтенштейна отлить одно такое орудие должны были стать как раз результаты намеченных уже проб.

О стрельбах, проведённых в Обергасинге (пригород Вены) 27 июля (7 августа) 1759 года, источники, в т.ч. и официальный отчёт С.М. Козмина самому Шувалову, сообщают весьма подробно. И ввиду важности упомянутого отчёта для понимания всей последующей позиции австрийского кабинета по отношению к русской военной миссии будет вполне уместно привести описание самой «практики» привезённых в Вену русских орудий полностью, без изъятий.

1. Отчёт С.М. Козмина о проведённых в Обергасинге стрельбах

«<…> Сего июля 27 дня в мызе Его Светлости принца Лихтенштейна произведена из нашей артиллерии проба.

Их Величества Император и Императрица Королева с Эрц-Герцогом Иосифом прибыли туда поутру в 8 часов <…> По приближении Их Величеств поставленная в строй артиллерийская команда зделала на караул и Его Величество Император изволил пройти все шеренги, а людей весьма хвалил. Потом Их Величества изволили смотреть орудии, и о действии каждаго у меня спрашивали, а по осмотру <…> приказали производить пробу <…>.

По окончании выстрелов из Шуваловой гаубицы Их Величества изволили пойти к щитам, и от перваго до последняго осматривали и действием были весьма довольны; потом <…> приказали палить из единорогов картечами, и по трех выстрелах из каждаго, Его Величество Император с эрц-герцогом Иосифом изволили и оные щиты с великим удовольствием осматривать; а по окончании горизонтальных выстрелов гранатами и бомбами, Их Величества изволили подъехать к струбу, и паки о сильном действии оных великое удовольствие показали; а как Их Величества оттуда опять к орудиям возвратиться изволили, то я доложил, не повелено ли будет далее производить пробу на вышину элевации и рикошетными выстрелами також и бранткугелями <…>; однако Их Величества изволили сказать, что они и тем весьма довольны, и так изволили поехать в замок к принцу Лихтенштейну. День был тогда весьма пасмурной, и перепадал небольшой дождь.

После <…> изволили паки выкатить в парк, и приказать перед струба бросить один дву пудовый бранткугель, а другой в воду, чтоб только видеть их состав; потом [император. — **Прим. авт.**] изволил смотреть рикошетные выстрелы, и о всем показывал великое удовольствие. При отъезде Их Величества пожаловали нас к руке.

Того ж дня в вечеру его Светлость принц Лихтенштейн мне объявил, что Их Величества приказали из оных орудий отправить к армии сколько возможно будет, також и команду с офицерами, которые у оной назначены были, и для того его Светлость определил 4 Шуваловых гаубицы, и два полукартаульные единорога, сожалея при том, что он ныне их больше отправить не может за недостатком людей; а как полукартаунной единорог только один имеет полное число зарядов, то его Светлость приказал к другому передать ящики от картаунного единорога, и зарядами как наискоряе укомплектовать; ядры и бранткугели его Светлость оставляет здесь, а определил на каждой единорог 75 бомб и 75 картечей.

На другой день поутру Их Величество чрез принца Лихтенштейна пожаловали мне и господину майору Ражнову по бриллиантовому перстню, а господину капитану Жукову и порутчику Меллеру по золотой табакерке и в них по 300 червонных.

Того ж дня Его Светлость приказал передний щит исправить и еще из Шуваловой гаубицы в трехстах шагах зделать три выстрела 4 лотовыми картечами и один 3 фун. ядрами, и сам изволил счесть в оном щите третью долю пуль, чем весьма был доволен, а ядер в картече было 7; в 1 щиту сочтено 5, в другом 5, в третьем 4, в четвертом 4, в малых 2, итого 20. Наконец Его Светлость сказать изволил, что он по конструкции нашей артиллерии хоть надеялся хорошего действия, однако так силнаго не чаял.

По окончании сей последней пробы Его Светлость приказал всех людей поставить в строй, и при себе раздать пожалованные от Их Величеств деньги. <...>. На сих днях Его Светлость хотел приказать оставшуюся здесь артиллерию перевезти в здешний арсенал,

Генерал-фельдцейхмейстер граф П.И. Шувалов
Художник Г.Ф. Шмидт, 1760 г. Эрмитаж

а назначенную к армии отправить прямо из своей мызы.

О Шуваловых гаубицах последняго изображения Его Светлость говорить изволил, что он, видя столь сильное действие прежних, от новых еще сильнейшаго надеется, однакож о литье оных мне ничего не объявил, також и о зачинке раковин хотел к вашему сиятельству писать.

Теперь ожидаю от вашего сиятельства повеления что мне и господину майору Рожнову с оставшейся здесь командою делать повелено будет, також и господину капитану Жукову по окончании кампании с его командою. <...>

Вашего высокографского Сиятельства нижайший слуга Сергей Козмин. 31 июля 1759»[26].

2. Описание стрельб с описанием результатов

«Описание пробы из Шуваловой гаубицы и единорогов. В Обергасинге июля 27. с. ш. 1759.

На правом фланге поставлена была Шувалова гаубица; для оной щит длиною в 25 сажен, первой во 100 саженях, второй 115, третий 130, четвертой 145, четыре малые 170 сажен.

Выстрелов зделано наступая до 50 сажен 10 и 5 на месте; пуль в картечах было 2070[27].

В щитах сочтено:

В 1-м — 901; в 2-м — 589; в 3-м — 487; в 4-м — 260. В малых — 91.

Итого: 2328.

На левом фланге для единорогов щиты поставлены были, так как и для Шуваловой гаубицы.

Из пяти единорогов по три выстрела, всего пуль в картечах 3224.

В щитах сочтено:

В 1-м — 1519; в 2-м — 1153; в 3-м — 635; в 4-м — 382. В малых — 113.

Итого: 3802.

В середине струб из 8 дюймовых брусьев в 10 стен расстоянием по 2 ½ фута, длиною в три сажени.

6 и 10 фун. гранаты пробили 2 стены, до третьей. Полупудовые бомбы 5 стен до шестой.

Пудовые 7 до восмой.

Двупудовые две 9 стен до 10-й, а третья пробив все 10 стен упала в 50 шагах за струбом.

Во все сии гранаты и бомбы приказано было для безопасности положить столко пороху, чтобы только трубку выбить могло.

Артиллерии майор Сергей Козмин[28]».

«Диспозиция.

Картечами:

1. Из Шуваловой гаубицы 15 выстрелов наступая от 300 до 150 шагов.

2. Из 8 фун. единорога 3 выстрела в 150 шагах.

3. Из 12 и 24 фун. единорогов по 3 выстрела в 225 шагах.

4. Из 48 и 96 фун. единорогов по 3 выстрела в 300 шагах.

Гранатами и бомбами в струб.

5. Из 8 фун. единорога 3 выстрела в 225 шагах.

6. Из 12 фун. единорога 2 выстрела в 225 шагах и один в 300 шагах.

7. Из 24 фун. единорога 3 выстрела в 300 шагах.

8. Из 48 фун. и 96 фун. единорогов по 2 выстрела в 300 шагах.

9. Из 48 фун. один выстрел в 300 шагах.

10. Из 96 фун. один выстрел в 500 шагах.

11. Из каждаго единорога по одному выстрелу на вышину элевации.

12. Из каждаго единорога по одному рикошетному выстрелу.

13. Бранткугелями (зажигательный снаряд гладкоствольной артиллерии. — **Прим. авт.**) в струб.

Артиллерии майор Сергей Козмин[29]».

Из процитированных отчётов мы можем видеть, что все орудия показали себя достойно. Вполне возможно, на достигнутый результат повлияла также отличная подготовка артиллеристов, многие из которых участвовали в разработке новых орудий (при непосредственном участии и руководстве самого Шувалова) и, соответственно, подготовлены были гораздо лучше среднего уровня. Во всяком случае, все сообщения о восхищении со стороны австрийских союзников всем увиденным, полученные от С.М. Козмина, нельзя назвать преувеличением.

Впрочем, в итоге (за недостатком подготовленной орудийной прислуги на присланное число орудий) в войска фельдмаршала Дауна были отправлены только четыре «секретные» гаубицы и два ½-картаульных единорога. Главой команды, сопровождавшей орудия для австрийской армии, был назначен капитан Жуков, его помощником — поручик Меллер[30]. При этом австрийская сторона также настаивала на том, чтобы артиллерийский персонал из числа русских офицеров и нижних чинов остался при орудиях до зимы.

Генерал-фельдмаршал австрийской армии Леопольд Йозеф Даун (1705—1766 гг.)
XVIII в.

В ответ на что П.И. Шуваловым в Вену была отправлена следующая инструкция:

— во-первых, майору артиллерии Козмину предписано ордером «старание приложить, чтоб при нем хотя бы одна по присланному чертежу» была отлита гаубица (улучшенного варианта);

— во-вторых, если сами австрийцы того пожелают, то из числа орудий, присланных в Вену на пробу, они могут взять ещё один картаульный единорог (единорог, снаряды которого весили 1 пуд.) и людей из команды, производившей пробы. При этом майор Козмин с капитаном Рожновым и их подчинённые ещё ненадолго остаются в Вене — на всякий случай, если австрийцы всё же предпримут отливку гаубицы. Но если нет, то команда должна отправляться назад в Россию;

— в-третьих, если картаульный единорог на фронт отправлен не будет, то штык-юнкер Минут с оставшимися людьми обязан также отбыть в Россию[31].

Однако самое интересное происходит в октябре 1759 года, когда князь Лихтенштейн начинает под всяческими предлогами тормозить уже запланированную отливку гаубицы. Сперва он объявляет Козмину о том, что из-за недоверия к местному вольнонаёмному мастеру с венского арсенала он переносит отливку в Грац, причём запрашивает рецепт отливки — как это делается в России. Кроме того, он требует, чтобы русские показали австрийским служащим с арсенала способ вязания русских картечей, что пришлось сделать 29 сентября (10 октября) 1759 года перед отправкой назад на родину[32].

И параллельно этому 4(15) ноября русская артиллерия прибыла в распоряжение графа Дауна при мызе Сергаузен, где была его штаб-квартира. В тот же день граф Даун с генералитетом произвёл смотр орудиям. Среди присутствовавших был фельдцейхмейстер австрийской армии «барон Ферштейн»[33]. Вечером за обедом через генерал-майора Шпрингера[34] Козмин был представлен их высочествам Ангальт-Цербстскому и принцам Саксонским, а также всем остальным волонтёрам и генералитету. Причём для запланированных стрельб граф Даун приказал выделить Жукову двух артиллерии капитанов австрийской службы при 36 канонирах и 60 гантлангерах. Кроме того, упомянуто, что при проезде команды Жукова через Дрезден орудия и снаряды осматривал также «принц Цвейбрикский»[35] и что он тоже был впечатлён их инвенцией[36].

В дальнейшем из письма П.И. Шувалова австрийскому генерал-майору Шпрингеру мы узнаём, что Шувалов уже отправил письмо самому графу Дауну с просьбой организовать прибывшей артиллерии «новую пробу» уже при армии. Он сообщал при этом,

что обновлённый вариант его гаубиц уже и бомбами стрелять может, и, главное, «заряжается (так же) просто, как и единороги». Предполагалось, что сравнения будут производиться с австрийскими полевыми орудиями, сходными с ними по весу и габаритам: полукартаульные единороги — с 6-фунтовыми пушками и с полупудовыми гаубицами[37].

Однако ни о стрельбах, проведённых по прибытии русских артиллеристов в армию Дауна, ни о последующей отливке новой «шуваловской» гаубицы на арсенале г. Грац, информации в документах не обнаружено. Скорее даже наоборот: уже в феврале—марте 1760 года в письме канцлера М.И. Воронцова П.И. Шувалову говорится, что капитан артиллерии Жуков, находясь в Дрездене, ни о пробе орудий, ни об отправке назад в Россию никакой резолюции не имеет. Более того, сам фельдмаршал граф Даун от принца Лихтенштейна никакого ответа ещё не получил! Кроме того, сообщалось, что и сам Даун намерен скоро отъехать к себе на винтер-квартиры в Пирну, и тогда Жуков ни от кого резолюции вообще получить не сможет. Из-за чего Воронцов и испрашивает у Шувалова возможных уведомлений на этот счёт[38].

Хотя ответного письма П.И. Шувалова обнаружить не удалось, из источников всё же ясно, что на февраль (по старому стилю) 1760 года обещанная отливка «секретной» гаубицы всё ещё не состоялась, а испытательные стрельбы в армии графа Дауна, скорее всего, так и не были проведены. Однако именно в Дрездене (а не в Вене, как предполагают некоторые исследователи)[39] эти орудия мог видеть Жан-Батист Грибоваль. Всё дело в том, что в 1758 году, поступив на службу к австрийскому императору (в звании генерал-майора), он был отправлен для участия в осаде Нейссе, а уже в 1759 году занимался починкой и обновлением укреплений Дрездена[40].

Считать, что в тот период он мог ездить в Вену, чтобы участвовать в испытаниях русских гаубиц, было бы как минимум очень странно. Вполне достаточно, что сами стрельбы и их итоговый результат видели как генерал-директор артиллерии Австрии князь Лихтенштейн, так и Его Величество император Австрийский, — их компетенции вполне хватало, чтобы оценить настоящий потенциал привезённых в Вену орудий. Но быть в числе генералитета при штаб-квартире генерал-фельдмаршала графа Дауна в момент приезда туда команды русских артиллеристов Грибоваль вполне мог. Ибо как раз в то время он должен был находиться в районе Дрездена.

Таким образом, информация от составителей «Истории отечественной артиллерии» подтверждается лишь отчасти. Действительно, австрийцы были крайне заинтересованы в том, чтобы, воспользовавшись их союзом с Россией, получить доступ к новейшим на тот момент образцам русской артиллерии. Но, получив от русских, кроме, собственно, орудий и чертежей, также способ зачинки раковин в артиллерийских стволах, способ вязания картечей, сведения о парусиновых понтонах[41] и проч., они в ответ не предоставили ничего равноценного. Князь Лихтенштейн, упомянув при разговоре с С.М. Козминым секрет починки чугунных пушек и обещав при этом поделиться им с русскими, по некоторым причинам просто «забыл» впоследствии это сделать. Единственное, что сумел получить от него Козмин, — это, по сути, лишь чертёж способа зимней транспортировки орудий, переданный с гонцом Шувалову[42].

Все промедления при решении об отливке пробных орудий на арсенале в Вене или же в Граце можно списать на бюрократически-прагматичный подход австрийцев к данному обещанию. Если столичный арсенал, по справедливому замечанию Козмина, был и в самом деле загружен изготовлением артиллерии, предназначенной для отправки на фронт, то бессмысленно упрекать Лихтенштейна в изначальной задержке.

Также резонно будет предположить, что сам князь, отливавший нередко часть артиллерии за свой собственный, а не казённый счёт, очевидно, мог ждать результатов пробы присланной артиллерии. Ему явно не хотелось лить образец не изученного досконально орудия, тем более до того, как оно докажет свою пригодность на испытаниях.

Но куда менее понятны промедления, последовавшие в работе русских артиллеристов уже после произведённой в его присутствии пробы. Вполне возможно, что, несмотря на высокие характеристики единорогов или «секретных» «шуваловских» гаубиц, уже в ходе произведённых стрельб австрийцы поняли, что ни те ни другие всё-таки не являются «чудо-оружием», способным тотчас же радикально переломить ход войны. Посему у них не было никакой причины спешить с производством копий или тем более прерывать выполнение арсеналами уже выданных им заказов. И в этом смысле князь Лихтенштейн был, безусловно, прав. Перевооружение всей артиллерии на новые (а тем более, на его взгляд, весьма экзотичные) в тот момент образцы надлежало производить не в самом разгаре боевых действий, а уже после войны — на холодную голову и без лихорадочной спешки.

Так что, возможно, излишние обещания и похвалы в

адрес графа П.И. Шувалова могли являться результатом ритуальной дипломатической вежливости со стороны австрийцев, чего простой офицер Козмин, не искушённый в тонкостях придворного этикета, мог не понять.

Наконец, третья версия, почему вдруг австрийская сторона повела себя таким образом, — это начавшиеся дипломатические проблемы между Россией и Австрией после битвы под Кунерсдорфом. Разница в понимании двух союзных командований относительно стратегического планирования и совместных боевых действий (а она стала уже практически общим местом в отечественной историографии Семилетней войны), вне всяких сомнений, должна была отразиться и на судьбе российских артиллеристов в Вене. Соображения престижа русской артиллерии, всё время выдвигавшиеся П.И. Шуваловым в переписке с С.М. Козминым[43], были не менее очевидны и для австрийцев, из-за чего они также могли придержать основные решения по отливке русских орудий в Австрии. Во всяком случае, нужно отметить, что, несмотря на обычные и неизбежные трения между союзниками[44], командированные в Австрию офицеры были встречены там с большим уважением. Аудиенции у императора и императрицы Австрийских, организация пробных стрельб, консультации с князем Лихтенштейном и сотрудниками венского арсенала были проведены на самом высоком уровне. И несмотря на некоторые проволочки со стороны австрийцев, обмен опытом между артиллеристами стран-союзниц в тот период всё-таки состоялся. Кстати, в отличие от французов, которым король Людовик XV запретил принимать от русских аналогичную миссию и аналогичный подарок российской императрицы Елизаветы Петровны[45]. При этом аргументация французов была вообще достаточно далека от союзнической. Как пояснил сам король, «Il ne lui convenait d'ecourager la vanite de M. De Schwalow»[46].

Но в любом случае знакомство ряда высокопоставленных волонтёров австрийской армии, в т.ч. принцев Саксонских (а вероятно, и Ж.-Б. Грибоваля — будущего реформатора артиллерии Франции), оказало существенное влияние на развитие в западноевропейских армиях так называемых длинных гаубиц. Даже притом, что формально единороги системы П.И. Шувалова нигде в Европе не были скопированы напрямую, а отливка «секретной» гаубицы на арсенале в Граце, по-видимому, не состоялась.

Итак, мы можем видеть, что:

1. «Шуваловская» артиллерия получила достаточно положительную оценку в Европе: почти все отзывы очевидцев, присутствовавших на пробах её в Обергасинге, включая отзыв знаменитого реформатора австрийской артиллерии князя Лихтенштейна, исключительно комплиментарны — даже с учётом традиционной дипломатической вежливости.

2. Подробности секретной миссии русских артиллеристов при австрийском дворе и чуть позднее, уже при армии генерал-фельдмаршала графа Дауна, обнаруженные в документах ВИМАИВиВС, позволяют более полно и непредвзято взглянуть на последствия русско-австрийского сотрудничества в данной сфере. В частности, на эволюцию европейской артиллерии, полевой и осадной, после знакомства западноевропейских специалистов с «шуваловскими» моделями гаубиц (и в особенности — единорогов).

3. В имеющихся на сегодняшний день архивных источниках всё-таки нет никаких доказательств того, что австрийцы действительно отливали какие-либо орудия русского образца в арсенале Вены или же в Граце (в Штирии). Тем более не существует никаких данных, будто бы копии единорогов или «шуваловских» «секретных» гаубиц состояли на вооружении в Австрии. Предположения некоторых историков на этот счёт остаются лишь интерпретацией в изучении разработок П.И. Шувалова и его подчинённых. И она вызвана в большой степени неизученностью архивных данных по состоянию на 60—70-е годы XX века.

4. Действительное, а не вымышленное копирование единорогов за рубежом произошло, по-видимому, гораздо позже — уже в правление Екатерины II, о чём свидетельствуют турецкий образец единорога из музея в Стамбуле, датированный 1197 годом хиджры (1772/1773 г.)[47] или персидский 8-фунтовый единорог (инв. № МЧА 010/79), хранящийся в ВИМАИВиВС[48]. Но, без сомнения, эта тема требует исследования, выходящего далеко за пределы данной статьи.

Таким образом, эта тайная миссия русских артиллеристов в Вене, как и подарок Елизаветы Петровны странам — союзницам по Семилетней войне, не остались без далеко идущих последствий. Русская армия и артиллерия впервые после смерти Петра I упрочили свой престиж на международной арене, а изобретения П.И. Шувалова и его подчинённых стали настоящим событием в развитии артиллерии XVIII столетия. Стоит надеяться, что исследования «шуваловской» артиллерии в целом и эволюции единорогов в частности могут дать ещё много полезных и актуальных сведений относительно развития гладкоствольных образцов артиллерии (в т.ч. полевых и осадных гаубиц) в XVIII—XIX вв.

Примечания

[1] История отечественной артиллерии. Т. 1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). М.: [Б.и.], 1960. С. 203, 204.

[2] *Rambaud A.* Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 2. Paris: Ancienne Librarie Germer Baillière et Cie, Félix Alcan, Éditeur, 1890. P. 17; *Rambaud A.* Russes et Prussiens, guerre de Sept Ans. Paris — Nancy: Berger-Levrault et Cie, 1895. P. 50; *Duffy Christopher.* Russia's military way to the West: origins and nature of Russian military power, 1700—1800. Routledge & Kegan Paul, 1981. P. 69—72 etc.

[3] История отечественной артиллерии... С. 203.

[4] Всего в двух партиях — 13 «секретных» гаубиц и 10 единорогов разных калибров. См.: там же.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 204.

[7] Там же.

[8] *Morin M.* The 'unicorn' and the 'cannone di nuova inventione' // Journal of the Ordnance Society. 2011. Vol. 23. P. 45—53.

[9] *Peterson M.L.* Encyclopaedia of Markings & Decoration on Artillery. Ed. by R. Stenuit. Leiden, 2014. Part IIA4 — Switzerland — Germany — Austria — Denmark — Sweden — Norway. См.: официальный сайт Bermuda Underwater Exploration Institut [Электронный ресурс]: URL: https://www.buei.bm/wp-content/uploads/peterson/Part%20IIA4-Switzerland-Germany-Austria-Denmark-Sweden-Norway.pdf

[10] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС.). Ф. 2. Оп. дел Штаба генерал-фельдцейхмейстера (ШГФ). Д. 993. Л. 1.

[11] **Леопольд Йозеф Даун** (1705—1766) — австрийский военачальник, генерал-фельдмаршал (с 1754 г.). В годы Семилетней войны — главнокомандующий австрийской армией (1758—1763). Впоследствии — президент Гофкригсрата (1762—1766).

[12] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 993. Л. 5—6 об.

[13] Там же. Л. 7, 7 об.

[14] Там же. Л. 34—35 об.

[15] Там же. Л. 48. «Кашава» (нем. Kaschau) совр. Кошице (Словакия).

[16] Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 993. Л. 80. Козмин (Кузмин) Сергей Матвеевич.

[17] Там же. Л. 145. Рожнов Михаил Иванович.

[18] Там же. Л. 212. Сержант артиллерии Яков Минут уже в ходе командировки был пожалован в чин штык-юнкера.

[19] Там же. Л. 48.

[20] **Князь Йозеф Венцель I Лихтенштейн** (1696—1772) — генерал-директор артиллерии Австрии (с 1744 г.). Известный реформатор и разработчик новой материальной части австрийской артиллерии. С 1745 г. — генералиссимус австрийской армии.

[21] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 993. Л. 89—90 об.

[22] Там же. Л. 82.

[23] Там же. Л. 80, 80 об.

[24] Там же. Л. 197.

[25] Там же. Л. 90 об.—91.

[26] Там же. Л. 201—202 об.

[27] В обоих случаях из-за сквозного действия число попаданий в щиты превышает число картечей.

[28] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 993. Л. 208.

[29] Там же. Л. 209.

[30] Там же. Л. 210.

[31] Там же. Л. 216—217 об.

[32] Там же. Л. 236.

[33] **«Барон Ферштейн» — Антон Фердинанд фрайгерр Фойерштейн фон Фойерштейнсберг** (1691—1780) — фельдмаршал-лейтенант австрийской армии (с 1746 г.); в 1753 г. повышен до фельдцейхмейстера. В годы Семилетней войны командующий артиллерией в Праге (был ранен при её обороне). В 1757 г. за боевые заслуги пожалован имперским титулом фрайгерра.

[34] **Шпрингер Иван Иванович** (1713—1771) — генерал-майор русской армии. В 1756 г. исполнял должность генерал-квартирмейстера, руководил военной разведкой России. В ноябре 1756 г. командирован С.Ф. Апраксиным в австрийскую армию и служил русским представителем при главной квартире австрийской армии, являясь уполномоченным генерал-фельдмаршала графа Дауна.

[35] **Фридрих Михель фон Пфальц-Цвайбрюкен-Биркенфельд** (1724—1767) — Пфальцграф и герцог фон Цвайбрюкен-Биркенфельд, граф фон Раппольштайн. С 1758 г. — фельдмаршал австрийской армии. С 17 марта 1760 по апрель 1761 г. — католический имперский фельдмаршал австрийской армии, назначенный Регенсбургским рейхстагом.

[36] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 993. Л. 252—253 об.

[37] Там же. Л. 239—240 об.

[38] Там же. Л. 265—266.

[39] История отечественной артиллерии ... С. 204.

[40] Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Vol. 5: Enthaltend die Lebensskizzen der Denkwürdigen Personen, Welche 1750 bis 1850 im Kaiserstaate und in Seinen Kronländern Gelebt Haben. Füger-Gsellhofer. Wien: Zamarski, Dittmarsch & Co., 1859. S. 333, 334.

[41] АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 993. Л. 135.

[42] Там же. Л. 91 об.

[43] Там же. Л. 217, 217 об.

[44] Аналогичные проблемы, в основном бюрократического свойства, будут позднее периодически возникать у А.В. Суворова при совместных с Австрией действиях в Италии и Швейцарии в 1799 г.

[45] *Rambaud A.* Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 2. Paris: Ancienne Librarie Germer Baillière et Cie, Félix Alcan, Éditeur, 1890. P. 17, etc.

[46] Дословно: «дабы не поощрять гордость месье Шувалова» (фамилия Шувалова — согласно тексту оригинала).

[47] Askeri Müze toplar koleksiyonu / haz. Gülşen Arslanboğa, fotoğraf Recep Baydemir. İstanbul: Askeri Müze ve Kültür Sitesi Komutanliği, 2009. P. 144.

[48] *Громов А.В.* Артиллерия стран Востока (Турция, Персия, Средняя Азия) в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: ВИМАИВиВС, 2018. С. 8, 15.

A.V. Gromov

«...THEY WANT TO BE SURE ABOUT THE MIGHT OF OUR ARTILLERY»

Russian unicorns and Shuvalov howitzers in Austria (1758—1760)

Information about author. *Andrey Gromov — senior researcher at the Military History Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps (St. Petersburg. E-mail: artillery@yandex.ru).*

Summary. *The paper focuses on the issue of the myth regarding the foreign copying of Russian Shuvalov unicorns during the Seven Years' War (1756—1763) in Austria, France, and Saxony. Based on archival records, for the first time, actual information about a secret mission to Vienna by the artillery major of the Russian army, S.M. Kozmin, in 1758, has been investigated. This includes information about Russian Shuvalov artillery pieces, including unicorns and secret howitzers, which were presented to the Austrian Empress Maria Theresa with the highest approval from the Russian Empress Elizabeth Petrovna.*

Keywords: *the Russian Empire; Russian artillery; P.I. Shuvalov; secret howitzers; unicorns; S.M. Kozmin; L.J. Daun; J.W. Lichtenstein; J.-B. Gribeauval.*

К.А. Насонов

«СТРАДАНИЯ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ ДОСТИГЛИ НЕВЫРАЗИМЫХ ПРЕДЕЛОВ»

Медицинское обеспечение военнослужащих РККА и членов их семей (1918—1941 гг.)

Сведения об авторе. *Насонов Константин Александрович — доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, подполковник, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: 3275500@mail.ru).*

Аннотация. *В статье раскрывается деятельность органов государственной власти и военного управления по формированию, развитию и совершенствованию системы медицинского обеспечения военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии и членов их семей в 1918—1941 гг. Исследование, опираясь на широкую источниковую базу — научные труды, исторические документы из Российского государственного военного архива, Российского государственного архива новейшей истории и Государственного архива Волгоградской области (нормативные правовые акты, решения военных и политических деятелей государства, статистику заболеваемости в царской армии, Рабоче-крестьянской Красной армии, вооружённых силах зарубежных стран и другие сведения), — освещает ключевые направления данной деятельности. Наряду с прогрессом в развитии многих аспектов рассматриваемой проблемы в статье отражены и имевшиеся просчёты: недостаточные меры по борьбе с инфекционными заболеваниями; слабая оснащённость госпиталей техническими диагностическими средствами; значительный некомплект медицинского персонала; низкая мобилизационная готовность военно-медицинских учреждений в военных конфликтах 1938—1940 гг.; недостаточное изучение, обобщение и внедрение боевого опыта в лечебную и мобилизационную работу военно-медицинской службы и др. Сформулированы выводы, характеризующие положительную динамику развития медицинского обеспечения военнослужащих и членов их семей в рассматриваемый исторический период.*

Ключевые слова: *Главное военно-санитарное управление; вакцинация военнослужащих; медицинское обеспечение; санаторно-курортное обеспечение; раненые; больные; заболеваемость; госпитали; территориальные части.*

Главное военно-санитарное управление (ГВСУ), вошедшее в 1918 году в состав Наркомата здравоохранения РСФСР, стало полномочным органом военного управления, обеспечивавшим медицинское обслуживание личного состава Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). При этом оно имело двойное подчинение — Наркомздраву РСФСР и РВС Республики. В условиях Гражданской войны такой порядок диктовался необходимостью и позволял наиболее полно и рационально использовать ограниченные ресурсы Советской республики для нужд РККА и тыла страны.

Период Гражданской войны характеризовался массовыми эпидемиями паразитарных тифов как среди гражданского населения, так и среди личного состава РККА. Так, в период с октября 1918 по сентябрь 1920 года в Красной армии сыпным тифом переболели 573 882 человека, возвратным — 780 870. Помимо этого большую угрозу в то время представляли такие инфекционные заболевания, как брюшной тиф, дизентерия, холера, оспа. З.П. Соловьёв, возглавлявший в те годы ГВСУ, вспоминая эти критические испытания, писал: «Порой казалось, что мы на волосок близки к санитарной катастрофе. Жуткая, потрясающая действительность нестерпимо била по нервам. Страдания красноармейцев достигли невыразимых пределов»[1].

Несмотря на чрезвычайные трудности, усилия органов государственной власти и военного управления в тот период были направлены на максимальное расширение коечной сети, формирование новых госпиталей для армии, перевязочных отрядов, эваку-

ационных пунктов и других медицинских учреждений. В результате проделанной работы, например, число эвакуационных пунктов в период с 1918 по 1920 год увеличилось с 20 до 70, а число коек в них с 20 тыс. до 400 тыс. В 1921 году обеспеченность госпитальными койками в РККА достигла 10 коек на 100 человек личного состава[2].

Основными причинами широкого распространения тифов были крайне неблагоприятные жилищные условия, особенно скученность личного состава и недостаточная обеспеченность войск банно-прачечным обслуживанием. Распространению сыпного тифа и других инфекционных заболеваний в РККА способствовали также перебежчики и пленные из войск белой армии, инфекционная заболеваемость которых была очень высокой. Так, нарком здравоохранения РСФСР А.Н. Семашко отмечал, что в 60-тысячной армии противника, перешедшей на сторону Красной армии в первые же дни после разгрома Колчака и Дутова в 1919—1920 гг., 80 проц. оказались заражёнными тифом.

В профилактике брюшного тифа, холеры, паразитарных заболеваний решающую роль играла массовая вакцинация. Для этих целей создавались дивизионные и армейские «прививочные центры», высылавшие в воинские части прививочные отряды. Только в 1920 году прививками было охвачено до 80 проц. личного состава РККА[3].

Принятые меры вскоре принесли значимые результаты. Причиной встречавшихся в последующем единичных случаев тифов в войсках являлось заражение красноармейцев новобранцами в период их призыва. Например, на 1000 личного состава в 1920 году заболели 315 военнослужащих, в 1922 — 127, в 1924 — 1, в 1925 году — 0,37[4].

Ключевая роль в борьбе с инфекционными заболеваниями, в возвращении в строй больных и раненых военнослужащих принадлежала военно-медицинским кадрам. При укомплектовании воинских формирований РККА и лечебных учреждений ГВСУ пришлось преодолеть значительные трудности. В начале декабря 1917 года на службе в русской армии состояли 1950 врачей и зауряд-врачей[5], 1536 фармацевтов и около 60 тыс. лекарских помощников (лекпомов). Борьба за эти кадры велась с первых дней существования РККА. Представители органов военного управления неоднократно обращались со страниц периодической печати к медицинским работникам с призывом прийти на помощь Красной армии. Тем не менее некомплект медицинского персонала на фронтах оставался высоким[6].

З.П. Соловьёв

Военно-медицинская академия (ВМА), являясь центром подготовки военно-медицинских кадров для РККА, невзирая на имевшиеся трудности, продолжала обучение курсантов и осуществление выпусков врачей. В 1918 году диплом получили 136 человек, в 1919 — 174, в 1920 — выпуска не было, в 1921 — 59[7], в 1924 — 139, в 1925 году — 213 человек. Почти все выпускники ВМА были направлены в распоряжение начальника ГВСУ для укомплектования медицинских подразделений и учреждений РККА[8].

С 23 января 1918 года вместо ранее существовавших должностей ротных (батарейных, эскадронных) фельдшеров Народный комиссариат по военным и морским делам (НКВМ) ввёл должности младших и старших лекарских помощников с объявлением их солдатами-специалистами[9]. Комплектование воинских должностей зубными врачами, лекпомами и фармацевтами в тот период осуществлялось главным образом за счёт мобилизованных граждан, а также добровольно поступавших на службу.

Количество добровольцев-медиков, вступавших в ряды Красной армии после окончания Гражданской войны, было незначительным. Например, в 1925 году их число составило всего 65 человек. Это обстоятельство потребовало от органов военного управления принятия ряда решений. Начиная с 1926 года пополнение войск лекпомами стало осуществляться за счёт дополнительной подготовки при военных госпиталях санитарных инструкторов с ежегодным выпуском 800 специалистов, а с 1928 года — в школе военных лекарских помощников при ВМА на 100 мест. Тем не менее в РККА, так же как и в царской армии, имелся некомплект медицинского персонала. По состоянию на 1 апреля 1925 года некомплект врачей составлял (в проц.) 11, зубных врачей — 3,5, фармацевтов — 22, лекпомов — 19. Острота нехватки медперсонала частично компенсировалась призывом на срочную военную службу граждан, имевших медицинское образование. Принимавшихся мер было явно недостаточно. Поэтому органами военного управления было принято решение об увеличении в 1926—1927 гг. набора курсантов для подготовки санитарных инструкторов при военных госпиталях до 2000, а военных лекарских помощников при ВМА — до 400[10]. В 1934

году при ВМА дополнительно были созданы курсы по подготовке зубных врачей, в 1935 году было открыто Харьковское военно-фельдшерское училище, дополненное в 1938 году фармацевтическим отделением. В том же году было создано Кронштадтское военно-морское фельдшерское училище, при 1-м Ленинградском мединституте был образован военно-морской факультет[11].

Значительное количество раненых военнослужащих требовало их лечения с последующей реабилитацией, что повлекло со стороны органов власти принятие дополнительных мер по перевозке фронтовиков железнодорожным транспортом. Должностными лицами проводилась работа по организованной отправке их на лечение и в отпуск. В этих целях военнослужащим создавались вполне комфортные для того времени условия. Так, согласно приказам РВСР, Наркомздрава и Наркомата путей сообщения от 1919 года № 2252 и 1920 года № 253 больным и раненым красноармейцам при перевозке их железнодорожным транспортом должны были предоставляться классные вагоны или специально оборудованные вагоны-теплушки. Эти вагоны включались в состав пассажирских поездов. В случае сокращения пассажирского движения их включали в состав военных поездов, давая приоритет перед остальными вагонами, намеченными к включению в состав первого отходившего поезда. При этом каждую партию больных и раненых красноармейцев должен был сопровождать медперсонал. Ввиду частого сбоя в движении поездов и в связи с этим возможного удлинения срока их пребывания в пути выдача сухого пайка производилась им на руки из расчёта тройного количества дней в пути[12].

После окончания Гражданской войны отпала необходимость содержания большого количества койко-мест для раненых и больных красноармейцев, в связи с этим произошло сокращение госпитальной сети до необходимой потребности мирного времени. Архивные документы свидетельствуют, что количество койко-мест в госпиталях перекрывало имевшуюся потребность в госпитализации. Например, по Ленинградскому военному округу штатное количество койко-мест по состоянию на 1925—1926 гг. составляло 3080, а количество госпитальных больных достигало в октябре, ноябре и декабре 1925 года — 1574, 1666 и 1927 человек соответственно. Количество войсковых лазаретов, наоборот, увеличилось, главным образом за счёт приёмных покоев в частях. Дальнейшее их увеличение было затруднено в связи с отсутствием для этого помещений и оборудования[13].

Заполненность коек в войсковых лазаретах и приёмных покоях была ещё ниже, чем в госпиталях. Войсковые лазареты в октябре, ноябре и декабре 1926 года были загружены на 28,2, 38,7 и 59,04 проц., а приёмные покои — на 16,8, 19,8 и 32,24 проц. соответственно[14].

Следует отметить, что улучшение материально-технической оснащённости военно-медицинских учреждений привело к более качественному оказанию лечебной помощи. Так, в 1923 году количество выполненных рентгеновских снимков нуждавшимся военнослужащим составило 8,3, в 1924 — 15,8, в 1925 году — 21,3; число лабораторных исследований в 1922 году составляло 442, в 1924 — 513, в 1925 году — 589 на 1000 военнослужащих[15].

Весомое место в системе медицинского обеспечения военнослужащих занимало санаторно-курортное обслуживание. Сеть санаторно-курортных коек в РККА неуклонно расширялась. На курортах и в санаториях побывали в 1923 году 2828, в 1924 — 5750, в 1925 году — 7164 военнослужащих начсостава. Только на одних военно-курортных станциях рост физиотерапевтических процедур составил: в 1923 году — 129 220, в 1924 — 158 997, в 1925 году — 219 424[16]. Рост санаторно-курортного обслуживания начальствующего состава продолжился и в последующие годы (данные отражены в табл. 1).

Обеспеченность начальствующего состава санаторно-курортным обслуживаем стала значительно превосходить число застрахованных гражданских лиц, а также показатели обеспеченности военнослужащих царской армии. Например, в 1913 году из 1000 человек офицерского состава санаторно-курортными услугами вос-

Таблица 1

Санаторно-курортное обеспечение начальствующего состава РККА на 1000 человек в 1925—1928 гг.

№ п/п	Формы медицинского обеспечения	Годы		
		1925—1926	1926—1927	1927—1928
1	Курортное обслуживание	31,9	47,6	54,6
2	Санаторное лечение	18,4	13,7	40
	Всего:	**50,3**	**79,3**	**94,6**

Составлена по: РГВА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 118. Л. 2.

пользовались лишь 20, в 1926 году застрахованные рабочие страны — 1,8[17].

В связи с расширением возможностей зубоврачебной помощи возросло и количество обращений за ней военнослужащих. В 1920 году на 1000 человек личного состава приходилось только 34 обращения, в 1923 — 239, в 1925 году — 344[18].

Благодаря принимавшимся органами государственной власти и военного управления мерам уровень общей заболеваемости в РККА в сравнении с дореволюционной армией был заметно снижен. Число амбулаторных обращений на 1000 военнослужащих в 1913 году составляло 3508, а в 1926 году — 2978,8. Количество госпитализаций, наоборот, возросло. Если в 1913 году на 1000 военнослужащих их было 389,2, то в 1926 году — 455,5. Рост стационарных больных объяснялся расширением оснований для госпитализации[19]. Этот показатель подтверждает тот факт, что квалифицированная медицинская помощь для военнослужащих стала доступнее.

Количественные характеристики заболеваний находились в прямой зависимости от категории военнослужащих. Так, начальствующий состав за медицинской помощью обращался гораздо реже рядового, что объяснялось его более благоприятными материально-бытовыми условиями жизни. На 1000 военнослужащих в 1928 году из числа рядового состава заболели 3957 человек, а из числа начсостава — 1658 (диаграмма)[20].

На качественную характеристику заболеваний и их распространённость существенное влияние оказывало место прохождения службы. Например, личный состав Сухопутных войск был более подвержен простудным, нервным, венерическим заболеваниям и болезням кожи. А военнослужащие ВМФ отличались гораздо меньшими показателями по всем группам болезней, кроме венерических заболеваний, болезней глотки и миндалин.

Диаграмма

Составлена по: РГВА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 201. Л. 1.

Уровень заболеваемости переменного состава военных вузов был ниже, чем в частях РККА. Но в то же время у этой категории военнослужащих были высокие показатели нервных болезней, туберкулёза, малокровия, нараставшие к концу семестра, что свидетельствовало о значительной перегрузке курсантов и слушателей различного рода занятиями.

В 1928—1929 гг. на общевойсковые сборы на периоды от 40 до 74 дней подлежали призыву 501 380 человек, а на 90 дней были организованы сборы новобранцев в количестве 240 950

Переменный состав территориальных частей обращался за медпомощью гораздо чаще, чем кадровый. Это обусловливалось материально-бытовой необустроенностью населения, слабой физической подготовленностью призывавшихся граждан, недостаточным обеспечением сборов и ограниченным уровнем сельской лечебной сети в межсборовый период[21]. Например, количество амбулаторных обращений красноармейцев кадровых частей на 1000 военнослужащих в сентябре 1925 года составило 243,53, а для переменного состава территориальных частей — 269,18; количество госпитализированных равнялось 18,12 и 24,51 соответственно[22].

Вшивость призывавшегося на сборы контингента зачастую достигала 35 проц. При размещении личного состава в частях отмечались отсутствие постельных принадлежностей, слабая обеспеченность казарменных помещений оборудованием, наличие двухъярусных нар. Обмундирование и обувь, выдававшиеся призывникам, как правило, были ветхими, неоднократно ремонтировавшимися и к концу сборов приходившими в негодность[23]. Тем не менее необходимо отметить, что, несмотря на сложные социально-бытовые условия в тот период, общая распространённость болезней у резервистов из года в год снижалась, о чём

Отправка раненых красноармейцев на лечение в госпиталь авиационным транспортом
Монголия, район р. Халхин-Гол, 1939 г.

Раненые красноармейцы и медперсонал госпиталя
Советско-финляндская война 1939—1940 гг.

Эвакуация раненого санитарной авиацией
Карельский перешеек, Советско-финляндская война 1939—1940 гг.

свидетельствуют данные таблицы 2.

Следует подчеркнуть, что количество граждан, призывавшихся на территориальные сборы, было довольно значительным, и от Военно-санитарного управления (ВСУ с 1924 г.) РККА требовались существенные усилия по медицинскому обеспечению такого количества резервистов. Например, в 1928—1929 гг. на общевойсковые сборы на периоды от 40 до 74 дней подлежали призыву 501 380 человек, а на 90 дней были организованы сборы новобранцев в количестве 240 950[24].

Дальнейшее улучшение социально-бытовых условий и введение профилактических прививок в РККА привели к значительному снижению распространения инфекций. Последние случаи вспышек холеры в Красной армии были зарегистрированы в 1922 году[25]. В войсках стали наблюдаться лишь заносившиеся от гражданского населения единичные случаи эпидемических заболеваний, не получавших дальнейшего распространения. Однако здесь имелись и проблемные вопросы. Например, согласно анализу подведения итогов за 1925 год пользовались баней со сменой белья 3 раза в месяц всего лишь 55 проц. личного состава. Наименьшая обеспеченность войск банно-прачечным обслуживанием была в Среднеазиатском военном округе, где помывка со сменой белья осуществлялась всего 1—2 раза в месяц. Из-за этого заболеваемость паразитарными тифами по округу была в 5 раз выше в сравнении с другими объединениями[26].

Серьёзной проблемой в Красной армии оставался высокий уровень заболеваемости малярией. Например, за 1925 год количество заболевших на 1000 военнослужащих составило 59,58, в то время как в 1908 году это число равнялось 37,8, а в 1913 году — 20,8. Основными причинами роста этого заболевания являлись отсутствие у государства денежных средств

на проведение масштабных работ по уменьшению заболоченных площадей, ослабленный иммунитет населения, высокие летние температуры, способствовавшие активному размножению переносчиков инфекции. Работа по борьбе с распространением малярии в тот период в войсках велась в основном путём нефтевания заражённых водоёмов[27], проведением незначительных гидротехнических мероприятий по очистке мест размножения комаров и хинизацией[28] военнослужащих[29].

Повышение уровня заболеваемости туберкулёзом среди гражданского населения привело к его росту и в армии. Необходимо отметить, что туберкулёз лёгких составлял причину увольнения из РККА в 21,5 проц. случаев из всех имевшихся оснований, помимо этого он являлся причиной смерти в 12,8 проц. всех летальных исходов от болезней[30]. Раннее распознавание и своевременное лечение этого заболевания привело к снижению уровня смертности среди начсостава РККА в сравнении с армией дореволюционной России. Например, в 1913 году на 100 заболевших умерли 31,3, а в 1926 году — 3,4[31]. Тем не менее заболеваемость туберкулёзом в РККА в сравнении с показателями армий иностранных государств была довольно высокой, о чём свидетельствуют данные таблицы 3. Из этих сведений видно, что уровень заболеваемости туберкулёзом начсостава в 1926—1927 гг. более чем в 2 раза превышал показатели среди рядового состава и в 6—8 раз был выше параметров армий США и Германии. Это обусловливалось неблагоприятными условиями жизнедеятельности командного состава РККА и высокой служебной нагрузкой.

Заболеваемость сифилисом и другими венерическими болезнями среди рядового состава РККА стала значительно ниже, чем в царской армии, при этом в большинстве случаев заражение происходило до призыва новобранцев на военную службу. Снижение уровня этих болезней было связано с санитарным и трудовым воспитанием красноармейцев и своевременным квалифицированным лечением[32].

Следует обратить внимание на то, что уровень смертности военнослужащих РККА был заметно ниже показателей армий ряда зарубежных государств. На 1000 военнослужащих рядового состава РККА в 1928 году этот коэффициент составил 2,09, а для начсостава 3,19. В армии США в том же году этот показатель был равен 3,96 и 5,56 соответственно[33].

Архивные документы свидетельствуют о снижении смертности военнослужащих среди заболевших в сравнении с армией царской России. На 100 заболевших в 1913 году количество смертей составило 0,78, а в 1926 году — 0,41. Это было обусловлено ранним распознаванием и лечением болезней. Тем не менее уровень заболеваемости личного состава РККА всё ещё оставался высоким. Основными причинами, оказывавшими влияние на этот показатель, являлись: высокая плотность военнослужащих при их размещении; недостаточное благоустройство казарменных помещений; перебои в теплоснабжении, обеспечении качественной водой; проблемы

Таблица 2

Уровень заболеваемости личного состава территориальных сборов СКВО и СибВО на 1000 человек в 1923—1925 гг.

№ п/п	Годы	СКВО	СибВО
1	1923	476	—
2	1924	421,2	577,1
3	1925	395,5	375,3

Составлена по: РГВА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 26. Л. 38.

Таблица 3

Количество госпитализаций больных туберкулёзом на 1000 человек личного состава Русской армии, РККА и армий зарубежных стран в 1913—1927 гг.

№ п/п	Наименование армии/гос-ва	Годы	Показатели заболеваемости рядового состава	Показатели заболеваемости начсостава
1	Русская армия	1913	2,3	3,2
2	РККА	1926	6,33	12,71
3	РККА	1927	5,77	14,10
4	США	1926	2,03	1,59
5	Англия	1925	1,3	1,2
6	Германия	1925	2,35	2,36

Составлена по: РГВА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 118. Л. 1 об.

с канализацией; затруднения в обеспечении вещевым имуществом; недостаточная калорийность красноармейского пайка; перебои в банно-прачечном обслуживании и др.[34]

Военнослужащие РККА в сравнении с рабочими гражданских наркоматов болели значительно меньше, их трудопотери были почти в 2 раза ниже. Так, количество дней, пропущенных по болезни, на одного военнослужащего в 1926 году составляло 8,65, а среди рабочих — 16,1[35].

Органами военного управления на регулярной основе проводилось инспектирование воинских частей. Одна из таких проверок состоялась в декабре 1928 года в Сибирском военном округе. Она охватила воинские части, соединения и военно-санитарные учреждения, расположенные в Омске, Новосибирске, Барнауле, Агинске, Красноярске и Канске. Предметом проверок были такие вопросы, как распространение среди личного состава вшивости и меры борьбы с ней; организация банно-прачечного обслуживания; обеспечение казарменных помещений оборудованием для сушки одежды и обуви; санитарный надзор за кухнями и хлебопекарнями; телесный осмотр личного состава; обеспеченность военнослужащих вещевым имуществом; санитарно-жилищный надзор за новым казарменным строительством; проверка деятельности войсковых лечебных учреждений и военных госпиталей; организация санаторно-курортного обеспечения военнослужащих и членов их семей и др.[36]

Помимо проверок воинских частей в пунктах постоянной дислокации, осуществлялся санитарный контроль войск, находившихся в полевых лагерях. В 1928 году должностными лицами ВСУ были обследованы 89 наиболее крупных палаточных городков. Проверкой было установлено, что во многих местах временного размещения войск палатки пропускали атмосферные осадки. Наиболее сложное положение складывалось на Дальнем Востоке. Во Владивостокском полевом лагере постельное бельё постоянно было влажным из-за того, что в летнее время влажность воздуха составляла 90—99 проц. Данные условия привели к росту заболеваемости ревматизмом: если средний показатель на 1000 военнослужащих по округу составлял 4,3, то в этом полевом лагере в сентябре 1928 года — 8,0. Вместе с тем многие полевые лагеря располагались в неблагополучных по малярии регионам с наличием заболоченных местностей. Например, в Московском военном округе к таковым относились Гороховецкий, Ковровский и Воронежский.

На 100 заболевших в 1913 году количество смертей составило 0,78, а в 1926 году — 0,41. Это было обусловлено ранним распознаванием и лечением болезней

Кроме того, были выявлены проблемы с водоснабжением войск и ассенизацией. Из 89 полевых лагерей только 15 имели водопровод, в 38 было неудовлетворительное качество воды и перебои с её обеспечением. Эти обстоятельства привели к серьёзному росту желудочно-кишечных заболеваний. Например, в Сталинградском лагере Приволжского военного округа на 1000 военнослужащих приходилось 31,29 таких заболеваний, а в среднем по округу этот показатель составлял 12,51.

Наряду с этим 32 проц. полевых лагерей не были оборудованы банями, не везде на должном уровне были организованы прачечные, что в ряде воинских частей привело к распространению вшивости, особенно среди переменного состава территориальных частей. Выявленные в ходе проверок недостатки легли в основу доклада начальнику Военно-санитарного управления РККА М.И. Баранову, который дал соответствующие указания для принятия надлежащих мер[37].

В 1928 году в СССР была принята первая пятилетка, предусматривавшая развитие народного хозяйства. Соответствующий документ был принят и в РККА. Пятилетним планом от 9 апреля 1930 года предполагалось значительно улучшить материально-бытовое положение начальствующего

Таблица 4

Финансирование лечебной помощи военнослужащим РККА в период 1928—1933 гг.

Наименование расходов	Количество выделенных денег по годам на 1 чел., руб.				
	1928—1929	1929—1930	1930—1931	1931—1932	1932—1933
Лечебное обеспечение всех категорий военнослужащих	9,5	15	17	18	19

Составлена по: РГВА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 349. Л. 23, 23 об.

и рядового состава, в т.ч. было запланировано и развитие медицинского обеспечения личного состава. С этой целью было предусмотрено увеличение сети войсковых лечебных заведений (лазаретов и приёмных покоев); оборудование амбулаторий физиотерапевтическими площадками, диагностическими лабораториями, обеспечение продуктами диетпитания и медикаментами; развёртывание сети домов отдыха, ночных санаториев. Развернуть войсковые лазареты и приёмные покои планировалось прежде всего в кадровых воинских частях, во вторую очередь — в территориальных соединениях, а их количество к 1933 году должно было составлять 106 общим числом коек 2600. В каждом стрелковом полку и территориальной воинской части лазарет должен был иметь по 20 койко-мест. Стоимость одной койки в тот период составляла в среднем 250 руб. в год. Для реализации только этой задачи затраты бюджета составили 650 тыс. руб.[38]

Государством были выделены дополнительные денежные средства на улучшение медицинского обеспечения всех категорий военнослужащих, данные о которых отображены в таблице 4. Учитывая, что средняя численность красноармейцев в 1930—1931 гг. составляла 467 650, количество начсостава в тот же период равнялось 92 287, военнослужащих сверхсрочной службы — 53 393, общие суммы расходов были довольно внушительными[39].

Н.А. Семашко

Помимо этого одним из важных направлений оставалось развитие санаторно-курортного обслуживания начальствующего состава. Было предусмотрено дополнительное финансирование на увеличение штатных койко-мест на военно-курортных станциях, в результате чего обеспеченность нуждавшихся в санаторно-курортном лечении из числа начсостава возросла на 41 проц. (табл. 5).

Увеличение количества койкомест на существовавших военно-курортных станциях и создание двух новых — Боровое для СибВО и кумысолечебной в Сергиевских минеральных водах на 100 мест каждая при средней стоимости койко-места 180 руб. в месяц — потребовало выделения из бюджета 7 408 800 руб.[40] Помимо этого согласно приказу РВС СССР от 1928 года № 11 с того же года началось развёртывание сети санаторных отделений в военных госпиталях, количество которых было доведено до 1200 — 10 проц. от количества в них коек.

С целью организации отдыха начальствующего состава РККА в 1930 году было принято решение о развёртывании сети

Таблица 5

План развития санаторно-курортного обслуживания начальствующего состава РККА на период 1928—1933 гг.

Военно-курортные станции	Увеличение количества койко-мест по годам				
	1928—1929	1929—1930	1930—1931	1931—1932	1932—1933
Кисловодск	200	250	250	250	300
Ессентуки	100	100	150	150	150
Пятигорск	115	115	115	115	150
Сочи	50	100	100	100	400
Гурзуф	300	300	350	350	350
Саки	200	200	250	250	250
Евпатория	100	100	100	150	150
Боровое	—	—	100	100	100
Сергиевские минеральные воды	—	—	—	100	100
Всего:	**1065**	**1165**	**1415**	**1565**	**1950**

Составлена по: РГВА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 349. Л. 23 об.

домов отдыха окружного, районного и местного значения. Был произведён расчёт обеспечения местами в домах отдыха начальствующего состава, сверхсрочнослужащих и членов их семей, данные которого приведены в таблице 6.

Стоимость 1 койко-места в доме отдыха составляла в 1930 году 110 руб. в месяц на 1 человека, из которых 55 руб. оплачивались за счёт НКВМ и 55 руб. отдыхающим[41].

По состоянию на 1930 год военно-лечебными заведениями семьям начсостава оказывалась лишь неотложная амбулаторная помощь. В госпиталях для них было выделено 5 проц. койкомест, в военно-курортных станциях и санаторных отделениях военных госпиталей 10 проц. Основное медицинское обслуживание семей начсостава проводилось гражданскими лечебными учреждениями наравне с семьями застрахованных рабочих и служащих.

М.И. Баранов

В районе реки Халхин-Гол фактически полностью повторились ошибки, допущенные органами военного управления в развёртывании санитарной службы на озере Хасан

Для улучшения общей и специальной медпомощи, включая санаторно-курортное лечение, в 1929—1930 гг. семьям начсостава было отпущено более 500 тыс. руб., что обеспечило лишь 10 проц. от общей потребности. В дальнейшем до 1933 года было запланировано увеличение обеспеченности семей начсостава и сверхсрочнослужащих до 50 проц. лечебной помощью по линии как военных, так и гражданских лечебных учреждений. Для реализации намеченных планов и обслуживания 152 680 семей из бюджета страны потребовалось выделение 9 240 000 руб.[42]

Серьёзной проверкой системы медицинского обеспечения РККА и степени её готовности стали боевые действия в районе озера Хасан (29 июля — 11 августа 1938 г.), реки Халхин-Гол (11 мая — 16 сентября 1939 г.) и Советско-финляндская война (30 ноября 1939 — 13 марта 1940 г.).

На организацию медицинского обеспечения войск Красной армии, принимавших участие в боевых действиях в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол, существенное влияние оказали географические условия. Железные дороги в Монгольской Народной Республике в то время отсутствовали, а ближайшей железнодорожной станцией была Борзя, расстояние от которой до реки Халхин-Гол составляло 750 км, что значительно затрудняло эвакуацию больных и раненых военнослужащих в лечебные учреждения[43].

При организации медицинского обеспечения боевых действий в районе реки Халхин-Гол фактически полностью повторились ошибки, допущенные органами военного управления в развёртывании санитарной службы на озере Хасан, где единственный отмобилизованный полевой госпиталь прибыл в район проведения войсковой операции только 12 августа 1938 года, т.е. после её окончания[44]. Опыт хирургической работы на озере Хасан также не был обобщён и учтён, из-за чего до 40 проц. раненых отправляли из медико-санитарных батальонов в госпитали с неправильно наложенными на раны швами. Их потом приходилось расшивать, что приводило к нежелатель-

Таблица 6

Расчёт обеспечения начальствующего состава, сверхсрочнослужащих РККА и членов их семей местами в домах отдыха

Категория обеспечиваемых	Обеспеченность местами по годам, проц.		
	1930—1931	1931—1932	1932—1933
Военнослужащие	15	30	50
Члены семей военнослужащих	10	15	25

Составлена по: РГВА. Ф. 51. Оп. 2. Д. 349. Л. 24 об.

ным осложнениям и удлинению сроков лечения[45].

Помимо этого имелся ещё ряд существенных недостатков, выявленных правительственными проверками. Так, 10 августа 1939 года народный комиссар внутренних дел Л.П. Берия докладывал председателю СНК СССР В.М. Молотову: санитарный отдел ЗабВО не обеспечил мобилизационную готовность санитарных учреждений округа, что привело к задержке развёртывания госпиталей. Так, госпиталь, сформированный в здании читинской средней школы № 4, начал свою работу с опозданием на три дня. Кроме того, Читинский окружной военный госпиталь не был укомплектован медицинским персоналом и оказался неподготовленным к приёму пациентов: на 1500 раненых, прибывших в госпиталь, имелись только 3 хирурга. В результате нуждавшиеся в оперативном лечении военнослужащие по 8—9 дней не могли получить квалифицированную медицинскую помощь. После прибытия очередной партии раненых в количестве 250 человек в госпитале не оказалось свободных мест. Людей разместили во вновь построенном, но не подготовленном к приёму больных здании хирургического корпуса, где не была организована оперативная медицинская помощь, в результате тяжелораненые несколько суток находились в грязных повязках, наложенных ещё на фронте. Более того, приготовление пищи в госпитале не соответствовало распорядку дня: завтрак вместо 9 ч выдавался в 11—12 ч, ужин затягивался до 3 ч ночи, а 13 июля около 100 раненых вообще остались без горячей пищи[46].

Отмечались организационные проблемы и с эвакуацией раненых. Так, командующий фронтовой группой командарм 2 ранга Г.М. Штерн, разрабатывая наступательную операцию, начавшуюся 20 августа 1939 года, дал указания о готовности самолётов и автотранспорта для перевозки раненых к 12 августа. При этом первый самолёт «Дуглас» для их эвакуации прибыл только 25 августа, второй — 1 сентября, а санитарные машины стали прибывать лишь с 26 августа. Из-за этого эвакуацию раненых пришлось осуществлять на не приспособленном для этих целей автотранспорте и менее подготовленных самолётах ТБ-3. Взаимодействие между командованием фронта и санитарным отделом ЗабВО организовано не было, из-за чего раненых привозили в госпитали без согласования. В Улан-Баторе, например, сотрудники госпиталя узнали о том, что к ним прибыли более 300 раненых, только тогда, когда машины с ними стояли уже у ворот лечебного учреждения, а на станции Борзя в первые дни боёв у госпиталя скопились более 1500 раненых, лежавших прямо на земле. Для оказания медицинской помощи такому количеству пострадавших не было необходимого количества специалистов и медикаментов[47].

Л.П. Берия

В ходе боевых действий в период Советско-финляндской войны в организации медицинской службы также был выявлен ряд недостатков. Большинство хирургов не были знакомы с работой в полевых условиях, тем более в условиях массового поступления раненых. Медперсонал испытывал недостаток перевязочного материала, средств для наркоза, шин для иммобилизации при переломах костей, наблюдался некомплект инструментария, аппаратуры и пр. Отмечалась необеспеченность лечебных учреждений палаточным фондом, санитарным транспортом, средствами отопления и освещения. Главным источником освещения операционных являлись керосиновые лампы «летучая мышь», которые в ряде учреждений остались до конца войны. В отдельных случаях для этой цели приспосабливали автомобильные фары. В дальнейшем в войска стали поступать генераторы, которых было крайне недостаточно[48].

Накануне Великой Отечественной войны в условиях обострения международной обстановки, а также проведения органами государственной власти и военного управления комплекса мероприятий по укреплению обороноспособности государства шёл процесс форсированного совершенствования медицинской службы Красной армии. Постепенно росла техническая оснащённость военно-лечебных учреждений. Если в 1938 году рентгеновские установки имелись в госпиталях (в проц.) — 85, физиотерапевтические кабинеты — 82, лаборатории — 97, то в 1939 году эти показатели равнялись 96, 97, 100 соответственно[49]. В то же время архивные документы свидетельствуют о том, что оснащённость армейских госпиталей была значительно ниже, чем гражданских больниц. Так, если гражданское лечебное учреждение на 300—500 коек имело 2—3 рентгеновские установки, то в госпиталях был в наличии только один такой аппарат, а в некоторых их не было совсем. Наблюдалась острая нехватка передвижных рентгенустановок, которых имелось лишь 5 проц. от необходимого количества. В 1939 году Красной армией

были получены всего 8 таких аппаратов вместо 430 запланированных[50].

Помимо этого перед началом Великой Отечественной войны существовавшая коечная сеть составляла 1,2 проц. от численного состава армии, в то время как старая русская армия в 1913 году имела 2,1 проц. армии, Германии и США — 4 проц.[51]

Штаты врачей в военных госпиталях были ограничены: на одного врача приходились 30—35 коек, тогда как в гражданских лечебных учреждениях 1 врач обслуживал 15—20 больных. Госпитали на 150 коек и меньше не имели в штате рентгенологов, лор-врачей, окулистов и невропатологов[52].

В преддверии Великой Отечественной войны помимо нехватки лечебных учреждений имелись существенные проблемы с мобилизационным ресурсом медработников, состоявшим в значительной степени из женщин, на которых приходилось (в проц.): врачей — 63,5, фельдшеров — 84,5, зубных врачей — 80. Учитывая, что призыв женщин в Красную армию был регламентирован, фактические ресурсы медсостава в период мобилизации были невысокими. Кроме того, женщины-врачи подлежали назначению только в тыловые части и учреждения. Вместе с тем одной из существенных кадровых проблем являлась острая нехватка хирургов. Потребность армии в этой категории врачей с учётом женщин удовлетворялась лишь на 49 проц.

В.М. Молотов

Недостаточное количество специалистов хирургического профиля объяснялось тем, что вопросу их подготовки в предвоенные годы должного внимания не уделялось. Так, из 99 700 врачей, имевшихся в то время в системе Наркомздрава СССР, хирургов насчитывалось 9500 человек, из них мужчин 6700, причём в возрасте до 25 лет — 73, от 25 до 29 лет — 313, от 30 до 34 лет — 773. Основная же масса хирургов — более 80 проц. — имели возраст 45—50 лет и старше[53].

Некомплект медицинского состава на начало июня 1941 года в целом по Красной армии достиг 40 проц. Из общего дефицита врачей, составлявшего 7230 специалистов, на войсковое звено медицинской службы приходилось 6000. Для выхода из сложившейся ситуации 1 июня 1941 года начальником Санитарного управления Красной армии было подготовлено ходатайство на имя наркома обороны о назначении на должности врачей 4500 военнослужащих срочной службы, имевших соответствующее образование, и о дополнительном призыве из запаса ещё 1200 докторов. Однако устранить этот некомплект специалистов до начала Великой Отечественной войны не удалось[54].

Таким образом, вопросы медицинского обеспечения военнослужащих РККА в 1918—1941 гг. были в центре внимания органов государственной власти и военного управления. За короткий срок существования советской власти медицинской службе РККА в сложных экономических условиях удалось решить ряд существенных проблем: расширение коечной сети; проведение массовой профилактической вакцинации военнослужащих; формирование новых образовательных учреждений военно-медицинского профиля, создание в них дополнительных мест для подготовки специалистов; развитие и расширение сети санаторно-курортных учреждений, домов отдыха; совершенствование материально-технической оснащённости военно-лечебных организаций; осуществление санитарного надзора и контроля личного состава войск; повышение качества лечебной помощи военнослужащим и членам их семей и др.

Принятые меры позволили искоренить в войсках распространение опасных инфекционных заболеваний; обеспечить военнослужащих и членов их семей комфортными условиями лечения и отдыха; сократить уровень заболеваемости и смертности в армии; уменьшить трудопотери среди военнослужащих; в боевых условиях обеспечить оказание первой помощи больным и раненым, их эвакуацию, лечение и реабилитацию.

Перед началом Великой Отечественной войны существовавшая коечная сеть составляла 1,2 проц. от численного состава армии, в то время как старая русская армия в 1913 году имела 2,1 проц. армии, Германии и США — 4 проц.

Опыт, приобретённый в военных конфликтах 1938—1940 гг., лёг в основу оптимизации всей системы медицинского обеспечения военнослужащих Красной армии и был направлен на искоренение просчётов и недостатков, выявленных в период боевых действий. Однако, несмотря на принятые органами военного управления меры, медицинская служба РККА подошла к началу Великой Отечественной войны в стадии незавершённой реорганизации.

Эффективность мер по сохранению жизни и здоровья военнослужащих в вооружённых конфликтах была напрямую связана с качеством анализа, обобщения и внедрения в практику знаний, накопленных военно-медицинской службой в условиях боевых действий. Думается, это актуально и сегодня, в ходе проведения Специальной военной операции.

Примечания

[1] Очерки истории советской военной медицины / Под ред. Д.Д. Кувшинского, А.С. Георгиевского. Л.: Медицина, 1968. С. 18, 19, 79.
[2] Там же. С. 19, 76, 77.
[3] *Белевитин А.Б., Шелепов А.М., Веселов Е.И.* Военная медицина: становление, развитие. СПб.: Изд-во Ъ, 2007. С. 220.
[4] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 34. Оп. 1. Д. 26. Л. 33.
[5] Зауряд-врач — лицо, имеющее свидетельство, которое даёт право занимать должность врача и выполнять соответствующие обязанности, но не имеющее диплома о законченном высшем образовании.
[6] *Гладких П.Ф.* Российская военная медицина в первые годы советской власти // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 3. С. 12, 13.
[7] Очерки истории советской военной медицины. С. 91.
[8] РГВА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 26. Л. 40—43.
[9] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. М.: Б.и., 1942. С. 295.
[10] РГВА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 26. Л. 40—43.
[11] *Гладких П.Ф.* История организационного строительства и деятельности медицинской службы Сухопутных войск и Военно-воздушных сил России. 1861—1942 гг. Автореф. дисс. ... докт. мед. наук. СПб.; М., 1995. С. 17.
[12] Государственный архив Волгоградской области. Ф. 1793. Оп. 1. Д. 133. Л. 202.
[13] РГВА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 99. Л. 12, 40а.
[14] Там же. Л. 45, 46.
[15] Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 40.
[16] Там же.
[17] Там же. Оп. 3. Д. 70. Л. 37.
[18] Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 40.
[19] Там же. Оп. 2. Д. 99. Л. 7.
[20] Там же. Д. 201. Л. 1.
[21] Там же. Д. 99. Л. 7—8.
[22] Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 37—38.
[23] Там же. Оп. 2. Д. 132. Л. 31, 31 об.
[24] Там же. Л. 73.
[25] Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
[26] Там же. Л. 33.
[27] Метод истребления личинок комаров путём создания на поверхности водоёма тонкого слоя нефтепродуктов.
[28] Систематический приём хинина с целью профилактики малярии.
[29] РГВА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 26. Л. 33—34.
[30] Там же. Оп. 2. Д. 118. Л. 11.
[31] Там же. Д. 99. Л. 8а.
[32] Там же. Л. 8, 8а.
[33] Там же. Д. 201. Л. 4—6.
[34] Там же. Д. 99. Л. 9, 10.
[35] Там же. Д. 118. Л. 36.
[36] Там же. Л. 78—79.
[37] Там же. Л. 181—182.
[38] Там же. Д. 349. Л. 22 об.
[39] Там же. Л. 23, 23 об.
[40] Там же. Л. 24.
[41] Там же. Л. 24 об.
[42] Там же. Л. 25.
[43] Очерки истории советской военной медицины. С. 170.
[44] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 96. Л. 60.
[45] Там же. Л. 78.
[46] Там же. Л. 54—55.
[47] Там же. Л. 61.
[48] *Будко А.А., Иванькович Ф.А.* Военная медицина СССР и Финляндии в Советско-финляндской (Зимней) войне 1939—1940 гг. СПб.: ВММ МО РФ, 2005. С. 87.
[49] *Гладких П.Ф.* Медицинская служба Красной армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (История строительства). Накануне. 11 мая 1939 г. — 22 июня 1941 г. СПб.: Наука, 1995. С. 23.
[50] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 96. Л. 88.
[51] Там же. Л. 81.
[52] Там же. Л. 74.
[53] Там же. Л. 67.
[54] Очерки истории отечественной военной медицины. Кн. VI. Мобилизационная готовность, развёртывание и работа медицинской службы Сухопутных войск Красной армии западных приграничных военных округов накануне и в начальном периоде Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Декабрь 1940 г. — сентябрь 1941 г. / Под ред. П.Ф. Гладких. СПб., 2002. С. 20.

K.A. Nasonov

«THE SUFFERING OF RED ARMY SOLDIERS REACHED UNIMAGINABLE LEVELS»

Medical care for Red Army soldiers and their families during the period of 1918—1941

Information about author. *Konstantin Nasonov — assistant professor at the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces) of the Prince Alexander Nevskiy Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, lieutenant colonel, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: 3275500@mail.ru).*

Summary. *The paper examines the activities of government agencies and military authorities in the creation, development, and improvement of a medical care system for servicemen in the Workers' and Peasants' Red Army and their families during the years 1918 to 1941. It focuses on the key aspects of this work, drawing on a wide range of sources, including scholarly works, historical documents from Russian state military archives, the Russian State Archive for Contemporary History, and the State Archives of the Volgograd region (regulations, decisions by government officials, statistics on morbidity in the imperial army, the Red Army, and armed forces of other countries, among other materials). Along with the progress made in the development of various aspects of the issue under consideration, the paper also highlights some existing shortcomings: insufficient measures to control infectious diseases, poor equipment of hospitals with diagnostic equipment, a significant lack of medical professionals, low mobilization preparedness of military medical facilities during the military conflicts of 1938—1940, and insufficient study, synthesis, and implementation of combat experiences in the treatment and mobilization activities of the military medical service. However, the paper concludes that there has been positive progress in the provision of medical care to military personnel and their families during the historical period in question.*

Keywords: *Main Military Sanitary Directorate; vaccination of military personnel; medical care; health resort care; wounded; sick; morbidity; hospitals; territorial units.*

С.В. Горохов

«НАЧАЛО ИСТОРИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ИНЖЕНЕРНОЙ ЧАСТИ В РОССИИ...»

Городни и тарасы в Сибири и на Дальнем Востоке в свете исследований Ф.Ф. Ласковского

Сведения об авторе. *Горохов Сергей Валерьевич — научный сотрудник Новосибирского национального исследовательского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Новосибирск. Email: gorokhov.sv@yandex.ru).*

Аннотация. *Процесс изучения русской фортификации в Зауралье требует от исследователей обращения к аналогичным материалам по общерусской фортификации для выявления сибирской специфики и её культурно-исторической интерпретации. Цель данного исследования: выявить потенциал и проблемы использования историографии по общерусской фортификации для решения вопросов, связанных с фортификацией в Сибири и на Дальнем Востоке, на примере рубленых стен городов и острогов — тарас и городней. Статья написана на основе научных публикаций по русской фортификации, а также соответствующих письменных и археологических материалов. В ходе исследования установлено, что при разработке проблематики русских оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — начале XVIII века наработки по общерусской фортификации не могут считаться фундаментальными, т.к. многие вопросы данной тематики пока не решены должным образом.*

Ключевые слова: *Сибирь; Дальний Восток; историография; фортификация; деревянные оборонительные сооружения; городни; тарасы; Ф.Ф. Ласковский.*

Архитектура русских оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — начале XVIII века является прямым продолжением общерусских фортификационных традиций. Поэтому для решения проблем русской фортификации в Зауралье неизбежно приходится обращаться к результатам изучения оборонительных сооружений в европейской части Русского государства.

Наибольший интерес у историков и археологов вызывают архитектурные памятники, в которых отражены самые сложные, масштабные и совершенные конструктивные решения своего времени[1]. В области фортификации к таковым относятся рубленые стены двух видов — городни и тарасы. Их конструктивное устройство впервые описал в научной литературе в 1858 году русский военный инженер и историк, заслуженный профессор Николаевской инженерной академии генерал-майор (генерал-лейтенант с 1862 г.) Ф.Ф. Ласковский (1802—1870). Согласно его концепции городни представляли собой отдельные срубы, поставленные вплотную друг к другу. Тарасы же состояли из двух параллельных венчатых стен с перерубами[2]. Данной точки зрения придерживаются большинство исследователей[3].

Однако сопоставление этих концепций с источниковой базой по архитектуре сибирских и дальневосточных городов и острогов порождает принципиальные противоречия. Их разрешение лежит в области проверки обеспеченности современных представлений о городнях и тарасах достаточной источниковой базой и должной аргументацией.

Первое упоминание тарас связано с осадой Казани русским войском в 1552 году[4]. Однако в тот период так называли штурмовые приспособления русского войска неустановленной конструкции и набитые землёй массивные срубы, поставленные казанскими татарами перед башнями за рвом[5].

Тарасы в значении ключевого конструктивного элемента стен городов и острогов впервые встречаются в 1619 году при описании фортификационных сооружений

Костромы («орублен тарасы косые, как ставитца острог лежачей»[6]). Но их регулярное применение началось только в 1624-м. Считается, что городни появились раньше, некоторое время сосуществовали с тарасами, но к концу XVII века, как правило, были вытеснены ими.

На основе этой фундаментальной базы и началась наша разработка темы городней и тарас в Сибири и на Дальнем Востоке. Были выявлены и проанализированы все упоминания этих терминов в опубликованных письменных источниках и исследовательской литературе. Городни фигурируют при описании стен 20 оборонительных сооружений[7], причём в источниках — только относительно Берёзова[8], Мангазеи[9], Тары[10], Томска[11], Туруханска[12] и Тюмени[13]. Во всех остальных случаях наличие стен из городней является предположением исследователей, не располагающих необходимыми источниками и аргументами. В Берёзове, Мангазее и Туруханске в ходе раскопок выявлены крепостные стены[14], представляющие собой две параллельные стены с перерубами[15], которые согласно современным представлениям являются тарасами.

Таким образом, одна из выявленных в ходе исследования проблем касается несоответствия данных письменных источников и зафиксированных археологически архитектурных остатков. При рассмотрении этой проблемы нужно исходить из выявленной нами закономерности. Её суть состоит в том, что есть хронологическая обусловленность имеющихся в письменных источниках терминов «городни» и «тарасы»: первый — более ранний[16].

Отражает ли смена терминологии изменение конструкции стен? На этот вопрос был дан отрицательный ответ, т.к., согласно данным письменных источников, в Берёзове, Мангазее и Туруханске были городни, а в ходе проведённых там же раскопок обнаружены тарасы. Это также подтверждено дополнительными фактами: 1) в письменных источниках не обнаружено конструктивных признаков городен; 2) в ходе археологических исследований в рассматриваемом регионе не были найдены городни[17]. Следовательно, в Сибири и на Дальнем Востоке городни как конструкция оборонительных стен не применялись. Значит, городни и тарасы «не являются обозначением разных конструкций стен. Оба эти термина подразумевают тарасную конструкцию, которая до середины XVII века в письменных источниках называлась “городни”, а со второй половины XVII в. — преимущественно “тарасы”»[18]. Такой вывод разрушает сложившиеся представления о различном конструктивном устройстве городен и тарас.

Однако, чтобы убедиться в этом, необходимо проанализировать аргументацию исследователей, разрабатывавших тему конструктивного устройства тарас[19], и удостовериться, что современные представления об их конструкции соответствуют источниковой базе и должным образом обоснованы. Проведённый нами анализ множества мнений специалистов по истории русской фортификации XVI—XVIII вв.[20] показал: никто из них не ставил перед собой задачи выяснить конструктивное устройство тарас. Среди затрагивающих этот вопрос исследователей одни (их большинство) ссылаются на монографию Ф.Ф. Ласковского, другие — если этого и не делают, то их представления о тарасах соответствуют таковым у Ласковского. Есть и относительно небольшое число историков фортификации и археологов, которые по поводу конструкции тарас придерживаются особого мнения. Правда, в основе точек зрения этих учёных — единичные описания оборонительных сооружений, составленные в XVI—XVIII вв.[21]

В результате поиск доказательств соответствия современных представлений о конструкции тарасных стен сводится к проведённому Ф.Ф. Ласковским в середине XIX века анализу источниковой базы и полученным им доказательствам. Между тем такой анализ выполнить невозможно: основу исследования заслуженного профессора составляли, как правило, весьма неясные описания стен всего пяти фортификационных сооружений, расположенных в Новгороде, Полоцке, Коротояке, Олонце и Красноярске (Красный Яр на Волге).

Тарасные стены в Новгороде характеризуются в письменных источниках кратко. Непосредственно из описания стен невозможно понять их конструкции. Можно лишь воспользоваться соответствующим представлением, уже сформированным Ф.Ф. Ласковским, который обнаружил, что сведения источников не противоречат его изначальным выводам о конструкции тарас.

В Полоцке Ф.Ф. Ласковский проанализировал предписание воеводам о восстановлении стен на повреждённых участках, в частности о том, чтобы возвести укрепления в три-четыре стены и наполнить их грунтом. При этом слово «тарасы» не было употреблено. Однако Ласковский заключил, что в данном случае речь идёт о тарасах и особенностях их конструкции, что не имеет под собой оснований. Анализ доступных в настоящий момент источников показывает, что тарасные стены действительно могли быть выстроены в три или четыре ряда, но в данном случае говорится не о количестве внешних стен, а о треугольных и четырёхугольных срубах, которые и назывались тарасами[22].

Ф.Ф. Ласковский в своём труде рассматривает весьма замысловатое устройство якобы тарасных стен Коротояка, но не даёт ссылки на источник. Вероятно, он пользовался каким-то архивным документом, который с тех пор не попал в поле зрения исследователей и до настоящего времени не опубликован. Нельзя исключать того, что он использовал также и план Коротояка 1732 года. При таких обстоятельствах оценить правильность реконструкции стен крепости не представляется возможным.

Описание тарасных стен Олонца в письменных источниках приведено самое подробное. Из него следует, что тарасы не являлись

двумя параллельными стенами с перерубами. Напротив, тарасы — это отдельные срубы, поставленные на некотором расстоянии друг от друга[23]. Тем не менее Ф.Ф. Ласковский этого не заметил и привёл описание стен Олонца в качестве подтверждения своей концепции.

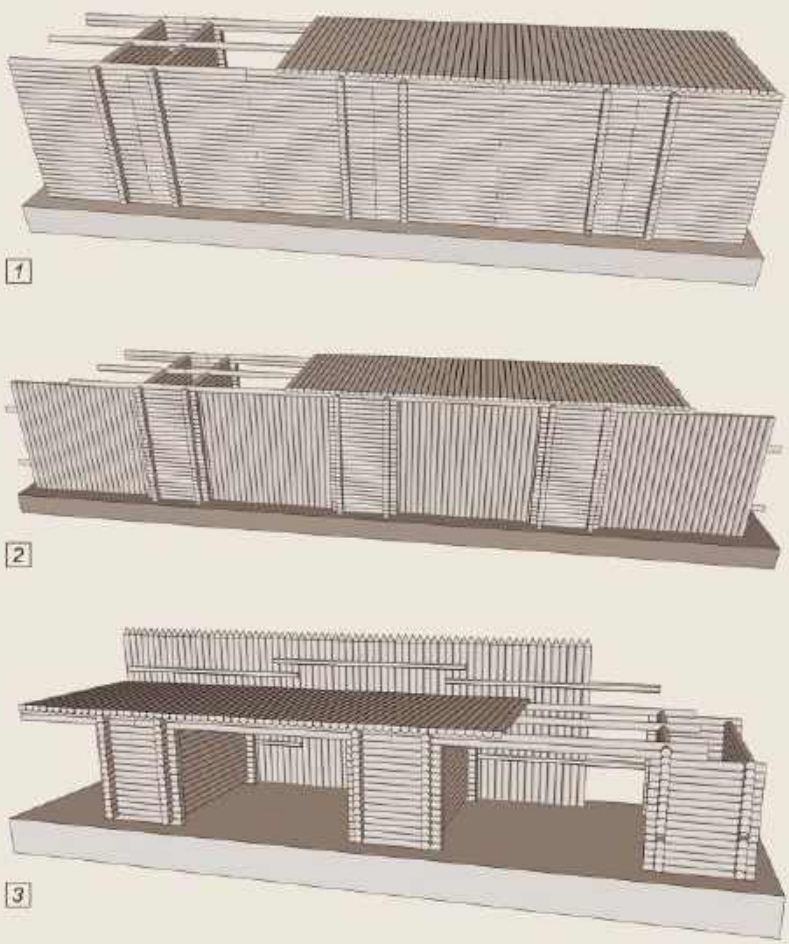
При описании Красноярска на Волге Ф.Ф. Ласковский указал, что тарасная стена этой крепости была одинарной. Изнутри её подпирали треугольные срубы, пространство между которыми со стороны двора крепости было «забрано» досками. Это описание хотя и противоречило концепции военного инженера, но и, как он полагал, подкрепляло его представление о тарасных стенах. К сожалению, автор не указал источника данных о конструкции стен Красноярска. Вероятно, это архивный документ, который пока не выявлен исследователями, следовательно, не опубликован.

Аргументация у Ф.Ф. Ласковского подменяется интерпретацией конкретных описаний. Впрочем, винить его в этом нельзя, т.к. уже на первых страницах труда профессора читаем: «Имея целью хотя в некоторой степени облегчить труд будущего историка в многосложных изысканиях и справках по этому предмету, я решился предложить сборник материалов, извлеченных из важнейших отечественных источников, и присоединить к ним свои критические исследования. Знаю, что этот опыт разработки данных не составляет еще истории, но пусть на первый раз единственным достоинством этого труда будет благонамеренная цель, с какою он предпринят. Утешаюсь мыслью, что он положит собою начало историческому изучению инженерной части в России и вызовет другие полнейшие и обширнейшие исследования»[24].

Ф.Ф. Ласковский осознавал, что находился только в самом начале пути, не питал надежды продвинуться достаточно далеко в разработке истории русской фортификации, но уповал на будущие поколения исследователей, думая, что они когда-нибудь разработают поднятую им тему. Однако историки не стали работать над проблемой конструктивного устройства тарас: собирать по крупицам источниковую базу, анализировать её и приходить к научно обоснованным выводам[25]. Учёные, воздвигнув Ф.Ф. Ласковского на пьедестал, объявили его представления истинными. Иначе никак нельзя объяснить того факта, что за минувшие с тех пор более чем полтора столетия так и не было предпринято ни одной попытки критически взглянуть на содержание труда известного военного инженера. В итоге нынешние представления об устройстве тарас соответствуют таковым полуторавековой давности.

Без разрешения вопроса, чем являлись тарасы[26] во второй половине XVI — начале XVIII века, невозможно приступить к разработке проблемы городен и тарас в Сибири и на Дальнем Востоке. В этой связи нами собраны в один корпус и проанализированы почти все опубликованные описания оборонительных сооружений[27], упоминающие тарасы[28]. Выяснилось, что последние не являлись двумя параллельными венчатыми стенами с перерубами.

Дальнейшие исследования позволили установить принципиальную конструкцию тарас и их разновидности. Оказалось, что тарасы, согласно одному из значений термина, — это отдельные срубы, поставленные по линии стены с некоторым интервалом друг от друга. На этих срубах держалась внешняя стена, а также на них опирались помост, облам и кровля. Но у данного термина есть и другое значение. Так называли бруствер венчатой тарасной стены. Внешняя стена изнутри

Виды тарасных стен: 1 — венчатая тарасная стена; 2, 3 — тыновая тарасная стена
Реконструкция автора

дублировалась ещё одной венчатой стеной до уровня нижнего ряда бойниц. Расстояние между стенами составляло 0,5 м и заполнялось грунтом («хрящем») от пищальной и пушечной стрельбы. Такое разнообразие значений рассматриваемого понятия, применявшихся для характеристики устройства одной и той же конструкции, существенно осложняет интерпретацию содержания письменных источников[29].

Устройство тарасных стен весьма разнообразно. Внешняя сторона тарасных срубов могла быть образована сплошной венчатой стеной, которая и являлась непрерывной стеновой конструкцией. В тарасные срубы могли врубаться иглы тыновых прясел, образовывавших сплошную стену в пространстве между отдельными тарасными срубами. Более низкие из них могли быть приставлены к сплошной тыновой стене без сочленения с ней и служить в качестве опоры для помоста и кровли. Были и низкие тарасы — в три—пять конструктивно сочленённых с тыном венцов.

Важным следствием такого устройства тарасных стен является сложность их распознавания при проведении археологических раскопок. Если тын не заглубляется в грунт (за исключением несочленённого сочетания тарасов с тыном, когда тарасы служили только опорой для помоста и кровли), то будет отсутствовать легко выявляемая и интерпретируемая тыновая канавка. Остатки стены могут быть представлены только нижними венцами отдельных срубов, поставленных на некотором расстоянии друг от друга. В опубликованных материалах раскопок нам удалось выявить по крайней мере четыре случая обнаружения тарасных стен: в Тюмени[30], Казани[31], Белгороде[32] и Олонце[33] (крепость 1649 г.). Также, возможно, тарасы были найдены в Твери[34].

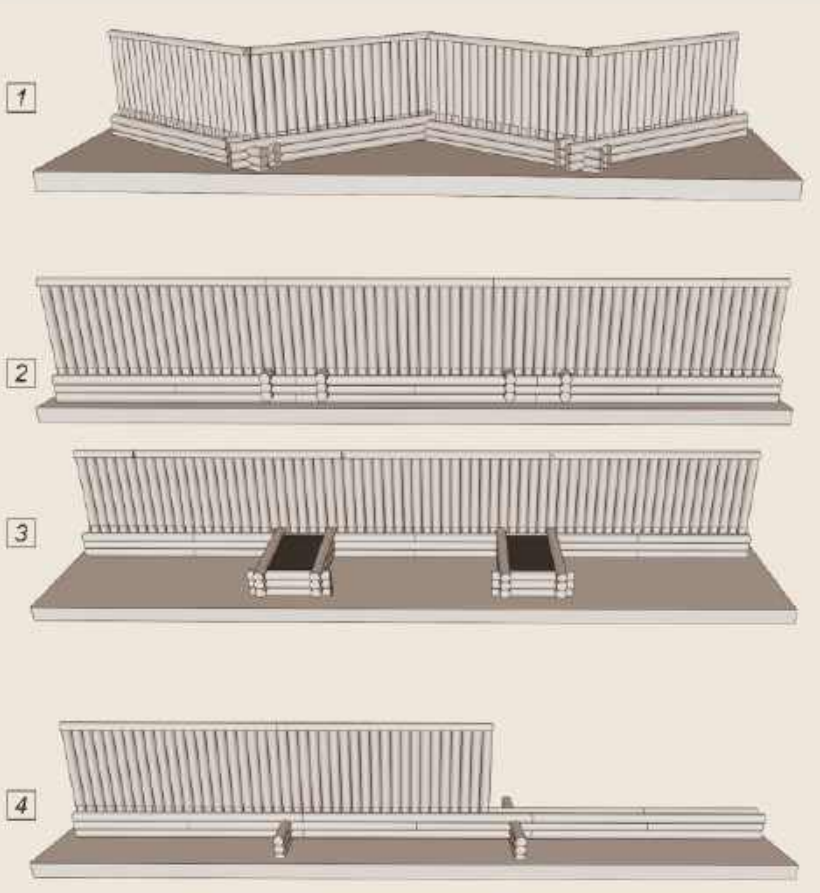
Результаты проведённых исследований позволяют утверждать, что две параллельные венчатые стены с перерубами, представленные в письменных источниках второй половины XVI — начала XVIII века, не являются тарасами. Но в историографии за этой конструкцией прочно закрепился термин «тарасы». Таким образом, исторический факт противоречит историографической ситуации и вносит путаницу: когда исследователь в источнике видит слово «тарасы», он автоматически некритически подразумевает две параллельные венчатые стены с перерубом.

Мы далеки от мысли, что скоро удастся исправить эту ситуацию. Во-первых, слишком велика инерция полуторавековой традиции. Во-вторых, уже ничего нельзя исправить в сотнях научных и научно-популярных публикаций, где отражено традиционное, но ошибочное понимание устройства тарасных стен.

Таким образом, по свидетельству письменных источников, в Берёзове, Мангазее и Туруханске были городни, их же обнаружили и в ходе раскопок. В тех городах, где в письменных источниках упомянуты городни, при археологических раскопках следует ожидать обнаружения двух параллельных венчатых стен с перерубами. Особенно это актуально для Тары, где в настоящее время под руководством заведующего сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН кандидата исторических наук, доцента С.Ф. Татаурова ведётся целенаправленный поиск городней городской стены.

При археологических исследованиях Удинского острога тоже были обнаружены городни[35], хотя пока неизвестны описания этого фортификационного сооружения, в которых бы назывался тип стены.

При раскопках второго Томского города (1647) также выявлены

Низкие тарасы (1 — с зигзагообразным основанием; 2 — прямая стена с перерубами, заполненными грунтом (вид со стороны поля); 3 — прямая стена с перерубами, заполненными грунтом (вид со стороны двора крепости); 4 — прямая стена с одинарными венчатыми перерубами)

Реконструкция автора

городни, однако они упоминаются в письменных источниках только относительно первоначальной крепости (1604)[36].

До начала XX века сохранился фрагмент стены Якутского острога. Нижняя её часть (от подошвы до облама) — это две параллельные венчатые стены с перерубами (городни), верхняя (облам) — отдельные срубы, стоящие на некотором расстоянии друг от друга. В эти срубы была врублена единая сплошная венчатая внешняя стена. Следовательно, обламная часть стены представлена тарасной конструкцией. Такая практика комбинирования городней и тарас в рамках одной стены требует от исследователя особой осторожности при интерпретации данных письменных источников. К сожалению, ещё неизвестны описания этой стены, в которых её конструкция была бы названа определённым образом.

Исходя из современных представлений, научное знание должно обладать рядом свойств. Важнейшими из них являются способность предсказывать будущие состояния изучаемой системы или открытие новых явлений. В истории и археологии такие критерии научности полученного знания практически не используются. Однако результаты нашего исследования позволяют их применить. Если в ходе будущих археологических работ в Таре, Тобольске и Тюмени, где, согласно письменным источникам, находились городни, обнаружатся стены, представляющие собой две параллельные венчатые стены с перерубами, то это станет дополнительным аргументом в пользу истинности представленной концепции стен из городней и тарас. Точно так же если в ходе архивных изысканий будут найдены описания второй Томской крепости, Удинского острога и последней Якутской крепости, в которых их стены будут названы городнями, то это подтвердит представленную концепцию и, следовательно, её истинность.

Согласно письменным источникам, тарасы в Сибири и на Дальнем Востоке были в Верхотурье, Новом Уральском городке, Селенгинске, Тобольске, Шадринске, слободах — Аяцкой, Окуневской, Теченской, Чумлятской и остроге «средь гиляцкой земли»[37].

Подобной тарасам конструкцией являлись стены Албазинского острога, готовившегося ко второй осаде маньчжуров (1686) в ходе затяжного пограничного конфликта с Цинским Китаем. Нетрудно заметить, что перечисленные объекты концентрируются, с одной стороны, на Южном Урале и юге Западной Сибири, с другой — в зоне контактов с маньчжурами. Объединяет эти два региона то, что противник, который противостоял здесь Русскому государству, вёл себя агрессивно и применял (маньчжуры) или мог применить (союзники башкир) артиллерию. Отсюда следует вывод, что тарасы были конструктивно приспособлены к противостоянию артиллерийскому обстрелу. Однако это утверждение требует проверки в рамках специального исследования на максимально широкой источниковой базе.

Самым важным результатом проведённых исследований является вывод о том, что в разработке тематики русских оборонительных сооружений в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — начале XVIII века нельзя полагаться на наработки историков общерусской фортификации как на фундаментальную базу. Прежде чем приступать к сибирской проблематике, необходимо решить те же самые конкретные вопросы для общерусской фортификации, т.к. она обладает несравненно более обширной источниковой базой — как исторической, так и археологической. Только потом можно приступать к рассмотрению проблем сибирской фортификации, которые в основном состоят в её сравнении с общерусской фортификацией и в выявлении соответствующих сходств и отличий, которые должны быть подвергнуты культурно-исторической интерпретации. Всё это выявит специфику русской фортификации в Зауралье и её обусловленность конкретными историческими условиями.

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири — от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

Примечания

[1] *Коваль В.Ю.* Древнерусские древоземляные крепости: преодоление стереотипов // Военно-исторический журнал. 2021. № 4. С. 77—85; *Носов К.С.* Русские крепости конца XV—XVII вв. Конструктивные особенности // Там же. 2009. № 4. С. 49—55; *он же.* Укрепления Киева во второй половине XVII века // Там же. 2018. № 1. С. 60—69.

[2] *Ласковскій Ф.* Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Ч. I: Опыт изследованія инженернаго дела въ Россіи до XVIII столетія. СПб.: [б.и.], 1858. С. 82, 83.

[3] Взгляды исследователей на конструкцию тарасных стен в Русском (Российском) государстве в XVI — первой половине XVIII века // Researchgate. 2024. URL: https://doi.org/10.13140/RG.2.2.11013.97761.

[4] *Носов К.С.* Нетривиальные древоземляные оборонительные конструкции Московского государства // Вопросы истории фортификации. 2017. № 6. С. 128.

[5] Царственная книга, то есть летописецъ царствованія царя Іоанна Васильевича, отъ 7042 году до 7061. СПб.: при Императорской Академіи Наукъ, 1769. С. 261, 290.

[6] Писцовая книга г. Костромы 1627/28—1629/30гг.: к 850-летию Костромы и 60-летию Костромской области / Администр. г. Костромы, Гос. архив Костромской области; [сост. Л. А. Ковалёва, О.Ю. Кивокурцева]. Кострома: Костромиздат-850; Промдизайн-М, 2004. С. 17.

[7] *Горохов С.В.* Городни в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI — XVII веках // Поволжская археология. 2024. № 2. С. 175.

[8] *Визгалов Г.П., Горшков И.Д., Ермакова К.К.* Свод градостроительных источников города Березов XVI—XVIII вв. // Северные древности: археология, этнография, история. 2023. № 3. С. 27; *Миллер Г.Ф.* История Сибири: в 2 т. / Ин-т антропологии, археологии и этногра-

фии Академии наук СССР, Науч.-исслед. ассоциация ин-та народов Севера им. П.Г. Смидовича ГУСМП при СНК СССР. Т. 2 / [отв. ред. И.Н. Винников]. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 196.

[9] Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою коммиссіею / Ред. А.И. Тимофеев. Т. 2. СПб.: Въ типографіи бр. Пантелеевых, 1875. С. 431—433.

[10] *Крих А.А.* Описание города Тары в архивных документах конца XVII — начала XVIII веков // Былые годы. 2021. № 16. С. 1606; *Строгова Е.А.* Новые материалы к истории города Тары: росписной список укреплений 1702 года // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: V Вагановские чтения. Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья: материалы V науч.-практ. конф., посвящённой памяти А.В. Ваганова, 25—26 марта 2010 г.: [в 2 т.] / Администр. Тарского муниц. р-на, Администр. Тарского гор. поселения, МБУК «Тарский ист.-краеведческий музей». Т. 2: Архивная секция памяти А.А. Жирова / [ред.-сост. С.А. Алфёров]. Тара, Омская обл.: Изд-во А.А. Аскаленко, 2010. С. 188.

[11] Томск в XVII веке: материалы для истории города со вступительной и заключительной статьями прив.-доц. П.М. Головачева и картой окрестностей Томска конца XVII в. СПб.: Русская скоропеч., 1911. С. 24; Из истории земли Томской: Сб. документов и материалов: [в 2 вып.] / Арх. отд. Том. облисполкома, Гос. арх. Том. обл. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Том. отд-ние. Вып. 1: 1604—1917 / [Сост. А.Н. Жеравина и др.]. 1978. С. 27.

[12] *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 32; *Крадин Н.П.* Оборонительные стены как элемент композиции деревянных крепостей Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири: [Сб. ст.] / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. И.В. Асеев, Д. Я. Резун. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1986. С. 238—252.

[13] Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою коммиссіею / Ред. М. Коркуновъ. Т. IV. СПб.: въ тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 236; Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею / Ред. А.И. Тимофеев. Т. IX. СПб.: Тип. Министерства Внутренних Делъ, 1884. Ст. 625; Тюмень въ XVII столетіи / Ред А.И. Чукмалдина. М.: Типо-Литографія Т-ва Кушнеровъ и К°, 1903. С. 17, 59, 60; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. / Ред. М.О. Акишин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, «филиал Гео», 2000. С. 147.

[14] *Визгалов Г.П., Горшков И.Д., Ермакова К.К.* Указ. соч. С. 35; *Горохов С.В.* Городни в Сибири... С. 179, 180; *Рудковская М.А.* Крепостная стена Новой Мангазеи (1672—1676) по археологическим данным // IV Северный археологический конгресс = IV Northern archaeological congress: IV Northern archaeological congress: материалы, 19—23 октября, 2015, Ханты-Мансийск / Правительство Ханты-Мансийского авт. округа — Югры, Ин-т истории и археологии Уральского отд-ния РАН, Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд-ния РАН, Ин-т археологии РАН. Екатеринбург: Альфа Принт; Ханты-Мансийск: [б.и.], 2015. С. 205.

[15] *Горохов С.В.* Указ. соч. С. 176, 179, 180, 183, 184.

[16] Там же. С. 185, табл. 2.

[17] В письменных источниках по русской фортификации вообще отсутствуют однозначные указания на то, что городни состояли из отдельных срубов. В ходе археологических исследований также не были обнаружены стены из отдельных срубов.

[18] *Горохов С.В.* Городни в Сибири... С. 185, 186.

[19] Тарас, а не городней или тарас и городней, т.к. в логике данного исследования конструктивное устройство городней можно наблюдать на планах и в фотоматериалах археологических раскопок Берёзова, Мангазеи и Туруханска, при описании укреплений, в которых в XVII в. употреблялся термин «городни».

[20] Взгляды исследователей...

[21] *Ласковскій Ф.* Городни в Сибири... С. 83, 87, 88.

[22] *Горохов С.В.* Конструкция венчатых тарасных стен в Русском (Российском) государстве во второй половине XVI — начале XVIII века // Нижневолжский археологический вестник. 2025. № 2 (в печати).

[23] Там же.

[24] *Ласковскій Ф.* Указ. соч. С. 1, 2.

[25] О том, что этот вывод справедлив не только для тарас, но, по крайней мере, и для «городен», и для «косого острога», см.: *Горохов С.В.* Косые и козельчатые остроги в Русском государстве в XVII — начале XVIII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2025. Т. 53. № 1. С. 109—117.

[26] О том, что такое городни, свидетельствуют результаты археологических исследований Берёзова, Мангазеи и Туруханска.

[27] По нашей оценке, учтено около 95 проц. всех опубликованных описаний и упоминаний тарасных стен. Не вошедшие в выборку данные рассеяны по труднодоступным публикациям.

[28] Упоминания тарасных стен в письменных источниках в XVI — начале XVIII века // Researchgate. 2024. URL: https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26113.47200.

[29] Во второй половине XVI — XIX века тарасами назывались около 20 различных конструкций в военном и гражданском зодчестве.

[30] *Ткачёва Н.А., Семёнова В.И., Ткачёв А.А.* «Точечные» археологические исследования в изучении истории города (по материалам раскопок в Тюмени в 2006 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 4. Рис. 2.

[31] *Губайдуллин А.М.* Фортификация в Среднем Поволжье в X — первой половине XVI вв. Казань: [б.и.], 2019. Рис. 230.

[32] *Никитин А.В.* Белгородская крепость XVI—XVII вв. // Советская археология. 1962. № 3. Рис. 3.

[33] *Кочкуркина С.И.* Олонец. Военный и административный центр в составе Русского государства // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4. Рис. 3.

[34] *Данилов В.В., Салимов А.М., Романова Е.А.* Оборонительные сооружения Тверского кремля XII—XVII веков. Тверь: Салимовы и К°, 2021. Рис. 31.

[35] *Базаров Б.А., Именохоев Н.В., Мияшев Д.А.* Спасательные раскопки 2016 года на Удинском остроге // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 1. С. 75—84.

[36] См.: *Чёрная М.П.* Томский кремль середины XVII — XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002.

[37] См.: Упоминания тарасных стен...

S.V. Gorokhov

«THE BEGINNING OF THE HISTORICAL STUDY OF ENGINEERING IN RUSSIA...»

Gorodnyas and Tarasas in Siberia and the Far East, in light of F.F. Laskovskiy's research

Information about author. *Sergey Gorokhov — researcher at Novosibirsk National Research State University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Novosibirsk. Email: gorokhov.sv@yandex.ru).*

Summary. *The process of studying Russian fortifications in the Trans-Ural region requires researchers to turn to similar materials on general Russian fortifications to identify Siberian specificities and their cultural and historical interpretations. The purpose of this study is to identify the potential and challenges of using historiographical research on general Russian fortifications to address issues related to fortifications in Siberia and the Far East, using log walls of cities and forts, such as tarasas and gorodnyas, as an example. The paper is based on scientific publications on Russian fortifications, as well as relevant written and archaeological materials. The study found that when considering the development of Russian defensive structures in Siberia and the Far East during the late 16th and early 18th centuries, it is not possible to consider the developments in all-Russian fortifications as fundamental, as many issues related to this topic have not been fully resolved.*

Keywords: *Siberia; the Far East; historiography; fortification; wooden defensive structures; gorodnya; tarasa; F.F. Laskovskiy.*

С.Н. Третьякова

«НА ЮГЕ ВЫ БИЛИСЬ СО СЛАВОЙ, — И СЕВЕР ВАМ ЧЕСТЬ ВОЗДАЕТ...»

Встреча защитников Севастополя в Архангельске в 1856 году

Сведения об авторе. *Третьякова Светлана Николаевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского арктического центра МО РФ, кандидат исторических наук (г. Северодвинск Архангельской обл. E-mail: swetsn@mail.ru).*

Аннотация. *В статье показано отношение в русском обществе к защитникам Севастополя в ходе Крымской войны 1853—1856 гг. на примере сухопутного путешествия 32-го черноморского флотского экипажа, который следовал из Николаева в Архангельск осенью 1855 — весной 1856 года к новому месту службы. Обращено внимание на то, что, несмотря на неудачное завершение войны, моряков на всём протяжении долгого пути ждал очень тёплый приём. Люди разных сословий искренне выражали свою признательность и уважение морякам за их доблесть во время обороны Севастополя, стремились отблагодарить их, облегчить путешествие. В свою очередь общение с севастопольцами давало возможность жителям российской провинции приобщиться к героическим событиям.*

Ключевые слова: *Крымская война 1853—1856 гг.; защитники Севастополя; 32-й флотский экипаж; Русский Север; А.А. Попов; П.И. Никонов; В.А. Кокорев; патриотизм; благотворительность.*

В декабре 1902 года архангельский губернатор Н.А. Римский-Корсаков получил из Севастополя от командира 32-го флотского экипажа (ФЭ) капитана 1 ранга Скаловского телеграмму, в которой сообщалось, что император Николай II во время посещения казарм осмотрел кубок, поднесённый в 1856 году гражданами города Архангельска чинам 32 ФЭ за славную защиту Севастополя. Далее он добавил, что на братской трапезе пили из этого исторического кубка за здоровье государя императора и граждан города Архангельска[1]. О содержании полученной телеграммы губернатор известил городского голову В.В. Гувелякина и просил довести его до сведения членов Архангельского городского самоуправления, купечества и граждан. Он отметил, что польщён вниманием и памятью чинов 32 ФЭ о добрых отношениях, существовавших между гражданами города и чинами экипажа[2].

Действительно, Николай II 8 декабря 1902 года* посетил в Севастополе Черноморскую флотскую дивизию, осмотрел памятник матросу И.В. Шевченко, установленный у ворот 30 ФЭ[3], а также новые казармы, где располагались 32, 35 и 36-й флотские экипажи[4].

Что же это за кубок и каким образом севастопольские моряки оказались связаны с Архангельском? Здесь следует обратиться к завершающему периоду Крымской войны 1853—1856 гг.

Для усиления гарнизона Севастополя в сентябре 1854 года на основе некоторых флотских экипажей были сформированы береговые флотские батальоны. 28 августа 1855 года русские войска после 11-месячной героической обороны оставили южную часть Севастополя, перейдя в северную часть города. Последние стоявшие в Севастополе корабли Черноморского флота были затоплены, штаб переехал в г. Николаев. Так как Черноморский флот практически прекратил своё существование, глава морского ведомства генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич 30 октября 1855 года приказал отправить флотские экипажи, защищавшие Севастополь, из Николаева в Кронштадт (29, 38, 40, 41 и 44), Архангельск (32) и Астрахань (33 и 45)[5].

32-й экипаж направлялся в Архангельск для комплектования 6 клиперов (первоначально «винтовых лодок»), которые там должны были построить, а затем отправиться в Кронштадт. «К наблюдению для более успешного хода работ» в декабре в Архангельск прибыл командир 32 ФЭ флигель-адъютант капитан

* Все даты приводятся по старому стилю.

2 ранга А.А. Попов[6]. 12 декабря 1855 года винтовым лодкам были даны имена: «Разбойник», «Опричник», «Стрелок», «Пластун», «Наездник» и «Джигит»[7], а 5 января 1856 года все 6 судов были заложены в Архангельском адмиралтействе.

В Николаеве и во время перехода в Архангельск экипажем командовал капитан-лейтенант П.И. Никонов[8]. Фактически у 32 ФЭ оказалось два командира, но документа о полномочиях капитан-лейтенанта Никонова нам обнаружить не удалось. Всего экипажу согласно маршруту следовало пройти 2399 вёрст (1 верста = 1,0668 км), запланировано переходов на пути — 124, дней марша — 173. Выйдя из Николаева 22 ноября 1855 года, достичь Архангельска экипаж должен был 12 мая 1856 года. За это время предстояло пересечь страну с юга на север, пройти через 11 губерний, переправиться через 7 рек[9]. Как видно, моряков ожидал путь долгий и нелёгкий. В дальнейшем маршрут и сроки частично были изменены, численность экипажа во время следования также не была постоянной.

При отправлении из Николаева экипаж включал: офицеров — 16, унтер-офицеров — 35, музыкантов — 13, рядовых — 433, нестроевых — 20[10]. Из Николаева вышли 517 человек, из Москвы — 474, из Вологды — 487, в Архангельск прибыли 480 человек. Численность варьировалась из-за заболевших, были и смертельные случаи. Например, в рапорте от 9 марта 1856 года, отправленном из Переславля-Залесского, Никонов сообщил, что в Московском военном госпитале оставлены 14 нижних чинов, в Троицкой лавре — 3. При следовании в село Ростокино (сейчас это район Москвы) 29 февраля от брюшной тифозной горячки умер один матрос[11]. Во время пребывания экипажа в Вологде туда прибыл 21 человек, которые выписались из разных больниц. В местную же больницу отосланы три матроса, из которых один умер[12]. Добавим, что часть офицеров по приказанию генерал-адмирала выехала в Архангельск раньше.

Это сухопутное путешествие моряков-воинов, как было отмечено в «Морском сборнике», доставило случай русскому народу «выразить им тот восторг, который наполнял русские сердца при чтении известий о ходе обороны дорогого всем Севастополя». Население городов и деревень, лежавших на пути следования моряков, выходило навстречу им. Из мест, лежавших в стороне от дороги, люди приезжали «только взглянуть на загорелые лица матросов, еще так недавно облитых вражескою кровью». При встрече «покрытых славою ветеранов» народная признательность выразилась «в радушной готовности разделить с матросами кров, пищу, чарку водки»[13]. Так встречали в Орле, Туле, Астрахани, и грандиозный приём ждал моряков в Москве. Организатором торжеств было московское купечество, в первую очередь В.А. Кокорев[14], по приглашению и на средства которого 17 февраля в Москву из Петербурга по железной дороге на особом поезде прибыли порядка 80 офицеров Черноморского флота (на что было получено разрешение генерал-адмирала).

Первыми в Москву 18 февраля 1856 года вступили 29-й и 32-й экипажи черноморцев[15]. Горожане встречали их у Серпуховской заставы. Толпы народа приветствовали моряков криками «ура!», кидали вверх шапки, с почтением смотрели на Георгиевские кресты и медали на груди матросов, которые им были вручены перед вступлением в Москву. Купцы В.А. Кокорев и И.Ф. Мамонтов на большом серебряном блюде поднесли го-

Панорама Архангельска в конце XIX в.

стям огромных размеров хлебсоль, при этом Кокорев земно поклонился героям. Затем все двинулись на Серпуховскую площадь, где для гостей было приготовлено угощение[16]. Художник В.Ф. Тимм[17] отразил встречу в серии рисунков. Торжества в Москве продолжались 10 дней, подробно освещались в печати.

Ещё до прибытия 32 ФЭ в Москву флигель-адъютант Попов осмотрел экипаж, после чего направил записку в Инспекторский департамент Морского министерства[18], прося дозволения, чтобы от Москвы экипаж следовал на подводах, при этом увеличение стоимости передвижения компенсировалось бы экономией кормовых денег за счёт сокращения времени. Первоначально это предложение не встретило возражения, т.к. речь шла о выигрыше времени и сохранении людей, но затем от него отказались. Генерал-адмирал приказал, чтобы 32 ФЭ «шел от Москвы до Архангельска не на подводах, а так точно, как шел из Николаева в Москву»[19].

После такого решения купец В.А. Кокорев обратился с письмом к А.В. Головнину, личному секретарю великого князя Константина Николаевича. Он высказал озабоченность, что матросам 32-го экипажа придётся идти пешком во время «весенней бездорожицы, когда каждый ручей — река, а лужа — озеро». За Вологдой их ждут малонаселённые пространства, негде будет обогреться, отдохнуть, получить медицинскую помощь. Кокорев выразил опасение, что многие могут не дойти до места, и предложил, как этого можно избежать. На пути от Москвы до Вологды расположено много городов и сёл, и сам переход может быть окончен до распутицы. В Вологде матросов надо оставить до вскрытия рек, когда начинают сплавлять в Архангельск барки[20] с хлебом. На них можно посадить матросов, и они будут в Архангельске через 20 дней. Кокорев попросил Головнина доложить об этом генерал-адмиралу, чтобы тот отдал приказ остановить экипаж в Вологде, а он всё возьмёт на себя, пошлёт в город своего человека, который посадит матросов на барки и отправит их, и выразил уверенность, что тамошние купцы не откажут, «и тогда голубчики-матросики славно сплывут в Архангельск»[21].

Делая своё предложение, купец Кокорев был не так уж далёк от истины. О трудностях, с которыми морякам предстояло столкнуться на пути следования по северным территориям, можно судить по рапорту шенкурского городничего от 8 марта 1856 года в Архангельское губернское правление, в котором он сообщал, что в апреле постоянно разливается р. Вага, которая

Групповой портрет героев Севастопольской обороны. Матросы — георгиевские кавалеры из отряда охотников (добровольцев) под командованием лейтенанта Н. Бирилёва

Художник В.Ф. Тимм

Русский художественный листок. 1855. № 17.

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

затопляет все окрестности города Шенкурска на расстоянии более 5 вёрст (в г. Шенкурске 32 ФЭ должен был остановиться 18—19 апреля). В такие периоды почтовая дорога проходила через деревню Борок, на другом берегу реки, при этом экипажу не надо будет дважды переправляться через р. Вагу для дальнейшего следования. Во избежание «напрасного и трудного переезда» городничий просил сделать распоряжение, чтобы экипаж квартировался в деревне Борок[22]. Однако губернское правление не могло само изменять маршрут, но вопрос решился сам собой.

Великий князь Константин Николаевич одобрил предложение В.А. Кокорева. Правда, с вологодскими купцами оказалось не так просто, как ожидал Кокорев. Купец А.Н. Бойченко, посланный им в Вологду, сообщил, что отправить матросов с грузами не получится. Купцы опасались, что матросы, куря трубки, могли поджечь лён, который отправляют раньше хлеба, да и поместить матросов на полностью загруженные барки будет трудно. Кроме того, купцы боялись задержки караванов в пути из-за возможного разброда людей на привалах. Бойченко предложил отдать это дело поставщикам, что будет выгоднее, и можно сделать удобные помещения и защиту от дождя. Он уверил: во что бы то ни стало отправит матросов, доставит их «скоро, безопасно и для них удобно». Кокорев телеграммой велел нанять поставщика с судами до Архангельска, всё сделать как можно лучше и проводить матросов до Тотьмы[23].

А между тем моряки продолжали свой путь на север. Не пересказывая подробно, можно выделить общие моменты: стечение большого количества людей при появлении экипажа, который вступал в город с развёрнутым знаменем и под музыку, радостные возгласы и крики «Ура!», хлеб-соль, молебны, обеды, торжественные речи, тосты и стихи, наполненные патриотическими чувствами. Обо всём подробно

А.А. Попов
Военная энциклопедия И.Д. Сытина. Т. 18. СПб., 1914 г.

информировали в местных губернских ведомостях. Сообщения в газетах полны таких характеристик: «дорогие гости», «доблестные воины», «храбрые защитники чести Русской», «доблестные защитники Отечества», «богатыри земли Русской» и т.п. Можно только удивляться той искренней восторженности, которую проявляло население провинции на пути следования моряков. Нередко дорогие гости получали не только угощение, но и разного рода памятные подарки, деньги. Чтобы облегчить путь матросов, им бесплатно предоставляли подводы. Встречи с севастопольцами воодушевляли местных жителей, давали им возможность непосредственного общения с участниками героических событий.

Знаменательным стало пребывание экипажа в Переславле-Залесском (8—10 марта), где когда-то на Плещеевом озере создавалась «потешная» петровская флотилия. Офицеров экипажа пригласили посетить село Веськово, где хранился ботик Петра Великого[24]. Гости с интересом осмотрели «достопамятные остатки от первоначальной нашей флотилии, разные принадлежности кораблей и яхт, вещи от бывшего дворца, пушки, якори и наконец самый Ботик». И неслучайно в речах представителей местного дворянства проводились исторические параллели, звучали слова о «духовном сродстве» с моряками[25].

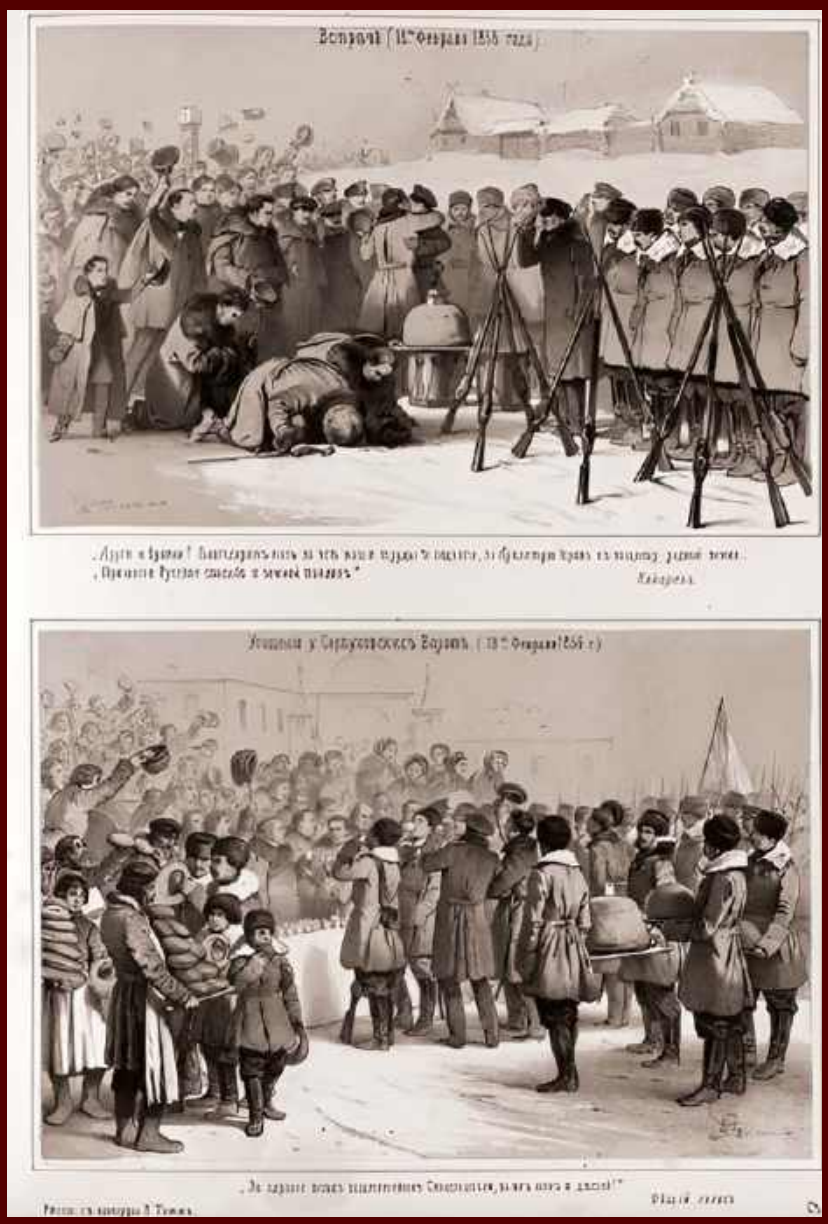
Очень тепло встречали моряков в Ярославской губернии. Капитан-лейтенант Никонов, покидая её пределы, направил в адрес губернатора рапорт, отметив, что нигде моряки не встречали такой заботы и радушия, что проход экипажа по Ярославской губернии «был нескончаемым праздником для гг. офицеров и нижних чинов», и просил отблагодарить дворянство, купечество и всех радушных жителей губернии[26].

31 марта экипаж вступил в Вологду, где морякам также был оказан достойный приём[27]. Здесь 1 апреля после прочтения царского манифеста отметили заключение долгожданного мира. В Вологде моряки провели больше месяца, за это время жители «сжились и сроднились душою» с черноморцами. Прощаясь с экипажем, губернатор поблагодарил черноморцев за их «мирную, исправную стоянку». 1 мая в знак благодарности горожанам за гостеприимство офицеры устроили катание по реке с дамами при звуках военной музыки, а 3 мая весь город провожал моряков дальше на север[28]. Никонов из Тотьмы отправил письмо Кокореву, выразив ему «душевную благодарность» от офицеров и всех нижних чинов. Он отметил, что все довольны и в восторге от такого путешествия, которое избавило их от передвижения по суше во время разлива рек. Люди размещены просторно, как в казармах, а офицеры имеют прекрасные и удобные каюты[29].

Севастопольцы прибыли в Архангельск утром 26 мая. Закончилось путешествие, которое заняло полгода. Стартовав от Чёрного моря поздней осенью, моряки провели в пути зиму и весну и оказались у Белого моря в самый канун короткого северного лета с его непривыч-

Медаль «За защиту Севастополя»

Изображения, посвящённые празднествам в честь черноморских моряков в Москве с 17 по 27 февраля 1856 г.: Встреча на окраине Москвы 18 февраля; Угощение у Серпуховских ворот 18 февраля
Художник В.Ф. Тимм
Русский художественный листок. 1856. № 11.
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

ными для южан белыми ночами и прохладным климатом. В «Архангельских губернских ведомостях» черноморцев приветствовали стихотворением: «...С терпеньем и верою правой,/ С обычным девизом вперед!/ На юге вы бились со славой, —/ И север вам честь воздает./ Отцов подражая примеру,/ К отчизне любовью горя,/ Вы крепко стояли за Веру,/ Вы насмерть дрались за Царя!/ Недаром отвага во взоре/ Сияет у вас, удальцы;/ Привет вам от Белого моря, —/ Вы Черного моря бойцы...»[30].

В этом стихотворении заложена огромная любовь, признательность архангельцев защитникам Отечества. Множество жителей собралось встречать долгожданных гостей. Суда остановились у пристани в центре города, в 10 ч утра моряки сошли на берег и выстроились в шеренги. Официальная встреча в Архангельске мало отличалась от имевших место ранее. Экипаж приветствовали военные и гражданские чины в парадной форме, поднесли хлеб-соль. Архангельский военный губернатор и главный командир порта адмирал С.П. Хрущов принял от командира экипажа рапорт, прошёл по рядам и поздравил моряков с окончанием продолжительного путешествия. Епископ Архангельский и Холмогорский Антоний отслужил торжественный молебен, окропил воинов святой водой и благословил иконой Св. Троицы, вручив её командиру экипажа. Затем нижним чинам был дан завтрак на плац-парадном месте, а офицерам — в доме губернатора.

После завтрака толпы любопытных окружили матросов, расспрашивали «о днях минувших», всматривались в их «мужественные воинственные лица, блиставшие отвагой и самоотверженьем», сохранившие у некоторых печать кровопролитных битв. Дамы также вступали в разговоры о подвигах и ужасах войны, а дети любовались Георгиевскими крестами и медалями, которые украшали грудь

моряков. Затем экипаж в сопровождении жителей Архангельска отправился по главной улице в Соломбальское селение, где разместился в морских казармах[31].

Писатель С.В. Максимов[32], который находился в это время в Архангельске, наблюдал общение моряков и горожан. Последних интересовало множество вопросов: хорошо ли встречали в других городах, есть ли матросы, которые не пьют водки, тяжело ли было в Севастополе, страшно ли перед смертью, получали ли они ранения, знают ли матроса Кошку, каково их мнение об адмирале Нахимове и т.п. Черноморцы, привыкшие за время своего долгого путешествия к расспросам, охотно делились пережитым. Приведём отрывок из разговора о противнике:

«— Кто же из них лучше, храбрее?

— Француз храбрее, и — и! хитрый; Француз плут, с ним лучше. Англичь хуже Француза: смирный! Турка — просто дрянь, звания не стоит: с живым не снимается, а мертвого сейчас приколет — просто Магомет! И говорит своим языком…

— С которым же лучше драться?

— С Французом лучше: потому — с Французом в уважении… задор имеешь, сила на силу — оттого…».

В таких простых, бесхитростных и искренних беседах, свидетельствовал Максимов, проводили время гости и хозяева и на трёх следующих обедах, которые были предложены здешними обществами[33].

Заметим, что большое число моряков для Архангельска в отличие от сухопутных губерний было не внове. Здесь, на о. Соломбала, функционировала одна из старейших государственных верфей, сюда регулярно прибывали экипажи для строившихся военных судов, в основном для Балтийского флота. С.Ф. Огородников, уроженец Соломбалы, вспоминал о селении своего детства в период его активной кораблестроительной деятельности. «Веселое то было время на Соломбале, по рассказам очевидцев. Флотские команды, часто переменявшиеся, вносили с собою всегда новые элементы разнообразия в патриархальную жизнь коренных архангельцев и соломбальцев, радушно отворявшим двери своим дорогим гостям. Широкое хлебосольство, нескончаемые балы, вечеринки, увеселительные поездки за город, музыка…»[34]. Как видно, появление подобных гостей в Поморье было привычным, но в этот раз к морякам было особенное отношение: чествовали героев-черноморцев.

Многие из офицеров заранее прибыли в город, чтобы участвовать в строительстве клиперов, и были знакомы местному обществу. Но должное уважение и признательность отдали всем в полной мере. Череда торжеств в честь защитников Севастополя охватила Архангельск: 27 мая был дан обед для офицеров, 30 мая — бал; 3 июня — обед от купечества, 16 июля — бал; 27, 29 мая и 3 июня — обеды нижним чинам. Все сословия, движимые чувствами любви и признательности к доблестным морякам, почтили дорогих гостей радушным приёмом, достойным русского гостеприимства, о чём сообщалось в «Архангельских губернских ведомостях».

Заслуживает внимания оформление театральной залы Благородного собрания, где проходили мероприятия в честь офицеров экипажа. Она была украшена согласно духу и цели празднества: портрет императора под сенью разноцветных военных флагов и штандартов с изображением парящего орла наверху; у подножия портрета представлен военный триумф, составленный из медных пушек, ружей, сабель и касок; изображение двух сторон медали, на одной — два вензеля императоров Николая I и Александра II из цветов, на другой — надпись: «За Севастополь, с 13 Сентября 1854 года по 28 Августа 1855 года»[35]; огромная люстра составлена из штыков, соединённых ружейными шомполами, по кругу которой блистали гербы с киверов и касок; по обеим сторонам залы, вокруг колонн, блистали отдельные пирамиды огней, горевших в ружейных стволах; стены залы украшены щитами, составленными из ружейных курков, штыков и полусабель; ложи верхнего яруса убраны разноцветными военными флагами; в ложе военного губернатора выставлена модель вооружённого трёхмачтового военного корабля под парусами, украшенного флагами; над ним представлен в золотом поле составленный из курков и тесаков государственный герб под сенью нисходящих на него лучей, изображённых посредством ружейных штыков. Блеск огня и металла придавал ещё больше торжественности мероприятию.

Думается, что оформление зала в стиле милитари, как бы сейчас сказали, было отнюдь не случайным. Военная тема северянам также была близка. Напомним, что Крымская война не обошла стороной Русский Север, Архангельская губерния находилась на военном положении и готовилась к отпору врага. Англо-французская эскадра дважды — в 1854 и 1855 гг. — входила в Белое море. Не сумев прорваться к Архангельску, противник разорял поморские суда и селения (получая иногда достойный отпор), подверг бомбардировке Соловецкий монастырь, который стойко выдержал это испытание[36].

Каждый обед и бал начинался по прибытии архангельского военного губернатора адмирала С.П. Хрущова. Произносились многочисленные тосты — за здоровье императора, генерал-адмирала, адмирала Хрущова, храбрых защитников Севастополя. Гости отвечали словами благодарности. На их речи нередко отзывались стихотворными строками. Конечно же, вспоминали павших героев. И не раз звучала мысль, что своей доблестью и самоотверженностью севастопольцы показали врагам, «как бесполезно для них малейшее продолжение войны,

как труден будет каждый шаг», как «тягостна война с народом Русским»[37]. Подобные утверждения можно воспринимать как своего рода «утешение», но определённая доля истины в этом была, ведь это ускорило заключение мира.

Не обошли вниманием и рядовых участников. Первый обед, данный нижним чинам, по причине ненастной погоды был устроен в помещении морской казармы в Соломбальском селении, а остальные проходили на площади перед казармами, где на зелёном лугу были раскинуты палатки. На столах были приготовлены мясо, солонина, щи, хлеб, пироги, булки, вино и водка. Звучали тосты, играла музыка. Во время обеда 29 мая флигель-адъютант Попов поздравил нескольких моряков с высокой наградой за подвиги при обороне Севастополя и украсил их грудь только что полученными Георгиевскими крестами. Поцеловав каждого из них, предложил тост за здоровье кавалеров ордена Св. Георгия[38].

Военный губернатор и командир порта адмирал С.П. Хрущов представил генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу рапорт и описание встречи 32-го экипажа в Архангельске. Текст по приказанию генерал-адмирала был препровождён редактору «Морского сборника» капитану 1 ранга Зеленому «для извлечения из оного статьи в Морском сборнике»[39]. В журнале были помещены и другие материалы о чествовании севастопольцев в Архангельске, Москве и других городах.

Адмирал Хрущов также обратился к генерал-адмиралу с просьбой разрешить Архангельскому городскому обществу поднести 32-му экипажу серебряный кубок и привёл его описание. На одной стороне кубка сделана надпись «Храбрым защитникам Севастополя 32 Флотскому Экипажу», на другой — «Архангельское Городское Общество 1856 года Июня 3 дня», а на крышке изображён сидящий на скале двуглавый коронованный орёл, держащий громы и лавровый венок[40]. Именно об этом кубке шла речь в начале данной статьи. Разрешение было получено.

16 июля купечеством в честь офицеров экипажа был дан бал в здании Немецкого клуба, убранство которого отличалось от оформления зала Благородного собрания, его украшали разнообразные растения, цветы и гирлянды. Городской голова А.И. дес-Фонтейнес в присутствии военного губернатора и чиновников вручил командиру экипажа А.А. Попову серебряный кубок, «символ благороднейших чувств любви, благодарности и признательности Архангелогородцев к незабвенным заслугам моряков Отечеству под стенами Севастополя». В ответ Попов от имени моряков поблагодарил архангелогородское купечество за радушие и «изъявил желание Экипажа положить кубок в воздвигнутую в Крыму церковь во имя Св. Владимира, где покоится прах незабвенных защитников России, Адмиралов: Лазарева, Корнилова, Нахимова и Истомина». После традиционного первого тоста за здоровье императора, продолжительных криков «ура!» и исполнения «Боже, Царя храни!» А.А. Попов высоко поднял вручённый ему кубок, наполненный вином, и предложил своим сподвижникам тост за здоровье Архангельского общества[41].

На долю Архангельска выпало завершить ряд торжеств и празднеств, которые устраивались в городах европейской России в честь моряков «за честную защиту Севастополя», и, как отметил С.В. Максимов, «Архангельск выполнил эту задачу блистательно!». Но о деле и службе при этом не забывали. 30 мая был спущен первый клипер «Разбойник», 20 июня — «Стрелок», 23 июня — «Джигит» и «Пластун», 14 июля — «Опричник» и «Наездник»[42].

На одном из спущенных клиперов 18 июля командир экипажа А.А. Попов дал обед, на котором присутствовали военный губернатор, лица военного и гражданского ведомств. По окончании обеда гости рассматривали устройство клипера и любовались его изящной отделкой. Вечером на о. Мосеев (излюбленное место отдыха) был дан бал, приготовленный Поповым для дам г. Архангельска «во внимание их ласкового приема», оказанного офицерам экипажа. Завершилось увеселение фейерверком[43].

29 июля клиперы «Разбойник», «Стрелок», «Джигит» и «Пластун» покинули Архангельск. В сентябре с гостеприимным городом попрощались последние моряки, 14 сентября по назначению отправились «Опричник» и «Наездник», командовал отрядом капитан 1 ранга А.А. Попов (произведён 26 августа 1856 г.). Добавим, что главному командиру Архангельского порта адмиралу Хрущову и флигель-адъютанту капитану 1 ранга Попову 17 декабря 1856 года было объявлено монаршее благоволение «за быструю и отличную постройку шести клиперов»[44].

Чествование моряков-севастопольцев, на первый взгляд, вступает в противоречие с неудачным для России исходом Крымской войны[45]. Но заметим, что в представлении людей поражение не умаляло храбрости и героизма русских воинов, которые в условиях беспрерывных военных действий в течение 11 месяцев самоотверженно отражали атаки неприятеля, противостояли сильнейшим армиям европейских держав. Трагические события воспринимались как испытание для России, которое она выдержала с честью. Тема подвига и жертвенности в сознании русских людей всегда занимала важное место, и в лице 32-го экипажа они выражали признательность всем героям Севастополя. Такие встречи способствовали подъёму патриотических чувств и единению народа.

Примечания

[1] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2376. Л. 354—355.

[2] Там же. Л. 137, 137об.

[3] **Игнатий Владимирович Шевченко** — герой обороны Севастополя, служил в 30 ФЭ. Погиб 20 января 1855 г., закрыв собой лейтенанта Н.А. Бирилёва от вражеских пуль во время вылазки отряда в расположение противника. В 1874 г. напротив флотских казарм в г. Николаеве, где проходил службу И.В. Шевченко, ему установили памятник (автор М.О. Микешин), который считается первым памятником представителю нижних чинов. В 1902 г. он был перенесён в Севастополь.

[4] Крымский вестник. 1902. № 314. 10 декабря. С. 1, 2.

[5] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 243. Оп. 1. Д. 5677. Л. 1.

[6] **Попов Андрей Александрович** (1821—1898) — военно-морской деятель и кораблестроитель, адмирал (1891). Участник обороны Севастополя. 22 июля 1855 г. назначен флигель-адъютантом генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, 16 ноября 1855 г. — командиром 32 ФЭ с оставлением в звании флигель-адъютанта.

[7] Морской сборник. 1856. № 1. С. L.

[8] **Никонов Пётр Иванович** — морской офицер, участник обороны Севастополя. Вышел в отставку в 1870 г. в звании контр-адмирала.

[9] РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 5677. Л. 244—247.

[10] Там же. Ф. 283. Оп. 2. Д. 6503. Л. 1—2 об.

[11] Там же. Л. 35, 35 об.

[12] Там же. Л. 51, 51 об.

[13] Встреча Черноморских флотских экипажей в Орле, Туле и Астрахани // Морской сборник. 1856. № 6. С. 124, 125 (офиц. часть).

[14] **Кокорев Василий Александрович** (1817—1889) — предприниматель, общественный деятель и меценат.

[15] 21 февраля в Москву вступили 38 и 40 ФЭ, 29 февраля — 41 и 44 ФЭ.

[16] Пребывание Черноморских моряков в Москве и прием их Астраханскими жителями // Морской сборник. 1856. № 6. С. 120, 121 (неофиц. часть).

[17] **Тимм Василий Фёдорович** (1820—1895) — русский живописец и литограф немецкого происхождения. В 1851—1862 гг. выпускал иллюстрированное издание «Русский художественный листок». В годы войны был в Крыму. Награждён медалью «За защиту Севастополя».

[18] Когда и где А.А. Попов осматривал экипаж, неизвестно, но его вторая записка датирована 10 февраля.

[19] РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 6538. Л. 2—5 об., 25.

[20] Барка — деревянное плоскодонное речное судно без палубы, разновидность баржи. Барки были основным типом судов, перевозивших товары по речным торговым путям России XVIII—XIX вв., строились обычно на одну навигацию.

[21] РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 6538. Л. 27—28.

[22] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5811. Л. 432—433.

[23] РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 6538. Л. 40—41.

[24] Веськово — село на берегу Плещеева озера в 3 км от г. Переславля-Залесского. В 1803 г. для хранения петровского бота «Фортуна» был построен «Ботный дом». В 1847 г. владимирское дворянство выкупило Веськовское поместье в общественную собственность. В настоящее время здесь находится музей-усадьба «Ботик Петра I».

[25] Владимирские губернские ведомости. 1856. № 14. 7 апреля. С. 105—109 (часть неофиц.).

[26] Ярославские губернские ведомости. 1856. № 13. 31 марта. С. 108, 109 (часть неофиц.).

[27] *Лейман И.И.* Вологодское купечество и Крымская война: к вопросу о специфике благотворительной деятельности в 1853—1856 годах // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2022. № 1. С. 70—75.

[28] Вологодские губернские ведомости. 1856. № 18. 5 мая. С. 141—143 (часть неофиц.).

[29] Следование Черноморских матросов из Москвы в Архангельск, и русский отклик на Московские празднества // Москвитянин. 1856. Т. 1. С. 288, 289.

[30] Архангельские губернские ведомости (АГВ). 1856. № 21. 26 мая. С. 163, 164 (часть неофиц.). Стихи подписаны инициалами «М.И.», скорее всего, автором был Михаил Фёдорович Истомин, постоянный корреспондент АГВ.

[31] Там же. № 22. 2 июня. С. 171—175 (часть неофиц.).

[32] **Максимов Сергей Васильевич** (1831—1901) — писатель, этнограф. В 1856 г. командирован Морским министерством на Русский Север с целью изучения быта жителей, занимавшихся судоходством и рыболовством. Автор книги «Год на Севере» (1859 г.). Очерк о встрече черноморских моряков в книгу не вошёл.

[33] *Максимов С.* Черноморцы в Архангельске // Морской сборник. 1856. № 9. С. 636—644 (часть неофиц.).

[34] *Огородников С.Ф.* Воспоминания бывшего кадета (1835—1857 гг.). СПб., 1884. С. 3.

[35] Серебряная медаль «За защиту Севастополя» на Георгиевской ленте вручалась всем военным чинам и гражданским лицам, кто участвовал в обороне города. Учреждена 26 ноября 1855 г.

[36] См.: *Давыдов Р.А., Попов Г.П.* Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: хроника событий. Екатеринбург: УрО РАН, 2005; *Гостев И.М., Давыдов Р.А.* Русский Север в войнах XVI—XIX вв. Архангельск: Фонд развития Соловецкого архипелага, 2014; и др.

[37] АГВ. 1856. № 23. 9 июня. С. 179—183 (часть неофиц.).

[38] Там же. С. 184.

[39] РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 6538. Л. 47, 56.

[40] Там же. Л. 48—49.

[41] АГВ. 1856. № 29. 21 июля. С. 227—229.

[42] О клиперах см.: *Щербацкий В.Т.* Архангельские винтовые клиперы (по материалам РГА ВМФ) // Бриз. СПб., 1996. № 7—9; *Шитарев В.С.* Винтовые клиперы Архангельской постройки // Двигатель. 2010. № 3. С. 44—47; *Гостев И.М., Давыдов Р.А.* Русский Север в войнах XVI—XIX вв. Архангельск: Фонд развития Соловецкого архипелага, 2014. С. 247—256.

[43] АГВ. 1856. № 30. 28 июля. С. 235, 236.

[44] Морской сборник. 1857. № 1. С. VI.

[45] Процессу трансформации военного поражения «в один из главных национальных триумфов» посвящено исследование М. Федотовой «Миф о Севастопольской обороне 1854—1855 гг. в культурной памяти Российской империи» (СПб., 2022).

S.N. Tretyakova

«IN THE SOUTH, YOU FOUGHT WITH HONOR, AND THE NORTH HONORS YOU...»

Meeting of the defenders of Sevastopol in Arkhangelsk, 1856

Information about author. *Svetlana Tretyakova — senior researcher at the Arctic Research Center of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Cand. Sc. (Hist.) (city of Severodvinsk, Arkhangelsk region. E-mail: swetsn@mail.ru).*

Summary. *The paper discusses the attitude of Russian society towards the defenders of Sevastopol during the Crimean War (1853—1856), using the example of a land journey taken by the crew of the 32nd Black Sea Fleet in the autumn of 1855 to spring of 1856, from Nikolayev to Arkhangelsk, to a new place of service. Despite the unsuccessful outcome of the war, it is noted that the sailors were warmly welcomed throughout their journey, and people of different classes expressed their gratitude and respect for the sailors' valor during the defense of Sevastopol. They sought to thank the sailors and make their journey easier. Communication with Sevastopol residents also gave the people of the Russian provinces an opportunity to participate in the heroic events.*

Keywords: *Crimean War (1853—1856); defenders of Sevastopol; 32nd Naval Crew; Russian North; A.A. Popov; P.I. Nikonov; V.A. Kokorev; patriotism; charity.*

Е.Д. Твердюкова

«НЕУЖЕЛИ Я НЕ ЗАСЛУЖИЛ СВОЕЙ СОЛДАТСКОЙ ЧЕСТЬЮ... МОТОКОЛЯСКИ»

Обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны автотранспортными средствами в СССР

Сведения об авторе. *Твердюкова Елена Дмитриевна — ведущий научный сотрудник отдела истории России XX века Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: tvelena@bk.ru).*

Аннотация. *Статья посвящена проблемам обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны легковыми автомобилями и мотоколясками в конце 1940—1980-х годов. Исследование подготовлено на основе документов федеральных архивов, в т.ч. писем бывших фронтовиков «во власть». Приведённые в статье факты позволяют сделать вывод о постоянном совершенствовании нормативно-правовой базы по обеспечению инвалидов специализированными автотранспортными средствами. Соответствующие мероприятия разрабатывались во многом с учётом требований ветеранов войны, однако реализации их в полной мере препятствовали общая неразвитость советской автомобильной промышленности, дефекты системы планирования, слабая производственная база станций технического обслуживания легковых автомобилей.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; инвалиды войны; социальная политика; автомобили; мотоколяски; «Запорожец».*

В современной России социальная и материальная поддержка участников боевых действий — один из приоритетов государственной политики, базирующейся на признании особых заслуг таких граждан перед Отечеством. Однако исторический опыт решения проблем материально-бытового обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны в СССР остаётся малоизученным. В фокусе исследователей чаще всего оказывались послевоенные меры по трудоустройству и пенсионному содержанию ветеранов[1]. Особо выделяется в современной историографии так называемая брежневская эпоха, когда участники минувшей войны стали «символами демонстрации социальной заботы»[2]. Большинство исследователей поддерживают тезис о том, что расширение пакета льгот и привилегий в сфере медицинского, транспортного, жилищно-коммунального обслуживания ветеранов приурочивалось к юбилейным датам празднования Дня Победы[3].

Людские потери Советского Союза, сыгравшего ведущую роль в разгроме фашистской Германии и её сателлитов, были огромны. По имеющимся в научной литературе данным, за годы войны из Вооружённых сил убыли по различным причинам 21,7 млн человек (из 34,5 млн, надевших шинели), в т.ч. демобилизованы по ранению и болезни 3,8 млн человек, из которых 2,6 млн стали инвалидами[4].

Целью настоящего исследования является анализ мероприятий Советского государства по обеспечению инвалидов войны личным автотранспортом. Эта тема ранее практически не изучалась[5], историки обычно ограничивались упоминанием соответствующих нормативно-правовых актов[6]. По мнению австралийского историка М. Эделе, наличие таких специфических привилегий свидетельствовало о том, что инвалиды войны считались особым объектом государственной социальной политики, однако законодательные

нормы не подразумевали реализации её в повседневной жизни. Он полагает, что в данном случае наблюдалось типичное для СССР расхождение между символическими привилегиями и действительно доступными ветеранам благами[7], хотя соответствующих доказательств не приводит.

Первые адресные мероприятия, направленные на денежное содержание, трудоустройство, улучшение качества жизни инвалидов войны, были предприняты ещё в 1940-х годах. В частности, постановлением Совета министров СССР от 3 июля 1948 года предусматривалось получение ими мотоколясок (при наличии соответствующего медицинского заключения). 5 января 1948 года газета «Вечерняя Москва» сообщала о выпуске Киевским мотоциклетным заводом первой партии трёхколёсных мотоциклов, все рычаги управления которыми были выведены на руль, что давало возможность управлять техникой инвалидам, лишённым ног, а также одной руки. Мотоцикл был снабжён кронштейном для крепления костылей, имел небольшой вес (95 кг) и позволял передвигаться со скоростью 18 км/ч[8]. Производство мотоколясок было налажено и на Серпуховском мотоциклетном заводе — сначала трёхколёсных, а затем и четырёхколёсных, с металлическим кузовом и брезентовой крышей. У самих инвалидов эти средства передвижения заслужили прозвище «мотоурод» не только за непривлекательный внешний вид, но и за ненадёжность в эксплуатации: «Шум, вибрация, а в зимнее время холод внутри машины приводят к расстройству и без того плохую работу разных органов инвалидов... Как правило, в среднем через год, а то и раньше, они начинают ломаться, и инвалиды задумываются над тем, как дальше жить и передвигаться, так как запасных деталей в свободной продаже нет, их нужно заказывать и ждать несколько месяцев... Несмотря на это, за мотоколясками всегда очередь, так как их постоянно не хватает, а передвигаться больше не на чем»[9].

3 июля 1953 года Совет министров СССР принял специальное постановление «О производстве мотоколясок С-1Л для инвалидов», однако, как свидетельствуют документы, обеспечить всех нуждавшихся индивидуальными моторизированными средствами передвижения не удавалось[10]. В 1956 году житель Орловской области А.Ф. Гольцов писал в ЦК КПСС: «Неужели я не заслужил своей солдатской честью, с которой прошёл с боями от г. Тулы к подступам Берлина, где был дважды ранен... мотоколяски. Ведь я потерял на фронте самое дорогое для человека — здоровье»[11]. Много жалоб поступало также на плохое качество мотоколясок. Например, В.Н. Харитонов из Сталинградской области сетовал: «... До сих пор [1956 год] мы, инвалиды, хороших машин не видим, которые в действительности помогали бы инвалиду в жизни и в труде. Инвалиды ожидают хороших машин, а их всё нет и нет. Это, по-видимому, всё потому, что этому очень важному вопросу не уделено до сих пор государственного значения, а вопрос о производстве удобных и прочных машин для инвалидов назрел давно»[12]. Но вместо разработки специализированного автомобиля руководство страны пошло по пути модификации и приспособления к нуждам инвалидов уже существовавших моделей.

С 1957 года по решению республиканских властей инвалиды войны могли приобретать автомобиль «Москвич» с ручным управлением. Совет министров РСФСР издал соответствующее распоряжение 13 августа 1957 года. Эта практика не стала массовой. На 1 января 1968 года в эксплуатации у инвалидов РСФСР находились 18 586 машин марки «Москвич»[13]. Участник войны, инвалид I группы Коваленко из Киева в октябре 1967 года в своём обращении в Совет министров СССР писал, что стоит в очереди на машину уже 8 лет, однако год за годом получает стандартную отписку: «Легковые автомобили выделяются Минторгом СССР в распоряжение Минторгов союзных республик и продаются всем гражданам в порядке, установленном Совминами республик. Вопрос о продаже Вам авто может быть решён только в республике или областных организациях по месту жительства»[14].

После начала производства с 1960 года на заводе «Коммунар» микролитражных автомобилей «Запорожец» именно эта марка стала основной для обеспечения инвалидов.

Согласно постановлению Совета министров СССР от 29 декабря 1963 года инвалидам I и II групп из числа военнослужащих при наличии медицинских показаний после освидетельствования во врачебно-трудовой экспертной комиссии (ВТЭК) по месту жительства[15] следовало выдавать бесплатно через каждые 10 лет «запорожец» с ручным управлением. Тем, кто ранее получил бесплатно мотоколяску (или по льготной цене «москвич» с ручным управлением), новый «запорожец» выдавался бесплатно только после установленного пятилетнего срока эксплуатации мотоколяски или по истечении 10 лет с момента приобре-

тения автомобиля. Заявления о выдаче машин рассматривались общественными комиссиями при республиканских министерствах соцобеспечения. Инвалидам, проживавшим в домах-интернатах, автомобили (как и мотоколяски) не полагались. К началу 1968 года только проживавшим в РСФСР фронтовикам были переданы 46 746 «запорожцев»[16].

В исключительных случаях предусмотренный законом порядок корректировался. Так, 14 мая 1966 года в Совет министров РСФСР поступило письмо председателя Советского комитета ветеранов войны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, в котором тот ходатайствовал о предоставлении ответственному секретарю комитета Герою Советского Союза А.П. Маресьеву автомобиля «москвич» с ручным управлением вместо положенного ему «запорожца». Мотивировал он это тем, что Маресьеву (потерявшему на войне обе ноги) приходилось принимать участие в массовых мероприятиях представительского характера, а также приближавшимся 50-летним юбилеем лётчика (20 мая 1966 г.). Соответствующее разрешение было получено[17]. Инвалиду войны I группы, персональному пенсионеру республиканского значения, члену Калининского облсуда Ю.Н. Пушкину машины выделялись по личным указаниям руководителей страны самого высокого ранга, о чём он сообщал в апреле 1973 года в письме на имя управляющего делами Совета министров СССР М.С. Смиртюкова: «В боях с фашистами в возрасте 18 лет я был тяжело ранен. Ампутировали обе ноги и кисти рук, перенёс множество операций. Всё пережил, не согнулся. Получил юридическое образование и вот в таком состоянии уже 28 лет работаю в суде... В 1956 г. по личному указанию т[оварища] Булганина Н.А. мне был выдан автомобиль “Москвич-402”... Когда этот автомобиль износился, в марте 1965 г. по распоряжению т[оварища] А.Н. Косыгина мне облсобес выдал автомашину “Москвич-408”. С тех пор прошло 8 лет. Автомобиль много эксплуатируется в жёстких условиях: ежедневно, в дождь, снег, мороз, большую часть времени (когда я на службе) стоит на улице, пробег составляет свыше 75 тысяч км... Постоянные поломки и неисправности изматывают меня морально и материально... К сожалению, я не могу воспользоваться общеустановленным правилом и получить автомобиль “Запорожец”, какой выдаётся инвалидам войны. По своей комплекции, в силу малых габаритов кузова, специфики устройства ручного управления для меня исключена возможность безопасного управления “Запорожцем” (об этом есть заключение ГАИ). Неприемлем и вариант с капремонтом моей машины... Стоимость нового автомобиля “Москвич” ниже стоимости ремонта, указанной в акте... Удобная, надёжная машина с хорошим запасом прочности для меня — это не предмет роскоши. Это — предмет наипервейшей необходимости. Это — мои ноги, моя работа, мой отдых, для меня это — сама жизнь»[18]. По указанию первого заместителя председателя Совмина СССР К.Т. Мазурова Пушкину был выделен бесплатный автомобиль «Москвич-412».

Герой Советского Союза А.П. Маресьев
Фото А. Агапова, 30 ноября 1948 г.

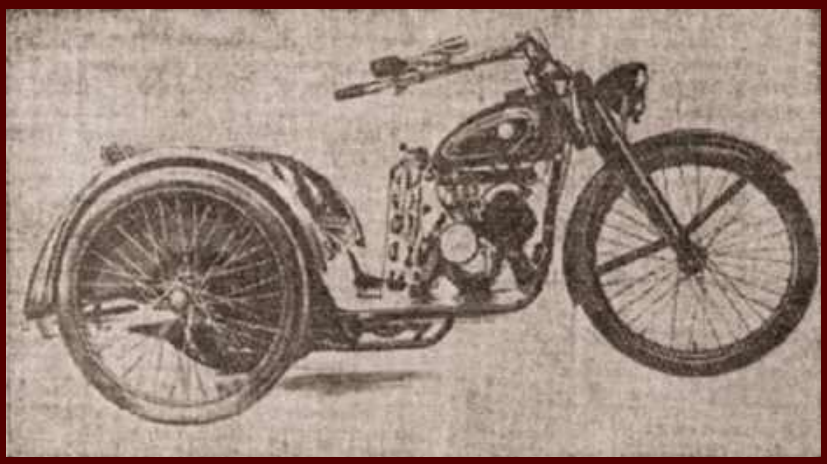
В целом по стране за 1970—1974 гг. были выданы бесплатно 101,2 тыс. автомобилей, за 1975—1979 гг. — 205 тыс., что позволило к началу 1980-х годов почти полностью обеспечить специальными транспортными средствами тех инвалидов войны, которые имели на это право (свыше 300 тыс. человек)[19].

С конца 1970-х годов руководству страны всё чаще стали поступать обращения с просьбами разрешить бесплатную выдачу автомобилей инвалидам II группы, у которых при повторном освидетельствовании выявлялись медицинские противопоказания к вождению (такие как обусловленная возрастом частичная потеря слуха, зрения и т.п.), в результате чего они теряли право на получение «запорожца». Житель г. Сланцы Каталкин писал в Совет министров СССР: «Государство обеспечило меня пенсией, квартирой и предоставило другие льготы. А вот в одном у меня большая обида. Мне положен по медицинским показаниям бесплатно автомобиль “Запорожец”, но его мне не выдают по причине появившихся у меня противопоказаний... можно было бы выдать автомашину мне, а водить её будет зять или жена... прошу внести в действующий порядок дополнения»[20]. Аналогичные предложения звучали и со стороны министров социального обеспечения союзных республик на проводившемся в июне 1979 года

совещании в Государственном комитете по труду и социальным вопросам СССР. Согласно озвученным в ходе совещания данным, на 1 января 1979 года в СССР насчитывалось примерно 7000 инвалидов войны II группы, имевших медицинские показания на получение бесплатно автомобиля, но вместе с тем — противопоказания к вождению[21].

Множество подобных обращений вынуждало региональное руководство выносить эти вопросы на обсуждение в правительстве. Так, первый секретарь ЦК компартии Украины В.В. Щербицкий 20 февраля 1980 года направил письмо М.С. Смиртюкову, в котором просил включить в проект постановления «О дополнительных мерах по улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны» пункт о бесплатном обеспечении автомобилями «запорожец» инвалидов войны I группы по зрению и инвалидов без обеих рук (каковых в республике насчитывалось около 2500)[22].

С аналогичными предложениями выступил председатель Совета министров РСФСР М.С. Соломенцев. Он также обратил внимание на тот факт, что многие ветераны, имевшие в послевоенные годы инвалидность, связанную с пребыванием на фронте, продолжали активно трудиться, не оформляя соответствующих документов[23]. Ухудшение здоровья со временем вынуждало их обращаться во ВТЭК, но в большинстве случаев они признавались инвалидами вследствие общих заболеваний, не получая всего пакета льгот, положенных тем, кто потерял трудоспособность в результате участия в боевых действиях. По расчётным данным, только в РСФСР численность бывших инвалидов войны, получавших к началу 1980-х годов пенсию как инвалиды труда, составляла 27,7 тыс. человек (из общего

Трёхколёсный мотоцикл для инвалидов производства Киевского мотозавода
Вечерняя Москва. 1948. 5 января.

Вид опытного образца легкового автомобиля для инвалидов с ручным управлением, выпущенного Ленинградским карбюраторным заводом
Фото С.А. Григорьяни, декабрь 1966 г.

Ветеран Великой Отечественной войны, кавалер орденов Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, двух орденов Красной Звезды, инвалид I группы А.Л. Голимбиевский у автомашины — основного средства передвижения
Фото И.И. Куртова, апрель 1989 г.

количества около 750 тыс. человек)[24].

Специальная комиссия из представителей Госплана, министерств финансов и обороны, а также Госкомтруда СССР подготовила проект, получивший оформление в виде постановления Совета министров СССР от 11 декабря 1979 года «О дальнейшем улучшении обеспечения инвалидов Отечественной войны II группы транспортными средствами». Республиканским правительствам и исполкомам предоставлялось право самим решать вопрос о выдаче инвалидам автомобилей в пределах фондов, распределённых по регионам[25]. По причине ограниченных фондов машин с ручным управлением перекладывание решений на местные власти открывало дорогу бюрократическому произволу и не обеспечивало единой политики в отношении всех нуждавшихся в специализированных средствах передвижения. Право всех инвалидов Великой Отечественной войны I группы по зрению или без обеих рук на получение бесплатно автомобиля «запорожец» было установлено только в 1990 году в преддверии празднования 45-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне[26].

В РСФСР численность бывших инвалидов войны, получавших к началу 1980-х годов пенсию как инвалиды труда, составляла 27,7 тыс. человек (из общего количества около 750 тыс. человек)

Мало было получить машину, необходимо было поддерживать её «на ходу». Совет министров СССР постановлением от 29 декабря 1963 года обязал Министерство автомобильной промышленности СССР организовать работу пунктов гарантийного обслуживания автомобилей «запорожец» с ручным управлением. Но фактическое решение этих вопросов было возложено на региональные власти. В частности, постановлением от 13 октября 1967 года Совет министров РСФСР предоставил право правительствам автономных республик, областным и краевым исполкомам разрешать производство бесплатного капитального ремонта принадлежавших инвалидам машин по истечении шестилетнего срока со дня их выдачи. Текущий же ремонт авто мог производиться только за счёт их владельцев[27]. Но проблема была в том, что ремонтные мощности Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР не позволяли обеспечить своевременного обслуживания всех желавших. Пункты для капремонта «запорожцев» с ручным управлением были созданы к концу 1960-х годов лишь в 7 крупных городах РСФСР. Капремонт «москвичей» на территории республики мог проводиться только на двух авторемонтных заводах — Ленинградском (№ 5) и Московском (№ 4). В очереди же на капитальный ремонт машины в 1968 году стояли около 3500 автовладельцев-инвалидов[28]. Предлагалось привлекать к оказанию соответствующих услуг предприятия Россельхозтехники и Министерства бытового обслуживания, однако их возможности были крайне ограничены[29].

С 1971 года капитальный ремонт «запорожцев» за счёт органов соцобеспечения перестал производиться в связи с тем, что с этого года срок их эксплуатации был снижен с 10 до 7 лет, после чего машина подлежала замене. Но проблема сохраняла актуальность, так как из-за отсутствия специально выделенных фондов на капремонт инвалиды войны нередко оказывались лишены средства передвижения на длительный срок. Например, на 1983 год предприятия системы «Автотехобслуживание» в РСФСР должны были получить по плану всего лишь 200 двигателей к автомобилям «запорожец», в то время как от инвалидов войны имелось более тысячи заявок на замену двигателя[30].

Немногочисленные действовавшие пункты техобслуживания не могли полностью удовлетворить запросы автовладельцев из-за дефицита необходимых деталей. Потребность (по РСФСР) на 1968 год в механических запчастях к «запорожцам» с ручным управлением исчислялась суммой 2,6 млн руб., а выделенные фонды — 1,7 млн руб.; по автомобилям «москвич» поступившие ресурсы запчастей оказались вдвое меньше заявок авторемонтных и торговых предприятий (6,6 млн руб. против 12,2 млн)[31]. Судя по документам, с течением времени ситуация не улучшалась: рыночные фонды запчастей для баз посылочной торговли в Горьком и Запорожье, через которые снабжались инвалиды войны, регулярно оказывались примерно в 2 раза ниже потребностей. Инвалид войны II группы А.М. Мальковский из г. Казани писал председателю Совета министров СССР Н.А. Тихонову: «Нам, инвалидам войны, выдают бесплатно автомобили “Запорожец” с ручным управлением. Поездишь на этой машине от силы года три — и радость приобретения автомобиля улетучивается. Наступает период бесплодных хождений по станциям технического обслуживания. На этих станци-

ях, как правило, нет нужных запчастей. Пишешь в Посылторг г. Запорожья, а оттуда высылают не деталь, а уведомительное письмо о том, что жди. Поставили на очередь. Я два года ждал амортизатор, но не дождался... Если для здоровых людей автомобиль — предмет роскоши, то для инвалидов это “механические ноги”. К сожалению, не все с этим считаются»[32]. С теми же проблемами сталкивались владельцы «москвичей». «Для помощи инвалидам войны в г. Горьком организована база Посылторга по обеспечению автомобилей марки “Москвич”, — жаловался И.В. Кучеров из г. Теплогорска. — По мнению инвалидов-автомобилистов, эта база совершенно не удовлетворяет наши просьбы... Сотрудники базы на наши запросы либо не отвечают, либо разъясняют, что промышленность не обеспечивает необходимого количества запчастей. Вот мой заказ пролежал уже год, пошёл второй. Мой регистрационный номер на базе Посылторга — 7 210 176»[33].

Положение осложнялось тем, что автозаводы нередко поставляли недоукомплектованные или дефектные автомобили. Председатель группы по обеспечению инвалидов войны автотранспортом при Хабаровской секции Советского комитета ветеранов войны В.Ф. Канашенкин писал в Президиум Верховного Совета СССР: «...Мне предоставили новый “Запорожец”. Это не машина, а набор бракованных деталей. Представитель завода наличие брака подтвердил, но ничто не изменилось. Случай не единичный. Получается, что забота государства о нас, инвалидах, сводится на нет: завод позволяет себе выпускать брак, а исправлять его не собирается»[34].

В 1982 году в пользовании фронтовиков имелась 361 тыс. автомобилей «запорожец», выданных бесплатно[35]. Министром автомобильной про-

Мотоколяска С-1Л
Фото С. Куряшова, 1953 г.

Мотоколяска С-3А с цельнометаллическим кузовом
1959 г.

Самостоятельный ремонт мотоколяски С-3А

Органы управления мотоколяской С-3Д

«Последний снег»
Фото Р. Мухаметзянова, 1974 г.

ЗАЗ-968М. Опознавательный знак: вписанный в круг треугольник с обращённой вниз вершиной и буквой «Р» устанавливался на автомобили с ручным управлением
1989 г.

мышленности СССР В.Н. Поляковым был подписан приказ «Об улучшении организации гарантийного ремонта, технического обслуживания и обеспечения запасными частями автомобилей “Запорожец”, принадлежащих инвалидам», в котором предусматривались мероприятия по устранению недостатков в модификациях машины, создание в каждом регионе станций техобслуживания Запорожского автозавода для гарантийного и постгарантийного ремонта[36]. К 1985 году завод открыл более 150 представительств по обслуживанию машин инвалидов, что позволило несколько сократить очереди на ремонт[37].

Получившим машину бесплатно полагались небольшие выплаты на её содержание. После повышения с 1 марта 1978 года цен на бензин, автозапчасти и техническое обслуживание автомобилей ветераны массово обращались к руководству страны с просьбами компенсировать им соответствующие затраты. Например, инвалид войны I группы из Мелитополя П.П. Вавилов сообщал: «Нам, инвалидам, получившим “Запорожец” бесплатно, должны ежегодно выдавать компенсацию 120 руб. Эта сумма слишком мала. Раньше на станции техобслуживания снять мотор, разобрать и снова поставить на место без замены частей стоило 25 руб., а теперь за это нужно платить 80 руб.»[38]. Аналогичные просьбы поступали и от тех инвалидов войны, кто приобрёл машину за свой счёт. Так, И.И. Калитко из Одессы писал: «Я инвалид II группы, моя культя не подходит под положение о бесплатной автомашине, т.е. на несколько сантиметров больше, чем положено. С 1943 года я хожу на костылях и протезе. В 1974 году я прошёл облВТЭК, мне дали заключение: по степени ранения положена машина с ручным управлением как средство пе-

редвижения, но за наличный расчёт. И вот теперь по новому положению нас, инвалидов войны, разделили на “белых” и “чёрных”. Какая разница между инвалидом, который получил машину бесплатно, и тем, кто её приобрёл за наличный расчёт, залезая в большие долги? Что осталось у нас, инвалидов? Букет болячек от войны и старости. Единственная радость у инвалида — это когда он может выехать за город, на огород, к морю или речке, подышать воздухом, который крайне необходим, и успокоить свои раны. Теперь мы и этого лишены»[39].

Соответствующие решения о компенсации инвалидам войны расходов на бензин, ремонт, техобслуживание и приобретение запчастей были приняты. Согласно разъяснению Госкомтруда СССР и Минфина СССР от 4 мая 1978 года и 11 марта 1979 года правом на компенсацию могли воспользоваться также инвалиды Великой Отечественной войны, купившие вместо полагавшегося им «запорожца» автомобиль другой марки или «запорожец» с ручным управлением за наличный расчёт. Инвалидам I и II групп, которые приобрели транспортное средство за полную стоимость, выплачивалось 120 руб. в год — на содержание автомобиля или 48 руб. — мотоколяски.

Вводились и другие льготы для инвалидов войны, связанные с обслуживанием автомобиля. Так, 16 декабря 1980 года Совет министров СССР принял постановление «О мерах по улучшению сбора автомобильных аккумуляторных свинцовых батарей, отработавших свой ресурс», в котором вводилось требование обязательной сдачи отработанных батарей как условие приобретения новых. Указанное нововведение не распространялось на инвалидов, владевших автомобилями «москвич» и «запорожец» и мотоколясками. Они были вправе приобретать новые аккумуляторные батареи посредством посылочной торговли без сдачи старых[40].

23 февраля 1981 года Совет министров СССР утвердил положение, в котором были сведены воедино жилищно-бытовые льготы, льготы по трудоустройству, медицинскому обслуживанию, санаторно-курортному лечению инвалидов и ряд других. Второй раздел этого, по сути своей, кодифицированного нормативно-правового акта был посвящён вопросам обеспечения транспортными средствами. Подтверждалось право инвалидов войны (при наличии медицинских показаний) на получение бесплатно один раз в семь лет автомобиля «запорожец» с ручным управлением (или один раз в пять лет — мотоколяски) — без права продажи и передачи. Советам министров союзных и автономных республик, исполкомам краевых, областных, Московского и Ленинградского городских Советов народных депутатов предоставлялось право разрешать выдачу автомобилей на семилетний срок эксплуатации инвалидам Великой Отечественной войны I и II групп, имевшим противопоказания к вождению (для управления их родственниками). С 1988 года в случае отсутствия родных, постоянно проживавших совместно с инвалидом и способных управлять автомобилем, инвалиду выплачивалась ежегодная компенсация расходов на транспортное обслуживание в размере 400 руб.[41]

Таким образом, нормативно-правовая база по обеспечению инвалидов Великой Отечественной войны автотранспортными средствами постоянно совершенствовалась, расширялся круг ветеранов, имевших право на бесплатное получение машины, удлинялся перечень соответствующих медицинских показаний, вводились компенсации на содержание и обслуживание автомобиля. Но неправильно было бы утверждать, что эта система работала без сбоев. Наибольшее число нареканий инвалидов вызывали длительное ожидание выдачи машины и несвоевременная её замена после установленного срока эксплуатации, некачественный ремонт и отсутствие необходимых запчастей. Заявки республиканских правительств на 1983 год на автомобили с ручным управлением были удовлетворены на 70 проц., а с обычным управлением (для бесплатной выдачи инвалидам войны I и II групп с передачей права вождения кому-либо из родственников) — лишь на 48 проц.[42] По данным Комиссии по здравоохранению и соцобеспечению, работавшей в составе Президиума Верховного Совета СССР, в середине 1980-х годов потребности в автомобилях «запорожец» для бесплатного распределения среди инвалидов войны удовлетворялись на 65—75 проц., ветераны ожидали их получения от полутора до трёх лет[43].

В ходе перестройки в советском обществе началась

«Что осталось у нас, инвалидов? Букет болячек от войны и старости. Единственная радость у инвалида — это когда он может выехать за город, на огород, к морю или речке, подышать воздухом и успокоить свои раны»

Мотоколяски С-ЗД возле сборочного конвейера Серпуховского автозавода
1994 г.

переоценка прошлого, в том числе событий Великой Отечественной войны. Почётный статус инвалидов в таких условиях подвергался сомнению со стороны не только нигилистически настроенной молодёжи, но и представителей власти. Весной 1989 года в редакцию газеты «Правда» поступило письмо от инвалида войны II группы майора в отставке Ф.С. Панфилова, в котором он сообщал об ответах со стороны руководства горкома партии и горисполкома г. Горловки на просьбы выделить ему машину для приобретения за полную стоимость: «Много мы с вами, ветеранами войны, возимся» и «Вы очень много хотите». Стоявший в течение пяти лет на очереди ветеран обращался в горвоенкомат, облвоенкомат, облисполком, в ЦК КПСС, Советский комитет ветеранов войны, Совмин СССР, дважды — в газету «Аргументы и факты». Все его письма направлялись в Донецкий облисполком и находившийся в его подчинении отдел социального обеспечения, обещавших продать автомобиль согласно очерёдности и по мере выделения фондов. На запрос редакции «Правды» глава облсобеса сообщала, что номер очереди Панфилова на машину — 27-й и в текущем году он её не получит[44]. С учётом политических и социально-экономических катаклизмов, пережитых страной в начале 1990-х годов, с большой долей вероятности можно предположить, что личный автомобиль так и остался для защитника Отечества несбыточной мечтой.

Проведённое исследование не позволяет однозначно согласиться с общепринятым тезисом, согласно которому расширение комплекса льгот и привилегий ветеранов войны в позднесоветскую эпоху происходило раз в пять лет и приурочивалось к юбилеям Победы. Мероприятия по обеспечению фронтовиков-инвалидов средствами передвижения разрабатывались и внедрялись в практику, будучи в значительной степени обусловлены запросами с мест. Реализация на практике предусмотренных законом мер не в полной мере отвечала насущным потребностям инвалидов Великой Отечественной войны преимущественно в силу неразвитости автомобильной промышленности в СССР, дефицитности авторынка, издержек планирования, неудовлетворительного состояния систем технического обслуживания и ремонта легковых автомобилей.

Примечания

[1] См., например: *Чуева Е.В.* «Мир после войны»: жалобы как инструмент регулирования отношений между государством и инвалидами Великой Отечественной войны // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940—1985. М., 2008; *Емелин С.М.* Социальная политика в отношении инвалидов в СССР после Великой Отечественной войны: проблема соблюдения прав человека и идеологической целесообразности // Вестник ВЭГУ. 2019. № 2. С. 59—70; *Печалова Л.В.* Кооперативные объединения в решении проблем социальной и профессиональной реабилитации воинов-инвалидов в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (на материалах Северного Кавказа и Дона) // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 1. С. 5; *Вавулинская Л.И.* «Обязать руководителей… предоставлять инвалидам Отечественной войны соответствующую работу». Социальное обеспечение и трудоустройство инвалидов Великой Отечественной войны в Карелии (1944—1957 гг.) // Военно-исторический журнал. 2024. № 3. С. 72—81.

[2] См., например: *Суркова И.Ю.* Система социальной защиты участников Великой Отечественной войны в СССР // Социология. 2010. № 2. С. 4—16; *Бистяйкина Д.А.* Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2. С. 83—94; *Голубицкий М.С.* Социальная политика Советского государства в отношении участников и инвалидов Великой Отечественной войны в 1950—1980-е годы // Учёные записки: электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2015. № 4; *Третьяк Д.В.* «Навести порядок в учёте инвалидов». Вопросы трудоустройства, пенсионного и материально-бытового обеспечения инвалидов войны в 1960-е

годы в Волгоградской области // Военно-исторический журнал. 2024. № 12. С. 61—68.

[3] *Физелер Б.* «Нищие победители»: инвалиды Великой Отечественной войны в Советском Союзе // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005; *Суркова И.Ю.* Социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны: юбилейная забота или помощь каждый день // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 1. № 1. С. 303—311.

[4] Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 139, 140.

[5] Одним из немногих исключений служит статья И.А. Мартинкевича, написанная на основе документов Национального архива Республики Беларусь, но она охватывает лишь период второй половины 1950-х гг., когда инвалиды обеспечивались только мотоколясками: *Мартинкевич И.А.* Социальное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны во 2-й половине 1950-х годов: основные направления и трудности реализации // Журнал Полоцкого гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. 2020. № 9. С. 116—122.

[6] Например: *Рываненко М.В. и др.* Транспортные средства для реабилитации инвалидов // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2020. № 4. С. 93—101.

[7] *Эделе М.* Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве, 1941—1991. М., 2023. С. 399.

[8] *Карзинкин С.* Трёхколёсный мотоцикл для инвалидов // Вечерняя Москва. 1948. 5 января.

[9] *Фефелов В.А.* В СССР инвалидов нет. Лондон, 1986. С. 22.

[10] Например, по плану 1959 г. Серпуховской завод должен был произвести 16 500 мотоколясок, которые были распределены между республиками пропорционально числу инвалидов, что не покрывало местных потребностей. Так, при заявке БССР на 900 мотоколясок был выделен фонд лишь в 500 штук. *Мартинкевич И.А.* Указ. соч. С. 119.

[11] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30. Д. 186. Л. 32.

[12] Там же. Л. 34.

[13] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-259. Оп. 45. Д. 7676. Л. 28.

[14] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 465. Оп. 1. Д. 600. Л. 110.

[15] Автомобиль «запорожец» выдавался инвалидам войны при ампутационных культях обоих бёдер, обеих голеней, одного бедра на любом уровне, бедра или голени при одновременном отсутствии одной из верхних конечностей, при параличе и парезе нижних конечностей и других поражениях, лишавших инвалида способности самостоятельно передвигаться или значительно затруднявших возможность стоять и ходить; при этом удостоверялось отсутствие сопутствующих заболеваний, препятствующих вождению. Соответствующие перечни медицинских показаний на получение мотоколясок и автомобилей «запорожец» с ручным управлением были утверждены Минздравом СССР 1 июля 1969 г. и 11 августа 1970 г., скорректированы 16 апреля 1982 г. См. также: *Тулисов М.П.* Права реальные и права мнимые: социальное обеспечение в СССР и в буржуазных странах: обзорн. инф. Сер.: Организация социального обеспечения. Пенсионное обеспечение. М., 1980. Вып. 1. С. 28, 29. На основании постановления Совета министров СССР от 21 апреля 1975 г. инвалидам Великой Отечественной войны I группы по зрению — Героям Советского Союза и кавалерам ордена Славы трёх степеней выдавались автомобили «запорожец» с обычным управлением.

[16] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 7676. Л. 28.

[17] Там же. Д. 5649. Л. 1, 5.

[18] Там же. Ф. Р-5446. Оп. 107. Д. 232. Л. 1—2 об.

[19] Там же. Оп. 135. Д. 282. Л. 1.

[20] Там же. Л. 2.

[21] Там же. Л. 4.

[22] Там же. Оп. 136. Д. 1149. Л. 1.

[23] В литературе указывалось, что ещё в 1941 г. Наркомат соцобеспечения запретил ВТЭК удостоверять инвалидность тех лиц, кто мог работать по прежней профессии, даже в случае потери глаза или конечностей. Эта политика коснулась сотен тысяч инвалидов. См.: *Чуева Е.В.* Указ. соч. С. 106.

[24] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 136. Д. 1149. Л. 5—6, 8. По имевшимся в распоряжении М.С. Соломенцева данным, в РСФСР проживали около 10 тыс. слепых инвалидов войны и около 700, лишённых обеих конечностей; всем им он предлагал выдавать машины бесплатно.

[25] Там же. Оп. 135. Д. 282. Л. 12.

[26] Собрание постановлений Правительства СССР (СП СССР). 1990. № 26. Ст. 126.

[27] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 7676. Л. 6, 6 об.

[28] Там же. Л. 28.

[29] Там же. Л. 12, 18.

[30] РГАЭ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 9735. Л. 6.

[31] ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 7676. Л. 26.

[32] Там же. Ф. Р-5446. Оп. 140. Д. 1505. Л. 12.

[33] Там же. Л. 38.

[34] РГАЭ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 9737. Л. 163.

[35] Там же.

[36] Там же. Л. 168.

[37] Там же. Д. 10500. Л. 72.

[38] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 112. Д. 1310. Л. 25.

[39] Там же. Л. 26.

[40] РГАЭ. Ф. 465. Оп. 1. Д. 3057. Л. 42—43.

[41] СП СССР. 1981. № 12. Ст. 71.

[42] РГАЭ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 9737. Л. 163.

[43] Там же. Д. 10500. Л. 16.

[44] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 1404. Л. 31—32.

Ye.D. Tverdyukova

«HAVE I NOT DESERVED, WITH MY MILITARY SERVICE, A MOTORIZED VEHICLE?»

Providing disabled veterans of the Great Patriotic War with cars in the USSR

Information about author. *Yelena Tverdyukova — leading researcher at the Department of 20th Century Russian History at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: tvelena@bk.ru).*

Summary. *The paper discusses the issues related to providing disabled veterans of the Great Patriotic War with vehicles and motorized vehicles in the late 1940s through the 1980s. The research was conducted based on documents from federal archives, including letters written by former front-line soldiers to the authorities. The findings presented in the paper suggest that the legal framework for providing people with disabilities with specialized vehicles has been continuously improved. The measures developed were largely based on the needs of war veterans, yet their implementation was hindered by the overall underdevelopment of the Soviet automotive industry, flaws in the planning system, and a weak passenger car service station infrastructure.*

Keywords: *The Great Patriotic War; war veterans; social policy; cars; motorized vehicles; Zaporozhets.*

М.В. Попов,
М.В. Суворов

«СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ, СИЛЬНЫЕ ДУХОМ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ФИЗИЧЕСКИ КРЕПКИМИ И ЗНАТЬ ВОЕННОЕ ДЕЛО»

Военные кафедры в вузах Свердловска второй половины 1930-х годов

Сведения об авторах. *Попов Михаил Валерьевич — профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, доктор исторических наук (г. Екатеринбург. E-mail: m-v-popov@ya.ru);*

Суворов Максим Викторович — доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (г. Екатеринбург. E-mail: mvs-19771@ya.ru).

Аннотация. *На примере высших учебных заведений г. Свердловска показаны особенности деятельности военных кафедр во второй половине 1930-х годов. Использованы в том числе и новые, ранее не доступные для исследователей материалы фондов Государственного архива административных органов Свердловской области, связанные с репрессиями против преподавателей-военруков. Сделаны выводы о том, что деятельность военных кафедр оказывала существенное влияние на ход учебного и воспитательного процессов в системе высшего образования в исследуемый период, что имело особое значение для военно-патриотического воспитания молодёжи накануне Великой Отечественной войны. В то же время налицо были и негативные последствия политических репрессий, которые не могли не коснуться и высшей школы. Это отразилось на особенностях учебно-воспитательного процесса в вузах и судьбе тех, кто руководил военной подготовкой студентов.*

Ключевые слова: *СССР; Урал; Свердловск; военные кафедры; военруки; политические репрессии.*

Существовавшее в советский и постсоветский периоды военное обучение студентов через деятельность военных кафедр в гражданских вузах было одним из направлений подготовки офицеров запаса для Вооружённых сил СССР. В различные годы оно имело свои особенности и привлекало внимание исследователей, занимавшихся историей первых десятилетий советской власти. Так, военной подготовке кадров запаса сухопутных сил Красной армии в 1921—1941 гг., в т.ч. в вузах и техникумах, посвящена статья И.В. Цымбалова[1]. Военное обучение в гражданских вузах Советского государства освещается также в статье В.С. Добровольского и Г.Г. Шмакова[2]. Анализ системы высшей вневойсковой подготовки в стране во второй половине 1930-х годов содержится в публикации А.М. Ситдикова[3].

В середине 1930-х годов в связи с переходом от территориально-милиционной к кадровой системе комплектования Вооружённых сил военное обучение студентов высших гражданских учебных заведений расширилось. По Закону СССР «О всеобщей воинской обязанности» 1939 года высшая вневойсковая подготовка для студентов вузов, где действовали военные кафедры, была обязательна для всех годных к военной службе: прошедшие курс и успешно сдавшие экзамены студенты освобождались от действительной службы в армии и зачислялись в запас средними командирами. Занятия по военной подготовке должны были включать в себя от 430 до 580 учебных часов и 3—4-месячные лагерные сборы[4].

Однако многое зависело от того, командиров какого рода войск готовила военная кафедра. Например, при Свердловском индустриальном институте, где в течение двух лет осуществлялась подготовка артиллеристов, на изучение теоретического курса студентами отводились 300 ч в году. Кроме того, в учебном плане предусматривались 50 ч на уход за техникой[5]. О том, как проходили занятия по военному обучению в этом вузе, говорится в акте обследования вузовской подготовки комиссией Уральского мобилизационного округа во главе с комбригом Нестеровским. Двести студентов энергетического и механического факультетов, проходивших обучение как артиллеристы, были сведены в батарею, состо-

явшую из пяти взводов. Каждый взвод возглавлялся преподавателем военной кафедры, который проводил занятия по стрелково-артиллерийской подготовке. Были изучены темы: «Квадратная сетка с подготовкой исходных данных методом полной подготовки»; «Перенос огня методом коэффициента “у”»; «Расчёт и стрельба по военной сетке». Кроме того, студенты подробно знакомились со структурой и организацией танкового батальона и танковых групп в Красной армии.

Комиссия, о работе которой говорилось выше, отметила, что кафедра в течение часа ежедневно проводила строевую подготовку учащихся. С 15 до 16 ч учебным планом предусматривалась самоподготовка под руководством дежурного преподавателя[6].

В Свердловском государственном педагогическом институте (СГПИ) с 1934 года также начала действовать военная кафедра. В январе 1938 года здесь работали пять преподавателей[7]. Коллектив кафедры организовал изучение военного дела на учебных занятиях — в аудиториях и в стрелковом тире (тир был построен на территории новых общежитий института на улице Большакова, 85 и 87). Для студентов, оканчивавших второй курс, военная кафедра проводила военные сборы: занятия проходили на местности и на открытых стрельбищах с использованием малокалиберных и боевых винтовок. Продолжительность сборов — один месяц, место проведения — окрестности Среднеуральской государственной районной электростанции (СУГРЭС). Жили в здании местной школы[8].

Одним из направлений деятельности военной кафедры СГПИ была строевая подготовка будущих красных командиров. Осенью 1934 года в педвузе был сформирован студенческий стрелковый батальон из трёх рот и команды ПВО. Назначены командиры и политруки, организованы строевые занятия в связи с подготовкой к октябрьским праздникам[9]. В 1935 году на октябрьском параде войск на главной площади Свердловска (ныне Екатеринбург) совместно с частями военного гарнизона выступили две роты СГПИ по 100 человек в каждой (мужская и женская). Роты проходили строевые занятия в течение шести дней с 16 до 18 ч. Была проведена генеральная репетиция[10].

Заведующие военными кафедрами, главные организаторы военной подготовки студентов в исследуемый период, назывались военными руководителями — военруками. Они возглавляли коллективы вузовских преподавателей, осуществлявших вневойсковую военную подготовку командиров запаса, и вели массово-оборонную работу в учебных заведениях. По отношению к студентам во время занятий по военному делу и в ходе проведения лагерных сборов военруки могли применять дисциплинарные наказания к нарушителям установленного порядка — объявлять выговоры, строгие выговоры и назначать наряды вне очереди. В свердловских вузах на этих должностях во второй половине 1930-х годов находились, как правило, люди, в прошлом либо офицеры царской армии, либо те, кто раньше служил в рядах РККА, а затем перешёл на преподавательскую работу.

Так, в Уральском горном (позднее индустриальном) институте военной кафедрой заведовал выпускник Александровского военного училища, бывший капитан царской армии, дворянин, а в советское время полковник Анатолий Николаевич Сирадский[11]. В Свердловской консерватории военруком был окончивший Петроградскую школу прапорщиков штабс-капитан царской армии, дослужившийся в 1920-е годы до должности командира полка в Красной армии, Василий Александрович Зубов[12]; в строительном институте (позже техникуме) на должности военного руководителя находился в прошлом дворянин, служивший до 1917 года в чине штабс-ротмистра, Сергей Иванович Гайчман[13].

А вот в Свердловском пединституте военруком был прошедший с 1919 по 1934 год службу в РККА в качестве командира Георгий Абрамович Жебелев[14]. По своему социальному происхождению он был рабочим и принимал активное участие в революционных событиях. С началом Февральской революции вплоть до середины лета 1918 года Жебелев являлся членом партии левых социалистов-революционеров, поскольку представители этой партии сотрудничали с большевиками в работе советских органов, с ноября 1917 года служил в Красной армии. После событий 6 июля 1918 года (восстание левых социалистов-революционеров в Москве) Георгий Абрамович порвал с левоэсеровской партией и в 1919 году вступил в ряды РКП(б). Однако левоэсеровское прошлое сыграло трагическую роль в судьбе этого человека: в марте 1938 года он был арестован органами НКВД, и против него были выдвинуты необоснованные обвинения в участии в военно-эсеровской контрреволюционной организации, которая якобы готовила повстанческие выступления против советской власти и террористические акты[15]. Сфабрикованное ежовским руководством НКВД «дело» имело целью «выявить» левоэсеровский заговор в армейских кругах, к которому якобы «примыкали» военруки учебных заведений и работники военкоматов.

Российский историк, доктор исторических наук О.В. Хлевнюк считает, что сталинским руководством планировались массовые репрессии лишь во второй половине 1937 года. Однако постепенно сроки продлили до ноября 1938 года. И.В. Сталин дал наркому внутренних дел Н.И. Ежову новые директивы: «Линия эсеров (левых и правых

Занятие по военной подготовке

Минуты отдыха между стрельбами

Место проведения военного сбора — посёлок Среднеуральской государственной районной электростанции (СУГРЭС)

вместе) не размотана... Нужно иметь в виду, что эсеров в нашей армии и вне армии сохранилось у нас немало. Есть у нас учёт "бывших" эсеров вне армии (в гражданских учреждениях)? Я бы хотел также получить его недели через 2—3... Нужно действовать поживее»[16].

Принадлежность в прошлом к партии левых социалистов-революционеров была главным аргументом для привлечения к следствию. Оно предполагало, что на Урале во главе «антисоветской организации военных» стоял начальник Управления Свердловским мобилизационным округом А.Я. Никифоров, который никогда не был офицером императорской армии, а выдвинулся на руководящие должности благодаря службе в РККА. Правда, в начале 1918 года он в течение трёх месяцев был членом партии левых эсеров[17]. Так же, как и Жебелев, Никифоров признал себя виновным и был приговорён к расстрелу.

Были арестованы военные руководители и из ряда других свердловских вузов, в том числе Сирадский, Зубов, Гайчман, бывший военрук Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы М.А. Белянкин. Однако руководство НКВД исключило огульные обвинения против тех, кто не принадлежал ранее к левоэсеровской партии, их поведение и деятельность в качестве преподавателей военного дела подверглась тщательной проверке. В ходе неё выяснилось, что факты вредительства не получили подтверждения. Лишь В.А. Зубов был обвинён в том, что он «среди работников Облсовета ОСОАВИАХИМа Свердловской области систематически проводил контрреволюционную пропаганду против мероприятий ВКП(б) и Советского правительства, клеветнически оскорблял руководителей партии и правительства, способствовал проникновению в систему ОСОАВИАХИМа враждебных контрреволюционных элемен-

тов», за что был осуждён на пять лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на два года[18]. Характерно, что Зубов виновным себя не признал, т.к., по его утверждению, высказывания, как они «изложены в показаниях свидетелей, по своему содержанию не являются контрреволюционной агитацией…»[19]. Отбыв наказание, бывший военрук кафедры в 1958 году был реабилитирован Верховным судом СССР за отсутствием в его действиях состава преступления[20].

Что касается А.Н. Сирадского, то он пробыл под арестом почти два года, однако после тщательной проверки в декабре 1939 года прокурором УрВО было принято решение о том, что «бесспорных доказательств для обвинений во вредительских контрреволюционных действиях со стороны военрука следствием добыто не было и вследствие чего необходимо дело Сирадского прекратить, а самого его из-под стражи освободить»[21]. О том, что пришлось испытать Анатолию Николаевичу во время тюремного заключения, свидетельствует тот факт, что следователи НКВД по его делу (Граховский, Кузнецов, Мозжерин) за незаконные методы ведения следствия были арестованы и привлечены к уголовной ответственности[22]. Протоколы допросов показывают, что следствие стремилось заставить «признаться» в контрреволюционной деятельности и арестованного бывшего военрука Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы М.И. Белянкина[23].

Таким образом, репрессии в конце 1930-х годов коснулись и преподавателей военного дела в высших учебных заведениях Свердловска.

В организации военно-спортивных коллективов, в т.ч. вузовских, в 1937 году произошли изменения: были созданы секции по видам спорта. В Свердловской области в первом полугодии 1937 года в лыжных секциях занимались 7842 спортсмена, в секциях по водным видам спорта — 800 физкультурников, в шахматно-шашечных секциях — 4778 человек. Секционная работа сочеталась с работой по сдаче норм комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО)[24].

В 1937 году в Свердловском пединституте при участии Г.А. Жебелева были созданы спортивные секции по видам спорта. В 1937/38 учебном году 150 человек в СГПИ стали обладателями значков ГТО, из них 8 человек получили значок II ступени. В связи с 20-летием создания Красной армии и за лучшие показатели в оборонно-массовой работе в феврале 1938 года были удостоены наград в педвузе: факультет физики — переходящим Красным знаменем, геофак — портретом наркома обороны К.Е. Ворошилова; 12 студентов и преподавателей были отмечены премиями и ценными подарками. Среди них и Г.А. Жебелев[25].

В связи с переходом к кадровой системе комплектования Красной армии высшая войсковая подготовка студентов гражданских вузов, освобождавшая их от призыва на действительную службу, приказом наркома обороны от 14 июля 1938 года была отменена[26]. Студенты первого года военного обучения, находившиеся на военных сборах в лагерях, освобождались от военной подготовки, им засчитывалось военное обучение как допризывная подготовка с прохождением в дальнейшем военной службы на общих основаниях. Однако со студентами второго года обучения и старше военная подготовка командного и начальствующего состава на военных кафедрах продолжилась: в принятом 1 сентября 1939 года Законе СССР «О всеобщей воинской обязанности» все мужчины, не имевшие противопоказаний по состоянию здоровья, в т.ч. выпускники гражданских вузов, должны были проходить военную службу, кроме тех, кто служил в армии до поступления в высшее учебное заведение[27]. Выступая на внеочередной сессии Верховного совета Союза ССР 1-го созыва, на которой этот закон был утверждён, наркомвоенмор К.Е. Ворошилов заявил: «Наша страна, все её граждане должны быть всегда во всеоружии. Советские люди, сильные духом, должны быть физически крепкими и знать военное дело»[28].

Вместо упразднённой системы высшей вневойсковой подготовки армейских командиров запаса в гражданских вузах было введено начальное допризывное военное обучение. По мнению А.М. Сидикова, в 1938 году было принято решение ликвидировать институт высшей вневойсковой подготовки, поскольку разработанная модель предусматривала для своей реализации значительное количество учебного времени, и поэтому в условиях нараставшей угрозы войны необходимо было приступить к разработке новой модели военной подготовки советского общества, способной проявить свою эффективность в сжатых хронологических рамках[29].

В 1938/39 учебном году в учебном плане в гражданских вузах начальная военная подготовка включала в себя аудиторные занятия, консультации, зачёты и экзамены. Например, в Свердловском педагогическом институте в том году в 17 группах на допризывную военную подготовку были выделены 2540 ч. Преподавание велось по отдельным дисциплинам: строевая, стрелковая подготовка, противовоздушная и противохимическая оборона (ПВХО), топография, история строительства РККА. Кроме того, под руководством военрука А.Г. Канова в СГПИ велась массовая оборонная работа — в течение учебного года работали кружки: авиамодельный, автомоторный, противовоздушной и противохимической обороны, ворошиловских всадников, ручных пулемётчиков и др. В 15 стрелковых секциях занимались 279 студентов[30].

Преподаватели военной кафедры. Второй слева — доцент, заведующий кафедрой Г.А. Жебелев. Кафедра создана в 1934 г.
Середина 1930-х гг.

Военно-спортивный лагерь
СУГРЭС, лето 1939 г.

Обучение стрельбе из боевой винтовки на стрельбище
1938—1939 гг.

В 1939 году была значительно увеличена военно-физкультурная направленность комплекса ГТО. Его ступени остались прежними, но каждая из них состояла из двух разделов — раздел общих норм (обязательных для всех) и раздел норм по выбору. К обязательным были отнесены бег на различные дистанции, преодоление полосы препятствий (для юношей 150 м с винтовкой), плавание в одежде, стрельба из мелкокалиберной винтовки, гимнастика, лыжная подготовка, пеший поход, теоретические знания основ советской системы физической культуры и основы гигиены. Нормы по выбору состояли из упражнений, объединённых в группы по преимущественному проявлению в них физических и волевых качеств (скорости, ловкости, навыков в метании и стрельбе, выносливости, смелости и решительности, силы, навыков защиты и нападения).

В 1938/39 учебном году функции военных кафедр по организации оборонной работы и физическому воспитанию студентов стали осуществлять созданные в гражданских вузах кафедры военного дела и физкультуры. В случае отсутствия в вузе военной кафедры допризывная подготовка учащихся (и мужчин, и женщин) проводилась как самостоятельная дисциплина преподавателями военного дела. Например, в 1939/40 учебном году в Свердловском институте иностранных языков таким преподавателем был И.Л. Обертас[31]. В начале 1940-х годов военные кафедры и должности военруков в гражданских вузах были упразднены и военруки стали преподавателями допризывной военной подготовки и организаторами оборонно-массовой работы.

Таким образом, во второй половине 1930-х годов в свердловских высших учебных заведениях действовали военные кафедры, которые осуществляли подготовку кадров запаса

командного и начальствующего состава Красной армии. Со студентами, годными к военной службе, проводились теоретические и практические занятия с тематикой в зависимости от того, для какого рода войск в данном вузе готовились военные специалисты. После трёх лет обучения, прохождения двухмесячных сборов и сдачи экзаменов выпускники становились командирами, находившимися в запасе.

Во главе военных кафедр стояли военруки, которые начинали свою преподавательскую деятельность после оставления военной службы. Однако и они не избежали репрессий, имевших место в конце 1930-х годов. При этом поводом для привлечения к уголовной ответственности не были ни недостатки в практической работе, ни офицерское дореволюционное прошлое, ни отсутствие у преподавателей военного дела «пролетарско-крестьянского происхождения». Обвинения касались только тех, кто в 1918 году состоял в партии левых социалистов-революционеров. Обвинения военруков по другим статьям — вредительство, контрреволюционная агитация и тому подобное — в полной мере так и не были доказаны, однако от преподавательской деятельности в свердловских вузах они были отстранены.

С изменением международной обстановки, связанной с началом Второй мировой войны, с сентября 1939 года в СССР в гражданских высших учебных заведениях подготовка командного и начальствующего состава для армии была прекращена и значительно расширенное допризывное обучение студентов стало направлением деятельности кафедр физического воспитания и общественных организаций в формате массово-оборонных кружков и добровольных обществ.

Фото из фондов Музея истории Уральского государственного педагогического университета.

Примечания

[1] *Цымбалов И.В.* Подготовка военных кадров запаса Сухопутных войск РККА (1921 — июнь 1941 гг.) // Вестник военного университета. Научные труды. 2009. № 4. С. 151—157.

[2] *Добровольский В.С., Шмаков Г.Г.* Военная подготовка в гражданских вузах в СССР в 1924—1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2020. № 3. С. 40—45.

[3] *Ситдиков А.М.* Организация советской высшей вневойсковой подготовки во второй половине 1930-х гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 527—534.

[4] *Добровольский В.С., Шмаков Г.Г.* Указ. соч. С. 42.

[5] Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААО СО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 4324. Л. 77.

[6] Там же. Л. 78—80.

[7] Уральский государственный педагогический университет. Летопись-хроника 1930—2010. Екатеринбург, 2010. С. 44.

[8] Там же. С. 36, 37.

[9] Там же. С. 29.

[10] Там же. С. 33.

[11] ГААО СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 4324. Л. 2, 6.

[12] Там же. Д. 31020. Л. 3, 8.

[13] Там же. Д. 4324. Л. 32.

[14] *Попов М.В.* Преподавание военного дела в Свердловском пединституте в середине 1930-х гг. и военрук Г.А. Жебелев // Педагогическое образование в России. 2021. № 5. С. 11, 12.

[15] Там же. С. 11.

[16] *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2024. С. 213.

[17] Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 2. Д. 2523. Л. 14.

[18] ГААО СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31020. Л. 76.

[19] Там же. Л. 82.

[20] Там же.

[21] Государственный архив Свердловской области (ГА СО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 4324. Л. 136.

[22] ГААО СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 4324. Л. 32.

[23] Там же. Д. 30649. Л. 70.

[24] *Попов М.В., Рапопорт Л.А., Харитонова Е.В.* Актуальные проблемы всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в системе образования // Очерки становления комплексов ГТО и БГТО на Урале: история и современность. Екатеринбург, 2015. С. 53, 54.

[25] *Попов М.В.* Указ. соч. С. 10.

[26] *Добровольский В.С., Шмаков Г.Г.* Указ. соч. С. 43.

[27] Там же.

[28] Правда. 1939. 1 сентября.

[29] *Ситдиков А.М.* Указ. соч. С. 539.

[30] ГА СО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 25. Л. 28—29.

[31] Там же. Ф. Р-2163. Оп. 1. Д. 10. Л. 108.

M.V. Popov, M.V. Suvorov

«SOVIET PEOPLE, STRONG IN SPIRIT, MUST BE PHYSICALLY STRONG AND KNOW MILITARY AFFAIRS»

Military departments in Sverdlovsk universities in the second half of the 1930s

Information about authors. *Mikhail Popov — professor at the Department of Russian History, the Ural State Pedagogical University, D. Sc. (Hist.) (city of Yekaterinburg. E-mail: m-v-popov@ya.ru);*

Maxim Suvorov — associate professor at the Department of Russian History, the Ural State Pedagogical University, Cand. Sc. (Hist.) (city of Yekaterinburg. E-mail: mvs-19771@ya.ru).

Summary. *Using Sverdlovsk universities as an example, this article explores the activities of military departments in the second half of the 1930s. This study also utilized new, previously unavailable materials from the State Archives of the Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region, related to the repression of military instructors. It concludes that the activities of military departments significantly influenced the educational and training processes in the higher education system during the period under study, which was particularly important for the military-patriotic education of young people on the eve of the Great Patriotic War. At the same time, the negative consequences of political repression were also evident, and they inevitably affected higher education. This affected the educational and training processes at universities and the fates of those who supervised students' military training.*

Keywords: *USSR; Urals; Sverdlovsk; military departments; military instructors; political repression.*

«... НЫНЕ СОСТОЯЩИЕ В ПОЛКУ ШАПКИ ОСТАВИТЬ НАВСЕГДА»

Павловцы: история, биографии, мемуары

«Красноватый оттенок мундиров Преображенского полка сменялся синеватым оттенком Семёновского, белыми кантами Измайловского и зелёными — егерей. Однообразие форм нарушал только Павловский полк, проходивший в конусообразных касках эпохи Фридриха Прусского и по традиции, заслуженной в боях, с ружьями наперевес», — писал в своих воспоминаниях бывший кавалергард и граф, генерал-лейтенант Советской армии А.А. Игнатьев[1]. Лейб-гвардии Павловский полк, учреждённый императором Павлом I 19 ноября 1796 года из двух батальонов и двух рот запасного батальона Московского гренадерского полка, со временем приобрёл ряд особых отличий от других частей Русской Императорской армии. Изначально считаясь гренадерским[2], со второй половины XIX века он комплектовался не рослыми новобранцами, имевшими «косую сажень в плечах», а невысокими и курносыми блондинами, под стать своему обладавшему подобным обликом венценосному основателю. Головы павловцев первоначально украшали гренадерские шапки с медным налобником (вскоре заменённые киверами), в которых они героически проявили себя в сражении близ прусского городка Фридланд, завершавшем русско-французское противостояние 1807 года. Тогда отход потерпевшей поражение нашей армии стойко прикрывал Павловский полк, находившийся несколько часов под ураганным огнём вражеских батарей. Дабы отметить его славные подвиги, Александр I в своём именном указе от 20 января 1808 года повелел: «...Ныне состоящие в полку шапки оставить навсегда в том виде, в каком сошел он с места сражения, хотя б некоторые из них были повреждены. Да пребудут оне всегдашним памятником отменной его храбрости...»[3]. 13 ноября следующего года было приказано высечь на 532 простреленных головных уборах имена нижних чинов — участников Фридландского сражения, и с тех пор пробитые ружейными пулями и картечью «гренадерки» как элемент парадной формы одежды стали неотъемлемым атрибутом павловцев на всех торжественных смотрах. При этом им было предоставлено право нести оружие в парадном строю не на плече, как полагалось по Строевому уставу, а наперевес, как в бою.

Обложка книги

Многогранной истории лейб-гвардии Павловского полка (третьего полка 2-й гвардейской пехотной дивизии) и служившим в нём гренадерам посвящена семнадцатая книга серии «Полки русской армии» издательско-полиграфического комплекса «Красная Звезда» «Павловцы: история, биографии, мемуары»* автора-составителя А.Ю. Бондаренко. Первая часть данного издания включает в себя материалы из книг — полковых историй лейб-гвардии Павловского полка, изданных в 1852 году (автор штабс-капитан О.Х. Гоувальт, впоследствии — генерал-майор), в 1879 г. (авторы П.Н. Воронов и В.Д. Бутовский) и других, а также — ряда архивных документов. Подробности участия павловцев в Первой мировой войне можно узнать из представленных на страницах книги воспоминаний полковника А.П. Редькина. Уникальный материал о событиях Февральской революции 1917 года и активной роли в ней офицеров и нижних чинов запасного батальона лейб-гвардии Павловского полка содержится в повествовании Ивана Лукаша, находившегося в то время в Петрограде и готовившего пополнение для фронта. Именно в его свидетельствах впервые встречается формулировка «Совет Офицерских, Солдатских и Рабочих Депутатов», крайне редкая в традиционной историографии революционного периода.

Отдельный раздел издания содержит биографии наиболее известных командиров и офицеров лейб-гвардии Павловского полка, среди которых герои наполеоновских и турецких войн, участники усмирения Кавказа и подавления польских мятежей, ветераны Первой мировой войны. К замечательной плеяде павловцев принадлежали шефы полка генерал-лейтенант Д.П. Неверовский (1807—1811) и генерал от инфантерии граф А.И. Остерман-Толстой (1815—1825). Первый прославился в Оте-

* *Бондаренко А.Ю.* Павловцы: истории, биографии, мемуары. М.: Красная Звезда, 2025. 380 с., илл.

чественную войну 1812 года как командир только что сформированной 27-й пехотной дивизии, которая, несмотря на свою молодость и неопытность, отважно сражалась под Красным, в Смоленском сражении, Шевардинском бою, при Бородине и Малоярославце. Второй отличился при Кульме 17 августа 1813 года, командуя Гвардейским корпусом, преградившим путь наступавшим превосходившим силам французов и нанёсшим им сокрушительное поражение. Среди известных гражданских администраторов и научных деятелей через службу в полку прошли статс-секретарь Великого княжества Финляндского тайный советник Э.К. Шернваль-Валлен; русский уполномоченный на острове Св. Елены в то время, когда там пребывал в изоляции Наполеон Бонапарт, генерал-майор граф А.А. де Бальмен; минеролог с европейской известностью генерал от артиллерии А.В. Гадолин и др. Павловцы проявили себя также в творческой сфере и на издательском поприще. Так, из полка вышел первый отечественный исторический романист И.И. Лажечников, книгами которого («Последний новик», «Ледяной дом», «Басурман») зачитывались в России. В издательском деле в полной мере реализовали себя подпоручик (впоследствии — тайный советник) М.И. Семевский — создатель журнала «Русская старина» — и капитан В.А. Березовский, выпускавший еженедельный иллюстрированный военный журнал «Разведчик», военно-библиографический журнал «Вестовой» и еженедельный журнал для нижних чинов «Витязь». Ещё один офицер полка — генерал от инфантерии А.Д. Бутовский — много сделал для развития отечественной физкультуры и спорта, был членом первого Международного олимпийского комитета и другом Пьера де Кубертена. Представленные

в книге биографии офицеров, основанные на информации из дореволюционных изданий и полковых историй, наполнены совершенно неожиданными подробностями и характеристиками описываемых персонажей.

Доминантой сборника стала боевая летопись лейб-гвардии Павловского полка, начиная с первого дня его Голландского похода (военной операции совместного русско-английского корпуса в Нидерландах, 1799 г.), предпринятого против революционной Франции и её местных союзников. При отсутствии пополнения людскими и материальными ресурсами, испытывая недостаток в деньгах и пище, тогда лишь павловцы сохранили высокий моральный дух и дисциплину в своих рядах, что отмечал в приказе командующий русскими войсками в Голландии генерал-майор М.Г. фон Эссен: «В пример порядка для всех я поставлю полк генерала Эмме (И.Ф. Эмме — шеф Павловского гренадерского полка. — **Прим. авт.**), в котором одном только царит порядок»[4]. К слову, павловцы проявили дисциплинированность и верность трону при подавлении антиправительственного выступления декабристов 1825 года, когда многие другие расквартированные в столице части занимали выжидательную позицию.

За мужество и храбрость, проявленные павловцами в Отечественной войне 1812

года, 13 апреля 1813 года полку было присвоено гвардейское звание, и он уже в этом статусе принял участие в Заграничных походах 1813—1814 гг. и победоносно вошёл в поверженный Париж. В книге ярко описываются события 1828 года, когда лейб-гвардии Павловский полк сражался с турками на Дунае и отличился во время боёв за Варну; подробности штурма мятежной Варшавы 1831 года, за что павловцам были предоставлены права и преимущества Старой гвардии; ожесточённые сражения у Горного Дубняка и под Ташкисеном в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

История Павловского полка разбита в книге на три временных периода: 1796—1813 гг. (Павловский гренадерский полк), 1813—1850 гг. и 1850—1917 гг. (лейб-гвардии Павловский полк). Отдельная глава посвящена Запасному батальону лейб-гвардии Павловского полка, принявшему активное участие в Февральской революции 1917 года на стороне восставших. Помимо хроники военных кампаний в сборнике содержатся подробное описание вооружения, военной формы и амуниции, полковой символики, красочные бытовые зарисовки из жизни военнослужащих части на фронте и в мирное время. Книга широко иллюстрирована цветными репродукциями картин и портретов, художественными видами Санкт-Петербурга и его окрестностей, рисунками и фотографиями оружия, снаряжения, военной формы и геральдических символов, большая часть из которых представлена сотрудниками Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, а также архивных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга.

Л.Н. Бочарова

Примечания

[1] *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. Книга первая. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1955. С. 91.

[2] Гренадеры — отборные части пехоты и/или кавалерии, предназначенные для штурма вражеских укреплений и вооружённые ручными гранатами.

[3] Военная энциклопедия. Т. 17. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1914. С. 257.

[4] *Бондаренко А.Ю.* Павловцы: истории, биографии, мемуары. М.: Красная Звезда, 2025. С. 27.

ЗАЩИТНИКИ КРЫМСКОЙ ТВЕРДЫНИ

Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ и Центральным архивом МО РФ выпущена книга воспоминаний одного из участников героической обороны Севастополя в 1941—1942 гг.*

Обложка книги

В основу книги легли записки капитана 1 ранга А.К. Евсеева. Летом 1941 года он был начальником 2-го сектора обороны Севастополя, затем отвечал за эвакуацию государственного и военного имущества, принимал непосредственное участие в боевых действиях на разных участках фронта в Крыму. Записки А.К. Евсеева являются ярким свидетельством очевидца событий, происходивших на последнем этапе обороны крымской твердыни. Героизм защитников главной базы Черноморского флота не может не вызывать восхищения. Проявленные ими в течение всей восьмимесячной обороны мужество и стойкость внесли неоценимый вклад в развитие боевых действий на южном участке советско-германского фронта Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Севастополь приковал к себе четверть личного состава германской группы армий «Юг» и почти треть её авиации, тем самым лишив вермахт возможности прорыва к Кавказу в 1941 — начале 1942 года.

Воспоминания изложены ярким живым языком, содержат ряд деталей, не попавших в отчёты, но фиксирующих ценный боевой опыт. Они дополнены биографической статьёй об их авторе и документами периода войны, позволяющими более глубоко показать героизм воинов Красной армии и Черноморского флота при обороне Севастополя. Издание содержит большой массив фотографий, схем и других иллюстративных материалов.

Книга будет представлять интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

* Битва за Севастополь. (Записки участника обороны) / Сост., отв. ред. Э.Л. Коршунов. СПб.: ГАЛАРТ+, 2024. 224 с., илл.

ДОРОГА ЖИЗНИ — СИМВОЛ МУЖЕСТВА И ОТВАГИ

Вышла в свет книга, подготовленная Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ и Центральным архивом МО РФ, посвящённая строительству и функционированию Дороги жизни в 1941—1943 гг.*

Обложка книги

Дорога жизни — это не только ледовая трасса, внёсшая наибольший вклад в снабжение Ленинграда и его защитников в самый тяжёлый период блокады зимой 1941/42 года, но и воздушные трассы, водные маршруты, трубопроводы для перекачки горючего, силовые кабели и линии проводной связи, проложенные по дну Ладожского озера. Дорога жизни стала символом мужества, отваги и стойкости нашего народа.

В предлагаемом читателю издании публикуются документы Центрального архива МО РФ и его филиалов — Архива Военно-морского флота и Архива военно-медицинских документов, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, Государственного архива Вологодской области, — раскрывающие малоизвестные стороны теории и практики строительства военных дорог, эксплуатации Дороги жизни, обеспечения блокированного Ленинграда топливом и электроэнергией, сохранения памяти о героических событиях тех лет и др. В книге воспроизведены редкие фотоматериалы из архивных и личных фондов.

Данное издание будет интересно как специалистам, так и всем интересующимся военной историей нашего Отечества.

* Дорога жизни. 1941—1943 гг. / Сост., отв. ред. А.И. Рупасов. СПб.: ГАЛАРТ, 2024. 480 с., илл.

«НИКОГДА НЕ ПОЗОРИЛИ ОНИ ВЕКОВУЮ РУССКУЮ СЛАВУ»

Репринт наказа воинам Уральского добровольческого танкового корпуса от трудящихся

«Исстари повелось у нас на Урале: провожая на ратные дела своих сынов, уральцы давали им свой народный наказ. И никогда не отступали сыны Урала от наказа народа. Никогда не краснел и не стыдился Урал за дела своих сыновей. Никогда не позорили они вековую русскую славу». С этих слов начинается наказ Сталинского Урала, которым его жители проводили и благословили на битву с лютым врагом советской Родины воинов Особого Уральского добровольческого танкового корпуса в 1943 году.

Обложка книги

Подлинник наказа был изготовлен в единственном экземпляре и вручён добровольцам 244-й Челябинской танковой бригады на торжественных проводах 9 мая 1943 года. В октябре того же года бригада получила наименование 63-й гвардейской. В канун 80-летия Великой Победы наказ переиздан* по инициативе архивной службы Челябинской области.

Созданный в 1943 году, в разгар Великой Отечественной войны, этот документ стал воплощением огромного желания жителей Челябинской области одолеть грозного врага, посягнувшего на независимость нашей Родины. Текст наказа пронизан духом патриотизма и верой в Победу. Его автор — писатель А.М. Климов. Под наказом поставили подписи более миллиона южноуральцев.

Переиздание документа архивной службой Челябинской области — дань уважения добровольцам-танкистам, солдатам и офицерам, всем жителям Урала, прошедшим испытание самой страшной войной в истории человечества. Наша задача — донести через документальные свидетельства до нынешнего и будущих поколений в России и за её пределами правду о войне, о подвигах, совершённых во имя Родины, о тех страшных жертвах и лишениях, которые принесены на алтарь Победы нашими героическими предками.

* «Наказ бойцам, командирам и политработникам Особого Уральского добровольческого танкового корпуса имени Сталина от трудящихся Южного Урала» (1943 год). Челябинск: ОГА ЧО, 2023. 20 с., илл.

«ВЫСОЧАЙШИЙ УРОВЕНЬ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ, ПОКАЗАННЫХ РУКОВОДИТЕЛЯМИ РЕГИОНА»

Сборник документов о вкладе Свердловской области и уральцев в Великую Победу

Победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. была предопределена сочетанием многих факторов, важнейшими из которых стали мобилизация человеческого и материального потенциала страны, перестройка на военный лад национальной экономики, позволившая обеспечить действующую армию качественными вооружением и боеприпасами, снаряжением, обмундированием и продовольствием.

Решение этих задач было возложено в определяющей мере на региональные органы партийно-государственной власти. Механизмы реализации государственной оборонной политики детально представлены в военной деятельности региональных партийных комитетов глубокого советского тыла, выступивших на местах в условиях войны фактическими носителями государственной власти.

В этом плане представляют самостоятельный интерес опыт и практика работы Свердловского областного комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) как руководящего партийного органа одного из крупнейших тыловых районов СССР, внёсшего значительный вклад в достижение Великой Победы.

Обложка книги

В Центре документации общественных организаций Свердловской области отложился значительный комплекс документов областного комитета ВКП(б), относящихся к периоду Великой Отечественной войны. В том числе это документы так называемой Особой папки, засекреченные на момент создания постановления обкома, касающиеся в первую очередь организации работы оборонных предприятий региона и иных вопросов помощи фронту. Данные документы, являющиеся для Свердловской области важнейшими историческими источниками периода войны, позволяют более объёмно и подробно представить вклад региона в дело Великой Победы.

В изданном к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне сборнике документов* представлена небольшая часть решений бюро Свердловского обкома ВКП(б) военного периода, дающая тем не менее общее представление о содержании, характере и масштабе работы партийно-государственных органов Среднего Урала по использованию человеческих ресурсов, производственного и интеллектуального потенциала региона в целях обеспечения Великой Победы.

Свердловская область и уральцы внесли огромный вклад в Победу. Сотни тысяч свердловчан ушли на фронт. Многие из них не вернулись. Неувядаемой славой покрыли себя воинские соединения, созданные в Свердловской области, в т.ч. сформированная в Свердловске 153-я стрелковая дивизия, знаменитый Уральский добровольческий танковый корпус. Золотыми буквами вписаны в историю страны имена свердловчан, самоотверженно сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны.

Не менее значим для Победы был трудовой подвиг уральского тыла. С первых дней войны заводы Свердловской области приняли на себя повышенные обязательства по производству продукции для фронта, которые ещё более возросли с началом эвакуации на Урал промышленных предприятий из прифронтовых и угрожаемых районов. В условиях тотального дефицита времени и ресурсов, необходимости прямо с колёс включать в производственный оборот эвакуируемые заводы на предприятиях области удалось наладить эффективную систему массового изготовления танков и орудий, миномётов и самоходных артиллерийских установок, а ещё снарядов, мин и патронов, столь необходимых воинам Красной армии.

«Эти достижения, являющиеся заслугой всех свердловчан, — отмечает в своём вступительном слове к сборнику врио губернатора Свердловской области Д.В. Паслер, — были бы невозможны без высочайшего уровня управленческих компетенций, показанных руководителями региона того периода. Чрезвычайно сложная обстановка военного лихолетья потребовала от первых лиц области как значительных аналитических способностей и умения быстро

* Важнейшие документы войны: Свердловская область: [сборник архивных документов] / Сост. А.А. Гагарин, В.В. Каплюков и др. Екатеринбург: Астер, 2025. 224 с., илл.

ориентироваться в постоянно меняющейся обстановке, так и решительности и смелости, ведь за каждым принимаемым ими решением стояла поистине громадная ответственность».

Публикуемые материалы призваны привлечь внимание историков, а также работников сферы государственного управления к значительному массиву управленческой документации Свердловского обкома ВКП(б) периода Великой Отечественной войны. Данный комплекс документов был оцифрован в соответствии с планом мероприятий Управления архивами Свердловской области по реализации задачи, поставленной Президентом России в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации на 2020—2025 гг. о создании комплекса оцифрованных документов периода Второй мировой войны. Цифровые копии документов в виде базы данных размещены на официальном сайте Центра документации общественных организаций Свердловской области и доступны широкому кругу пользователей.

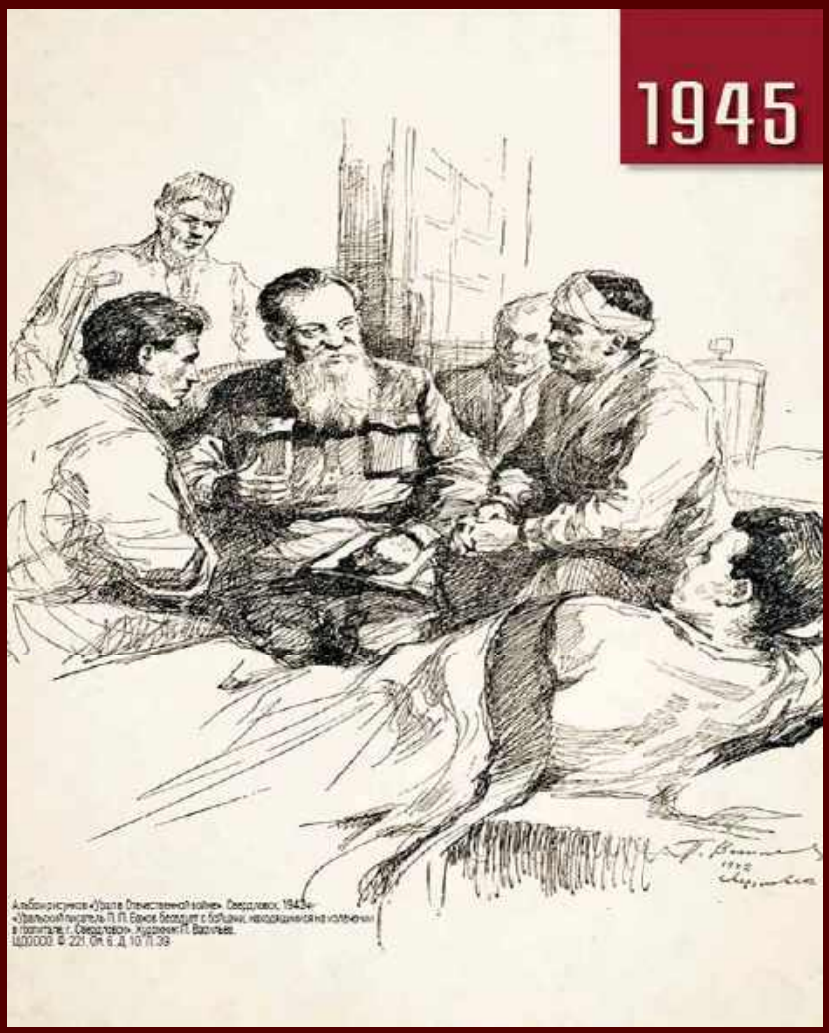
Документы в сборнике систематизированы по хронологии и разбиты на пять разделов — в соответствии с годами Великой Отечественной войны. К каждому годовому разделу составлены предисловие и перечень публикуемых в данном разделе документов, а также подобраны в качестве иллюстраций фотодокументы, соответствующие тематике постановлений.

Сборник является своеобразной летописью, позволяющей глубже осознать основные задачи, стоявшие перед Свердловской областью на разных этапах войны. Кроме того, это дань памяти руководителям, вынесшим на своих плечах груз управления регионом в столь сложный для нашего Отечества период, а также всем жителям области, чьи труды по претворению этих решений в жизнь день за днём приближали долгожданную Победу.

В.Г. Кикнадзе,
член-корреспондент РАРАН

Осмотр готовых миномётов в помещении сборочного цеха эвакуированного в г. Свердловск воронежского завода имени Коминтерна (в послевоенные годы — Уральский компрессорный завод)
Фото М.А. Инсарова
ЦДОО СО. Ф. 6022. Оп. 1. Д. 12.

Уральский писатель П.П. Бажов беседует с бойцами, находящимися на излечении в госпитале, г. Свердловск
Художник П. Васильев
Альбом рисунков «Урал в Отечественной войне». Свердловск, 1942 г.
ЦДОО СО. Ф. 221. Оп. 6. Д. 10. Л. 39.

ДЕКАБРЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 декабря — День воинской славы России. День победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (1853 г.).

1 декабря 1890 года, 135 лет назад, родился В.К. Блюхер, военный деятель и полководец. Первым награждён орденом Красного Знамени. Один из первых Маршалов Советского Союза. Репрессирован. Умер в Лефортовской тюрьме 9 ноября 1938 года. Реабилитирован в 1956 году.

2 декабря 1930 года, 95 лет назад, были созданы Высшие специальные ордена Ленина офицерские классы Военно-морского флота.

П.Н. Лащенко

3 декабря — Памятная дата России. День Неизвестного Солдата.

4 декабря 1990 года, 35 лет назад, был завершён кругосветный перелёт (50 005 км) советского тяжёлого транспортного самолёта Ан-124 «Руслан», продолжавшийся 72 ч 16 мин 15 с.

5 декабря — День воинской славы России. День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в Битве под Москвой (1941 г.).

7 декабря 1950 года, 75 лет назад, впервые в истории отечественного Военно-морского флота была осуществлена посадка вертолёта (К-10) на палубу корабля (крейсер «Максим Горький»).

9 декабря — Памятная дата России. День Героев Отечества.

9 декабря — Международный день памяти жертв преступлений геноцида, чествования их достоинства и предупреждения этого преступления.

9 декабря 1905 года, 120 лет назад, родился И.М. Зальцман, организатор оборонной промышленности, генерал-майор (1943), Герой Социалистического Труда (1941), лауреат Государственной премии (1946). С 1938 г. — директор Кировского завода в Ленинграде. В 1942—1943 гг. — нарком танковой промышленности, затем директор «Танкограда» на Урале. Внёс большой вклад в организацию танковой промышленности в годы Великой Отечественной войны.

17 декабря — День Ракетных войск стратегического назначения.

19 декабря 1910 года, 115 лет назад, родился П.Н. Лащенко (1910—1992 гг.), генерал армии (1968), Герой Советского Союза (1943). В Красной армии с 1930 года. Во время Великой Отечественной войны командовал дивизией, корпусом. После войны командовал армией, войсками военного округа. В 1968—1976 гг. — 1-й заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками.

20 декабря — День работника органов безопасности Российской Федерации.

22 декабря 1915 года, 110 лет назад, была создана Гидрометеорологическая служба Вооружённых сил России. В этот день указом императора Николая II было учреждено Главное военно-метеорологическое управление.

24 декабря — День воинской славы России. День взятия турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А.В. Суворова (1790 г.).

26 декабря 1825 года, 200 лет назад, на Сенатской площади Санкт-Петербурга произошло восстание декабристов. Оно стало крупнейшим политическим выступлением дворянского сословия в истории России. Его главными целями были свержение самодержавия, отмена крепостного строя, принятие конституции и введение представительного правления.

Публикация Н.Л. Крыловой

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ» В 2025 ГОДУ

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

П.В. Пантелеев — «Оборона должна иметь активный характер». Манёвренная оборона Российской Императорской армии в кампании 1915 года на Восточном фронте Первой мировой войны 1

П.В. Пантелеев — «...Для лучшей организации управления армиями, для успеха боевых действий». Военно-теоретические взгляды на взаимодействие войск в Российской Императорской армии накануне Первой мировой войны 8

А.Д. Федечкин — «Крейсеры без опоры на значительную эскадру решительного влияния на ход войны иметь не будут». Крейсеры как средство нарушения коммуникаций противника во взглядах отечественных военно-морских специалистов конца XIX — начала XX века 1

ИСТОРИЯ ВОЙН

Н.А. Низовцев — «Вам следует взять Данциг, именно там находится ваша слава». Оборона Данцига в 1807 году и рейд русских войск генерала Н.М. Каменского 8

Ю.Ф. Пивоваров — «Парадная ипостась звалась “Оверлордом”». Второй фронт или война на два фронта: против кого воевали США и Британия во Франции в июне—августе 1944 года? 4

Н.А. Хребтов — «Не упустить взять нужную осторожность, дабы границы... не были неприятелем обеспокоены...». Гарнизоны северных крепостей накануне и в годы Русско-шведской войны 1788—1790 гг. 2

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

К.Ю. Колесниченко — «Главное теперь — в подготовке обороны на Дальвосте». Советские военные округа в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1920—1931 гг. 2

А.А. Коряковцев, С.Л. Ташлыков — «Продолжение этой программы чревато серьёзными негативными последствиями». От противолодочного авианесущего крейсера к полноценному авианосцу: тернистый путь создания 7

А.Ю. Лашков — Над сопками Маньчжурии. Организация отечественной противовоздушной обороны накануне и в ходе Советско-японской войны (1945 г.) 3

Ю.М. Ставицкий, В.А. Белозёров, Ю.А. Волков, Д.О. Копытов — «Личный состав инженерных войск... способствует достижению побед на полях сражений». История и современное состояние инженерных войск России 12

В.Н. Шептура, В.С. Хохлов — «Нет нужды нам иметь два управления связи». Проблема централизации управления связью в Вооружённых силах СССР в 1946—1960-х годах 11

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

В.П. Пашин — «Наличие территориально-милиционных формирований позволяет нам увеличить количество пропускаемого через ряды нашей армии контингента...». Военная реформа 1924—1925 гг. в региональном аспекте (на материалах Курской губернии) 9

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А.И. Прохоровская — «Литовские части перестреляли своих командиров и разбежались». Состав и политико-моральное состояние военнослужащих территориальных стрелковых корпусов РККА в Латвии, Литве и Эстонии (1940—1941 гг.) 10

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ — 80 ЛЕТ!

С.В. Журин — «...Всю подготовку армии надо проводить на основе умелого освоения опыта минувшей войны». Изучение опыта Великой Отечественной войны в группах войск и военных округах (июнь 1945—1949 гг.) 5

С.В. Крылов — «Россия будет твёрдо отстаивать подлинную правду о войне... основанную на исторических фактах». Главные факторы, обеспечившие советскому народу Победу в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) 5

Т.П. Малютина — «Сопротивление становилось бессмысленным, так как русские танки уже нас окружили...». Разгром 20-й румынской пехотной дивизии в Сталинградской битве глазами румынских военнопленных 5

Л.И. Сумароков — «Отметив годовщину организации подразделения, лётчики и техники поклялись бить врага ещё сильнее». «Небесные тихоходы» из Фрунзе в боях за Ленинград 5

В.Н. Тикшаев, В.М. Малиновский — «Это была картина огромной впечатляющей силы...». Особенности применения Войск ПВО страны в интересах общевойсковых фронтов в ходе Берлинской стратегической наступательной операции 5

В.П. Трут — «Русских вам не победить». Партизаны-одиночки в период гитлеровской оккупации Дона 5

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 гг.

С.М. Авраменко — «Мы должны быть готовы к тому, чтобы действовать беспощадно с классовой ненавистью». Деятельность специальной школы при 246-й стрелковой дивизии 29-й армии Западного фронта 7

М.И. Бескоровайный — «Появление станций “РУС” на фронте явилось неожиданностью». Организация наведения советских истребителей с использованием радиолокационных станций в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) 6

В.А. Бондарев — «...В числе шагающих были почти все руководящие работники района». Народное ополчение на сельской территории Дона (июль 1941 — январь 1942 г.) 1

А.А. Истомин — «Особое внимание прикрытию железнодорожного моста через реку Волга...». Противовоздушная оборона стратегических объектов Ярославской области в годы Великой Отечественной войны 1
А.А. Истомин — «Первым днём мобилизации считать 23 июня 1941 года». Формирование мобилизационных ресурсов в Ярославской области 8
А.А. Истомин — «Закончить строительство оборонительных сооружений с обводом вокруг Ярославля, Рыбинска и Костромы». Тыловой рубеж Московской зоны обороны 12
А.В. Карташев — «Оборону Главного Кавказского хребта... необходимо продолжать». Участие Оперативной группы Закавказского фронта в битве за Кавказ (1942—1943 гг.) 10
И.В. Киселев — «...Люди постепенно всё больше проникались сознанием своей силы». Политическая работа в советских войсках в ходе обороны Кавказа 25 июля — 31 декабря 1942 года 2
Е.Ю. Колобов — «Час мужества про́бил на наших часах, и мужество нас не покинет». Советские писатели в первые месяцы войны на фронте и в тылу ...7
А.В. Лебедев, В.В. Рудой — «Самой трудной и тяжёлой опасностью для флота... является минная опасность». Боевая деятельность соединений и кораблей траления Краснознамённого Балтийского флота с началом Великой Отечественной войны и до конца 1941 года 11
Н.А. Маслов — «Находясь на переднем крае... перевязывал раненых, а затем перебегал на огневые позиции...». Установление имён героев Сталинградской битвы по фронтовым фотографиям 11
М.А. Насекин — «Понять всю необходимость быстрой организации и укрепления МПВО...». Местная противовоздушная оборона Сталинграда в годы Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) 9
С.Г. Приезжева — «Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной армии и советского народа». Участие военных корреспондентов в обороне Севастополя в 1941—1942 гг. 4
В.В. Усачёв — Спасая жизни советских военнослужащих. Лечебно-эвакуационное обеспечение войск санитарной авиацией ВВС Красной армии (1941—1942 гг.) 11
С.В. Федулов, Д.Н. Филипповых, В.Н. Половинкин — «Капитан-лейтенант Иванцов показал, чего может достигнуть инициативный командир, настойчиво ищущий встречи с противником». Боевая подготовка экипажей подводных лодок на Ладожском озере в 1944 году 6

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв.

В.И. Безрученко — «Североатлантический альянс... присвоил себе роль и судьи, и судебного исполнителя». Операция НАТО против Республики Сербской в 1995 году 7
И.М. Белогуров — «Важно и дальше совершенствовать оперативные возможности миротворческих частей...». Участие воинских контингентов России в прекращении конфликтов на постсоветском пространстве в 1992—2000 гг. 6
Н.М. Васильев — «Это основа нашей военной победы». Создание Вооружённых сил Республики Абхазия в 1992—1993 гг. 2
А.В. Гирин — Классификация, периодизация, особенности и характерные черты военных конфликтов на территории Югославии (1991—2001 гг.) 3
В.Ж. Дорохов — «Танк... получил серьёзное повреждение, однако полностью не уничтожен». Бои за новейший советский танк Т-62 на острове Даманском в марте—апреле 1969 года 1
Л.А. Рыбочкин — «Афганский опыт имеет особую ценность...». Особенности подготовки водителей и механиков-водителей 40-й армии в Афганистане (1979—1989 гг.) 12
С.А. Тарасов — «Отдел кадров совершенно правильно наладил учёт движения начсостава». Кадровое обеспечение Военно-воздушных сил Красной армии в ходе Советско-финляндской войны (1939—1940 гг.) 3
И.А. Чекмасов — «И развернулся по ветру советский флаг... на Гогланде!». Потери Суурсаарского десантного отряда в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. 10

ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Я.И. Стрелецкий — «Никто ещё не сумел нанести поражение или победить Россию». Правда и мифы о Великой Отечественной войне и победе в ней советского народа 5
И.А. Суздальцев — «“Холодная война” ослепила американцев и породила миф о Восточном фронте». Величайшая битва Второй мировой войны в интерпретации современных англоязычных историков ...5

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

С.С. Бакарягин — «Художественное отображение истории Гражданской войны и Красной армии важно использовать для культурного развития красноармейца...». Выставка к 10-летию Красной армии и утверждение государственного заказа на произведения искусства 6
С.В. Бондарев — «Быть на страже, изучать военное дело, укреплять всеми силами оборону страны». Военно-оборонная работа в Петергофском парке культуры и отдыха в 1930-х годах 6
А.А. Ефимов, И.А. Анохина, Е.Ю. Миненко — «Заставим Европу с удивлением восклицать: непобедимо воинство русское и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных!». Использование музейно-мемориального комплекса М.И. Голенищева-Кутузова в г. Бунцлау (Болеславец) в военно-политической работе в Красной армии 8
Н.А. Жукова — «...Основная задача оставалась прежней: организация культурно-досуговой и образовательной деятельности военнослужащих, гражданского персонала и членов их семей, а также жителей города на Неве». Ленинградский Дом Красной Армии и Флота в период его становления в 1924 году 4
Н.А. Жукова — «...В дальнейшем опыт организации использовался для создания Домов Красной Армии и Домов офицеров Вооружённых

Сил Советского Союза и Российской Федерации». Нормативно-правовая база деятельности Ленинградского Дома Красной Армии и Флота (1924—1928) 9
И.Н. Островская — «...Спектакли проходили с большим подъёмом». О деятельности театрально-концертных бригад театра Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны 7
А.В. Сушко — «...Звание бригады не посрамит и будет так драться с проклятым врагом, чтобы стать гвардейцами». Из опыта работы командного состава 65-й гвардейской стрелковой дивизии по формированию моральных качеств советского гвардейца в годы Великой Отечественной войны 5

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Р.Ю. Поляков — Подготовка кадров для Главного артиллерийского управления в Сумском артиллерийско-техническом училище (1957—1966 гг.) 11
М.В. Попов, М.В. Суворов — «Советские люди, сильные духом, должны быть физически крепкими и знать военное дело». Военные кафедры в вузах Свердловска второй половины 1930-х годов 12
И.А. Шадрина — «Даже псовые и ружейные охотники... стали приучаться сначала только разрезать листы журнала, а потом и читать его». Роль «Артиллерийского журнала» в решении актуальных проблем периодической печати, образования и военного дела во второй половине XIX века 3

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Отец Александр — «Въ бою храбръ, въ вѣрѣ православный». Генералиссимус А.С. Шеин как полководец и храмоздатель 8
Генерал-штурм. К 125-летию со дня рождения Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 2
А.А. Ефимов, И.А. Анохина, Е.Ю. Миненко — «Всегда любил военную книгу, всегда её читал». Военно-историческое знание в жизни М.В. Фрунзе 1
В.Н. Желобов — «Герою... Скобелеву, полководцу, Суворову равному». Генерал М.Д. Скобелев — любимец солдат и офицеров, снискавший славу благодаря своему таланту и трудолюбию 6
С.В. Постников, О.А. Постникова — «Его выдержка, пренебрежение к личным удобствам, сознательная отвага являлись примером...». К 125-летию генерала армии А.А. Лучинского 9
М.М. Ульянов — «Кавказ — это величина совершенно особого рода!». Генерал от кавалерии, генерал-адъютант И.И. Воронцов-Дашков во главе Кавказского военного округа (28 февраля 1905 — 18 октября 1914 г.) 4
Человек с непростой судьбой, познавший триумф побед и горечь поражений... К 130-летию со дня рождения Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 2

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Г.А. Гребенщикова — «Наша эскадра стреляла не по каким-то подозрительным судам, но по неприятельским миноносцам, шедшим на нее в атаку». Военный инцидент, произошедший между Россией и Англией в Северном море 8(21)—9(22) октября 1904 года 3
Г.А. Гребенщикова — «Неслыханною изменою Главнокомандующий в Грузии генерал от инфантерии князь Цицианов при поднесении крепостных ключей убит». Обеспечение стратегических интересов Российской империи в Каспийском регионе. К 220-летию начала Русско-турецкой войны 1806—1812 гг. 8
Б.И. Чернецов — «Иначе, чем вызов Советскому Союзу, Стокгольмский план истолковать нельзя». Стокгольмский протокол как фактор советско-финляндских переговоров в 1939 году 9
М.И. Якушев — «...Доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия никак не перестанут». Фокшаны — Бухарест — Кючук-Кайнарджа: этапы большого пути 7
М.М. Якушев — «...Приятели ево работают великому государю в чем могут усердно». Иностранцы на русской службе в Царьграде в первой четверти XVIII века 8

ИЗ ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

О.В. Зарецкая — «...Заслонить Европу от сил, угрожающих нам с востока». Шведско-норвежское восприятие мифа о «русской угрозе» в период Крымской войны 4
В.И. Мусаев — «Солдаты! Если вы хотите уцелеть и надеетесь на свободную и счастливую жизнь для себя и своих детей — бросайте оружие!». Пропаганда и контрпропаганда сторон в Советско-финляндской войне 1939—1940 гг. 4
Д.Е. Цыкалов — «Не делает чести ни французскому сердцу, ни французскому характеру». Антирусская пропаганда в Париже периода Крымской войны в оценках американских журналистов 10

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

В.А. Бобков — «Сколько дадим стали, столько будет танков». История создания новой отечественной марки стали для бронирования танков А-34 и Т-34 (1939—1945 гг.) 1
А.Г. Бурдин, А.В. Селезнёв, Ю.Я. Коваленко — «...Мы сделали открытие, всё значение которого сейчас едва ли кто сразу поймёт». Создание первых радиоприёмников и приоритет в изобретении радио А.С. Попова (1895—1897 гг.) 8
Е.В. Воейков — «Мне не время отдыхать, я хочу работать так, чтобы все силы отдавать фронту...». Пензенская область — центр производства минометного вооружения в Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 9
А.В. Громов — «...О действии артиллерии нашей увериться хочет». Российские единороги и «шуваловские» гаубицы в Австрии (1758—1760 гг.) 12
И.О. Кладов — «Работа велась лучшими мастерами с максимальной точностью». Создание капитаном

Лазаревым прибора для стрельбы из винтовки под определённым углом возвышения на Тульском оружейном заводе (1912—1916 гг.) 10
А.В. Краморенко, Л.А. Соловьёв, Д.Е. Фадеев — «Весь личный состав отряда в операции работал хорошо». Опыт работы отряда Аварийно-спасательной службы ВМФ СССР в соответствии с «Техническим отчётом по подъёму крейсера “Червона Украина”» в 1946—1948 гг. 7
М.Э. Морозов — «Мы сосредоточили особые усилия именно на строительстве подводного флота». Строительство подлодок в СССР по программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг. 7
В.Н. Прямицын — «Как это глупо умереть, разбившись в тумане!». Влияние метеорологических условий на аварийность в Военно-воздушных силах Красной армии в годы Великой Отечественной и Советско-японской войн (1941—1945 гг.) 7
Р.А. Тимофеева — «Старается всё взвалить на свои плечи». Конструктор советского стрелково-пушечного вооружения М.Н. Кондаков-Пилицын 5
А.В. Толочко — «Приходилось решать одну задачу со многими неизвестными...». Принятие на вооружение ВС СССР подвижного грунтового ракетного комплекса «Темп-2С» и создание на его базе 5-го Испытательного управления 53-го Научно-исследовательского испытательного полигона (1975—1985 гг.) 9
А.Н. Щерба — «Баллистическими качествами наша винтовка превосходит все существующие где-либо военные ружья». Работа военной промышленности Санкт-Петербурга в период Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. 10

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ

В.Ю. Кудейкин — Имена и знамёна прославленных российских полков: вопросы преемственности 2
Я.Г. Солодкин — «Во второе лето по Ермакове убиении...». Экспедиция воеводы И.А. Мансурова и начало присоединения Сибири к России 1

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А.И. Букреев, Е.Д. Жабко — Информационное обеспечение военно-исторических исследований: цифровые информационные ресурсы по истории мировых войн 2

ШЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

В.П. Малышев, А.А. Лебедев, Е.А. Васильева — «Формирования создаются в каждой рабочей смене...». Становление и развитие гражданской обороны в СССР 9

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

И.А. Захарченко — «Такими воинами родина наша может, по справедливости, гордиться, как гордимся ими мы...». Солдаты-приамурцы — георгиевские кавалеры Первой мировой войны 12
А.Ю. Лашков — «Средств для борьбы с аэропланами на фронте недостаточно...». Организация защиты войск и объектов Румынского фронта от ударов с воздуха (1916—1918 гг.) 9
С.А. Миронюк — «Перспектива прекращения отправки войск во Францию... могла бы склонить их в сторону переворота». Декабрьский государственный переворот 1917 года в Лиссабоне в отчёте британца Н.У. Барнардистона 6
А.В. Олейников — Битва за Волынь. Русская 11-я армия против германских и австрийских войск в сражении у Берестечко в июле 1916 года 2
А.В. Олейников — «...Кровью... запечатлели доблесть и беззаветную преданность родине и государю». Структура бронечастей русской армии и некоторые аспекты их боевого применения в годы Первой мировой войны 6
А.П. Павленко — «На Чёрном море гидрокрейсера использовали в составе корабельных манёвренных групп». Быстроходные корабли из Румынии в составе русского Черноморского флота в 1916—1918 гг. 6
А.П. Плужников, В.В. Канищев — «Ад огня и смерти не поколебал людей, и они дружно пошли в наступление». Варшавско-Ивангородская операция 1914 года в полковых журналах боевых действий 12
А.Н. Растрёпин — «Решил... отправиться на войну добровольцем». Военные дневники А.Н. Степанова и фронтовые зарисовки Л.Р. Сологуба 1914—1917 гг. ...8
Ю.А. Цветков — «Я всё время верил в непобедимость России». Война в творчестве Н.А. Бердяева 1914—1918 гг. 9
М.Н. Шошкина, Н.Г. Карнишина, Л.М. Спиридонова — «Чтобы уходящие на службу военные чувствовали уверенность в том, что их семьи будут под защитой правительства...». Деятельность земских участковых начальников в годы Первой мировой войны (по материалам Пензенской губернии) 11

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В.И. Безрученко — «Союз с Россией!», «Долой Гитлера!», «Лучше в могилу, чем в рабство!». Народно-освободительная война в Югославии 1941—1945 гг. 10
О.Д. Панков — «Надвигались важные события и великие ратные дела». Некоторые аспекты подготовки стратегической наступательной операции на Дальнем Востоке в 1945 году 8

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

А.А. Аганов — «В частях армии мало-мальски политработа начинает развиваться...». Армия труда Юго-Востока России в декабре 1920 года 11
В.В. Марковчин, С.А. Липатов — «Русских в обмундировании или без него, мужчин или женщин, участвовавших в бою, пусть даже они сдались, — расстреливать». Карательная операция вермахта против брянских партизан и населения (17 мая — 6 июня 1943 г.): свидетельствуют документы противника 1

ГЕРОИ И ПОДВИГИ

В.В. Запарий, Д.В. Шуняков — «Уральцы бьются здорово!». Уроженцы Свердловской области (в современных границах), удостоенные звания Героя

Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 10

ИМЕНА И СУДЬБЫ

И.П. Каменецкий — «За многие службы и крови отца нашего...». Государева служба воеводы М.А. Вельяминова-Зернова 3
Т.А. Колосовская — «Совершил ученое путешествие в Азию и знаком с Кавказом...». Вехи служебной биографии военного востоковеда А.Н. Казнакова 11
Р.Ш. Нехай, С.Д. Климовский — «От коего проситель показывает свое происхождение назначить». Древняя родословная адмирала Ф.Ф. Ушакова 7
М.В. Фабинский — «...Он полностью служил Родине и людям». Страницы биографии военного комиссара Новгородской губернии А.К. Макарова (1882—1924) 5
Ю.А. Цветков — «Его фатальной ошибкой была неспособность понять всю свою ограниченность и безграмотность... в военно-морских вопросах». Уинстон Черчилль: выдающийся стратег или военный авантюрист? 6
«Я желал быть полезным своему Отечеству...». К 200-летию со дня рождения А.Ф. Можайского (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 3

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

А.А. Будко, И.М. Чиж, Н.Ю. Бринюк, С.Л. Спиридонов — В борьбе за «здоровье» воинских эшелонов. Организация противоэпидемической защиты на железнодорожных коммуникациях в годы Великой Отечественной войны 7
И.В. Карташев, А.В. Карташев — «Медсанбат быстро подбирал раненых и тут же... оказывал хирургическую помощь бойцам и командирам». Работа в прифронтовой полосе санитарной службы 37-й армии в битве за Кавказ (1942—1943 гг.) 1
К.А. Насонов — «Страдания красноармейцев достигли невыразимых пределов». Медицинское обеспечение военнослужащих РККА и членов их семей (1918—1941 гг.) 12

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

В.А. Артамонов — «Понеже Ваше Величество соизволите иметь высочайшее намерение зделать маузолеум мраморовой...». Проект саркофага («моузолю») для Петра Великого в 1725—1726 гг. 3
Р.В. Брешков — «Быти на заставе в Лопаши...». Пограничная служба на Брянском рубеже Русского государства в 20-е годы XVII века 3
И.В. Зимин — «...Сама сделалась провиантмейстером армии». Участие Екатерины II в обеспечении продовольствием Финляндской армии в ходе Русско-шведской войны (1788—1790 гг.) 3
В.М. Овчинников — «Каждый шаг ознаменован мужеством и храбростью...». Русская гвардия в кампании 1812 года 11
А.В. Петрочинин — «Для печатания воинским чинам патентов, и посылаемых к командам указов...». Центральные военные типографии в России XVIII—XX вв. 6
А.Н. Плужников, В.В. Канищев — «...В передовых цепях и подвергаясь явной опасности». Тамбовские дворяне в гвардейских частях Русской Императорской армии накануне и в годы Первой мировой войны 4
И.Н. Стрекалов — «Пусть образы наших полководцев и Ваш образ сохранятся в памяти навечно». Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и киноэпопея «Освобождение» 5

ЭКОНОМИКА И ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ

А.Р. Гапсаламов — «Русские, татары, белорусы, украинцы... ставили здесь на татарской земле станки... и работали на оборону Отечества». Промышленность Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 10
А.Р. Гапсаламов, В.Л. Васильев — «На промышленных предприятиях нашего города работает свыше 30 тыс. стахановцев». Вклад промышленно-производственных кадров Республики Татарстан в экономику страны в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) 9
К.А. Насонов — «При такой ничтожной норме, разумеется, трудно предъявлять суровые требования к нашему комсоставу...». Формирование системы денежного довольствия военнослужащих РККА (январь 1918 — июнь 1941 г.) 7
К.А. Насонов — «Только 30% нашего комсостава сколько-нибудь сносно устроено в квартирном отношении...». Деятельность Советского государства по жилищному и социально-бытовому обеспечению военнослужащих РККА и членов их семей (1922—1941 гг.) 10
Н.С. Симонов — «В энергетике страны сложилась очень серьёзная обстановка». Уральская электроэнергетическая система в годы Великой Отечественной войны 11

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Н.А. Заяц, А.С. Редькин — «Батареи... оказывают громадное содействие пехоте...». Использование 37-мм орудий Маклена в 28-й стрелковой дивизии на Восточном фронте в 1919 году 3
С.И. Панькин — «Насильно в банду никого не тащили, а были исключительно добровольцы». Восстание в станице Наследницкой Троицкого уезда Челябинской губернии в 1920 году 4

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ

Д.А. Антропов — «Своевременно уловить, описать и осмыслить практику современной вооружённой борьбы». Деятельность ведущих отечественных военно-научных школ по разработке многоканальных комплексов радиосвязи систем управления войсками 2
И.В. Евграфова — «...Идеал глубокого ученого-моряка, моряка-практика и цельно образованного человека». К 250-летию со дня рождения адмирала А.С. Грейга 4
И.В. Евграфова — «Без математического анализа шагу не может сделать... архитектура корабельная». Российские математики в военном кораблестроении XVIII века 10
А.В. Лосик, А.Н. Щерба — О военно-научной исторической школе в Михайловской военной артиллерийской академии. Историографический обзор (2005—2024 гг.) 4

ИЗ ФОНДОВ АРХИВОВ И МУЗЕЕВ

А.Е. Негин — «Где у вас шлем Александра Невского?». Уникальный артефакт в экспозиции музея имени Александра Невского в Городце 3

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ

А.А. Зданович — «Противостоящие фронту части 1-й венгерской армии находятся в процессе разложения и деморализации». Деятельность органов «Смерш» на территории Венгрии в 1944—1945 гг. 2

НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

И.В. Зимин — «Спрашивать при отставке людей от службы, не пожелает ли кто на поселение в Казань». Переселение гвардейских отставников в Казанскую и Оренбургскую губернии в 1763—1779 гг. 1

А.В. Нетёсов — «Маленькая часть большой русской армии... свершила здесь великие дела». Войска Русской Императорской армии на Кавказе 10

ВОЕННОПЛЕННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Л.В. Климович — «С нами обходятся в высшей степени гуманно...». Малоизвестные страницы Отечественной войны 1812 года и её последствий. Рецензия на книгу В.П. Тотфалушина «Земляки поневоле: пленные “12-го года” в Саратовском крае» 4

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

И.В. Зимин — «...Истинные заслуги награждаются самыми разнообразными способами». Формирование системы военных пенсий во второй половине XVIII века (по материалам изустных указов Екатерины II) 4

С.Е. Лазарев, Д.В. Кузнецова — «Реформа... уничтожила, в сущности, военное рабство». Изменения в русской армии 1860—1870-х годов в произведениях изобразительного искусства 4

А.С. Лизогуб — «200-летний юбилей... Полтавской битвы был отпразднован с исключительной торжественностью...». Сравнительный анализ коммеморативных мероприятий, посвящённых событиям Северной войны, в 1900—1914 гг. 2

Н.В. Никитина, С.С. Чиков — «Ибо из отставных многие... и сами охотно при тех делах служить помышляют». Отставные военные в кадровом полицейском резерве Смоленской губернии в первой половине XIX века 8

Н.Л. Рыжов — «Рано или поздно должны победить наши». Русско-японская война 1904—1905 гг. в восприятии вятских крестьян 3

С.Н. Серягин — «Я не был, однако, никогда посвящен в тайны этих господ». Взгляды генерала Д.В. Давыдова на движение декабристов 11

Е.Д. Твердюкова — «Неужели я не заслужил своей солдатской честью... мотоколяски». Обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны автотранспортными средствами в СССР 12

С.Н. Третьякова — «На юге вы бились со славой, — и север вам честь воздает...». Встреча защитников Севастополя в Архангельске в 1856 году 12

О.В. Фаллер, О.Л. Мальцева — «Довольствовать как конную нашу гвардию, так и всю нашу кавалерию... лошадьми рослыми». Женщины в русском коннозаводстве XVIII—XIX вв. 3

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

А.Ю. Тимофеев — «Цели Союза: борьба всеми средствами против немцев и их эмигрантских сообщников». Русские эмигранты в Народно-освободительном движении Югославии в 1941—1944 гг. 8

А.А. Хисамутдинов — «Нельзя... заставить не двигать военное дело». Полковник Н.В. Колесников и русская военная эмиграция в Шанхае 1

ЖЕНЩИНЫ В АРМИИ

С.В. Аверченко, Г.В. Парфенова — «Страстно предана делу реактивных моторов и заслуживает... поступления в военно-воздушную академию». Тамара Оденова — единственная женщина — старший инженер по эксплуатации авиаполка действующей армии в годы Великой Отечественной войны 3

В.А. Лысенко — «Избираются с строгою разборчивостью из человеколюбивых, известных своим поведением и добросовестностью женщин». Движение сестёр милосердия в Крымской войне 1853—1856 гг. 2

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

А.Б. Арбеков — «Флот английский... не поспевает в скачке вооружений с Германией». Британо-германские противоречия в 1900-х — первой половине 1910-х годов в материалах российской военной разведки в Великобритании 9

А.С. Зорин, А.Г. Фесюн — «...Я достиг состояния спокойствия. Это может понять лишь тот, кто рисковал жизнью ради своих убеждений». Одзаки Хоцуми — основной источник Рихарда Зорге 6

М.М. Фролова — «Несколько дней, проведенных в Плевне, напомнили мне живо Севастополь». Неизвестные письма лазутчика К.Н. Фаврикодорова, посланные из Софии и осаждённой Плевны в 1877 году 7

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю.А. Никифоров — Книга для массового исторического просвещения и военно-патриотического воспитания. Рецензия на книгу В.Г. Кикнадзе «Великая Победа над фашизмом. Фальсификациям — нет!» ...10

А.В. Петрочинин — «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Новые виды советского оружия и военной техники в годы Великой Отечественной войны. Рецензия на книгу «Чтобы путь к Победе стал короче» 11

ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

С.Э. Яловицына, С.В. Нагурная — «Помните, что был такой парень, который погиб за трудовой народ». Воспоминания о войне и фронтовые письма в формировании исторической памяти (по материалам карельских исследований) 9

ИЗ ИСТОРИИ ФОРТИФИКАЦИИ

С.В. Горохов — «Начало историческому изучению инженерной части в России...». Городни и тарасы в

Сибири и на Дальнем Востоке в свете исследований Ф.Ф. Ласковского 12

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

А.Ю. Анфимова — «Все, кто имел смуглую кожу, были расстреляны». Геноцид цыганского народа на оккупированной фашистами Смоленщине в годы Великой Отечественной войны 11
Ю.Ю. Вержбицкий — «За все эти чудовищные преступления... преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники несут всю полноту уголовной и материальной ответственности». Организация расследования нацистских преступлений и наказание военных преступников, виновных в геноциде на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны 5
Г.В. Плохотнюк — «Подозрительные элементы должны быть отобраны и переданы СД...». Взаимодействие карательной зондеркоманды 4а и 2-й армии вермахта под Воронежем (июль—октябрь 1942 г.) 11

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Военно-историческая работа в Вооружённых силах Российской Федерации на современном этапе: итоги, проблемы, задачи. Сбор военных историков 6

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

С.С. Близниченко — «За снятие эсминца “Энгельс” с камней получил именные золотые часы...». Судьба инженер-флагмана 3 ранга К.В. Голицына 1
С.С. Близниченко — «Образец воинской чёткости, подтянутости и дисциплины». Судьба инженер-капитана 1 ранга Ю.Ю. Кимбара 7

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Л.Н. Бочарова — Великая Отечественная война в зеркале статистики. Рецензия на книгу «Великая Отечественная война: юбилейный статистический сборник “Цифры Победы”» 10
Военная элита России. Рецензия на книги Р.М. Португальского, В.А. Рунова «Военная элита Российской империи. 1700—1917», В.Н. Лобова, Р.М. Португальского, В.А. Рунова «Военная элита России. Советский период. 1917—1991», «Военная элита Российской Федерации» 2
Л.Н. Бочарова — «...Ныне состоящие в полку шапки оставить навсегда». Павловцы: история, биографии, мемуары. Рецензия на книгу А.Ю. Бондаренко «Павловцы: истории, биографии, мемуары» 12
Е.В. Волков — Документальные страницы истории Общества русских ветеранов в Сан-Франциско. Рецензия на книгу «Под знаком святого Георгия: Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско» 8
Высшие офицеры военно-политических структур. Рецензия на книгу В.Н. Бусловского «Высшие офицеры военно-политических органов Вооружённых сил» 8
Д.Г. Гужва — Генерал-фельдмаршал И.В. Гурко в служении Отечеству. Рецензия на книгу «Фельдмаршал Гурко» 8
Д.Г. Гужва — Освободительная миссия Советского Союза во Второй мировой войне. Рецензия на книгу «За мир без нацизма: Красная Армия — освободитель Европы. 1944—1945 гг.» 10
Дорога жизни — символ мужества и отваги. Рецензия на книгу «Дорога жизни. 1941—1943 гг.» 12
Защитники крымской твердыни. Рецензия на книгу «Битва за Севастополь (записки участника обороны)» 12
Знак строительного качества. Рецензия на книгу В.А. Стратия «Под надёжной защитой “Центра”. История строительных войск» 10
Кадры Генштаба в Гражданской войне. Рецензия на книгу А.В. Ганина «Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917—1922 гг.» 1
В.Г. Кикнадзе — «Высочайший уровень управленческих компетенций, показанных руководителями региона». Сборник документов о вкладе Свердловской области и уральцев в Великую Победу. Рецензия на книгу «Важнейшие документы войны: Свердловская область» 12
С.Д. Климовский, А.В. Лосик — Военное судостроение России конца XVII — начала XX века в зеркале отечественной историографии. Рецензия на книгу Т.В. Алексеева «История военной промышленности России (XV — начало XX вв.): опыт изучения отечественной историографии. Т. 1. История военного судостроения (XVII — начало XX вв.)» 2
А.В. Лосик, Т.В. Алексеев — Военная индустрия Санкт-Петербурга: век XIX. Рецензия на книгу А.Н. Щербы «Военная промышленность Санкт-Петербурга в XIX веке» 6
Не забудем. Не простим... Рецензия на книгу «“Мы никогда не забудем”: факты о преступлениях фашизма» (*Публикация Л.Н. Бочаровой*) 5
«Неутомимый творческий поиск, трудолюбие и высокий профессионализм...». Рецензия на книгу «Военная история. На северо-западном направлении: к 20-летию формирования научно-исследовательского отдела» 3
«Никогда не позорили они вековую русскую славу». Репринт наказа воинам Уральского добровольческого танкового корпуса от трудящихся. Рецензия на книгу «Наказ бойцам, командирам и политработникам Особого Уральского добровольческого танкового корпуса имени Сталина от трудящихся Южного Урала (1943 г.)» 12
Новая книга проекта «Библиотека “Военно-исторического журнала”». Рецензия на книгу И.А. Кузнецовой «Четырнадцать переворотов. Киев. 1917—1920» 12
На службе Отечеству. Рецензия на книгу С.А. Балаклеева «30 лет беззаветного служения Отечеству» 2
Повседневная жизнь военных гимназистов и кадет. Рецензия на книгу А.А. Колесникова, А.А. Михайлова «Повседневная жизнь кадет русской Императорской армии (вторая половина XIX — начало XX в.)» 1
Подготовка и воинский быт нижних чинов Российской армии. Рецензия на книги В.И. Баяндина

«От Крымской войны до Первой мировой (нижние чины российской армии на востоке империи)» и «От Крымской войны до Первой мировой (нижние чины российской армии в азиатской части империи)» 2
А.Н. Щерба — Медицинское обеспечение Русской Императорской армии в Первой мировой войне. Рецензия на книгу А.А. Будко, Н.Ю. Бринюк, К.А. Пашкова, Д.А. Журавлёва «Военная медицина Российской империи в Первой мировой войне 1914—1918 годов (свидетельствует лейб-хирург Н.А. Вельяминов)» 4

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

«Где голова твоя ляжет, тут и мы свои головы сложим!». Памятная дата России — День Военной присяги (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 11
«...Герой, стеснитель ратных строев, Перун кагульских берегов». К 300-летию со дня рождения генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 1
«Гром победы, раздавайся!». К 235-летию взятия русскими войсками под командованием А.В. Суворова турецкой крепости Измаил (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 12
«Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи». К 80-летию начала Висло-Одерской стратегической наступательной операции советских войск (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 1
Заключительное сражение Великой Отечественной войны. К 80-летию начала Берлинской стратегической наступательной операции и водружения Знамени Победы над германским Рейхстагом (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 4
«Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен». 3 декабря — День Неизвестного Солдата (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 12
«Как Божия гроза, впереди всех пронёсся в средину врагов юный князь...». К 785-летию победы русских войск под командованием князя Александра Ярославича над шведами в Невской битве (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 7
Клубу военачальников Российской Федерации — 20 лет! (*Публикация Л.Н. Бочаровой*) 2
«Любого из них дьявол взял бы себе в министры...». К 80-летию начала Нюрнбергского процесса 1945—1946 гг. (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 11
Москва салютует героям. К 80-летию взятия советскими войсками Братиславы, Вены и Кёнигсберга (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 4
«...На нас лежит честь защиты Севастополя, защиты родного нам флота!». К 170-летию отражения русскими войсками штурма англо-французско-турецкими войсками Малахова кургана в ходе обороны Севастополя (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 6
«Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита... и вот этот день наступил». К 80-летию победы СССР над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 9
«Несокрушимая и легендарная...». 23 февраля — День защитника Отечества (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 2
«...Никогда в толиком порядке... не действовал наш фронт, как при сей щастливой атаке». К 225-летию победы русской армии под командованием генерал-аншефа П.А. Румянцева над турецкой армией при Ларге (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 7
«Никто, кроме нас!». К 95-летию создания отечественных Воздушно-десантных войск (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 8
«Нужно подготовить и провести особый парад...». К 80-летию Парада Победы в ознаменование разгрома фашистской Германии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 6
Подвиг «Рамзая». К 130-летию со дня рождения Рихарда Зорге (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 10
«Пусть разбито тело русского флота, но осталась непобедимой душа его». К 120-летию Цусимского сражения (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 5
Стоявшие насмерть... К 25-летию героической гибели в Аргунском ущелье 6-й роты 104-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й гвардейской Псковской дивизии Воздушно-десантных войск (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 3
«Тридцать залпов из тысячи орудий в честь Великой Победы...». К 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 5
«Чесма заставила говорить о себе всю Европу!». К 255-летию победы русского флота в Чесменском сражении (*Публикация Г.А. Гребенщиковой*) 6
«Эта атака “мертвецов”... настолько поразила немцев, что они не приняли боя и бросились назад...». К 110-летию подвига защитников крепости Осовец (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 8
«Я не вижу моего врага... но... воюю с ним». К 125-летию со дня рождения С.А. Лавочкина (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 9
Яркая демонстрация силы русского оружия. К 265-летию взятия русскими войсками Берлина в ходе Семилетней войны (*Публикация Н.Л. Крыловой*) 10

Январь в военной истории. *Публикация А.Л. Курсовой* 1
Февраль в военной истории. *Публикация А.Л. Курсовой* 2
Март в военной истории. *Публикация А.Л. Курсовой* 3
Апрель в военной истории. *Публикация А.Л. Курсовой* 4
Май в военной истории. *Публикация А.Л. Курсовой* 5
Июнь в военной истории. *Публикация Н.Л. Крыловой* 6
Июль в военной истории. *Публикация Н.Л. Крыловой* 7
Август в военной истории. *Публикация Н.Л. Крыловой* 8
Сентябрь в военной истории. *Публикация Н.Л. Крыловой* 9
Октябрь в военной истории. *Публикация Н.Л. Крыловой* 10
Ноябрь в военной истории. *Публикация Н.Л. Крыловой* 11
Декабрь в военной истории. *Публикация Н.Л. Крыловой* 12